

ЕЛЕНА БЕГЛОВА:

*«Если ты готов бороться за победу,
надо уметь преодолевать трудности»*

---

*О жизни и творчестве художника Эдуарда Мане
читайте на стр. 88*

Неизвестное об известном

<i>Юрий Осипов</i>	Александр Твардовский: «Дорога дальняя моя...» 4
--------------------	--

Донбасские истории

<i>Николай Иванов</i>	Пока играет флейта 12
-----------------------	-----------------------------------

Так было

<i>Денис Логинов</i>	«Пусть знают и помнят...» 26
----------------------	--

Замечательные современники

<i>Дмитрий Соколов</i>	Елена Беглова: «Спортсмен должен обладать дисциплиной, упорством и пониманием, что нет предела совершенству» 34
------------------------	---

<i>Дарья Парчинская</i>	Ирина Зайцева: «Роль Эдит Пиаф проходит красной линией по всей моей жизни» 78
-------------------------	---

Чтобы помнили

<i>Николай Долгополов</i>	Шумит сурово брянский лес... 42
---------------------------	---

<i>Светлана Савицкая</i>	За инверсионным следом 22
--------------------------	---------------------------------------

Судьбы

<i>Евгения Гордиенко</i>	Негромкий метроном блокады 50
--------------------------	---

Рассказ

<i>Михаил Смирнов</i>	Ерохины 56
-----------------------	------------------------

Поэзия

<i>Дмитрий Дарин</i>	Стихи 73
----------------------	----------------------

История одной картины

<i>Ирина Опимах</i>	«Мертвый тореадор» Эдуарда Мане, или Как из одной посредственной картины сделать два шедевра 88
---------------------	---

Это интересно

<i>Юрий Прокопчук</i>	Летчик-дальтоник 98
-----------------------	---------------------------------

<i>Дмитрий Зелов</i>	Антифашистский кульбит гитлеровского фельдмаршала 100
----------------------	---

<i>Александр Ралот</i>	«В нашем заведении вас обслуживает зять императора!» 110
------------------------	--

Нам пишут

<i>Ирина Захарович</i>	Памяти Альбины Краснокутской 104
------------------------	--

Детективная мистика

<i>Дарья Булатникова</i>	Осиновый крест 122
--------------------------	--------------------------------

Кроссворд. Эрудит	188
--------------------------	-----------------

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Чемпионка России, звезда баскетбола
Елена Беглова
Фото из личного архива

Иллюстрации

Сотов Иван Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127015 Почтовое отделение
Россия, Москва, Бутырская
улица, 21, а/я 52
для ООО "Журнал "Смена"
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: ООО «Типография «Миттель Пресс».
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —
Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 16.04.2024

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора

!!! ВНИМАНИЕ, КОНКУРС !!!

Дорогие читатели!

У многих из нас живет дома какой-нибудь домашний питомец: собака, кошка, попугай или канарейка, даже черепаха... Они настолько искренне привязаны к своему хозяину, что невозможно не ценить эту бескорыстную и нежную дружбу. Это действительно наши «братья меньшие», и называют их так из-за глубокой к нам привязанности. Если мы относимся к своим питомцам с лаской и любовью, они отвечают нам тем же, потому что это самые верные и преданные существа. И при этом мы нуждаемся в них не меньше, чем они в нас. Не стоит забывать строки из «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Пишите нам о своих любимцах, об их повадках, характере, о вашей взаимной дружбе, которая словно очищает душу и наполняет ее любовью не только к вашему питомцу, но и помогает немного другими глазами воспринимать окружающий нас мир.

Вот поэтому мы и решили в 2024 году объявить среди наших подписчиков конкурс

«БРАТЯ НАШИ МЕНЬШИЕ»

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru до конца октября 2024 года.

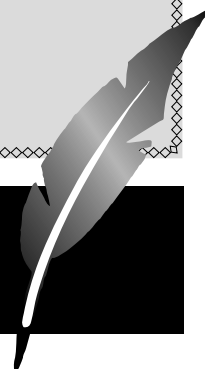
Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2025 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена»

Первая премия — бесплатная годовая подписка

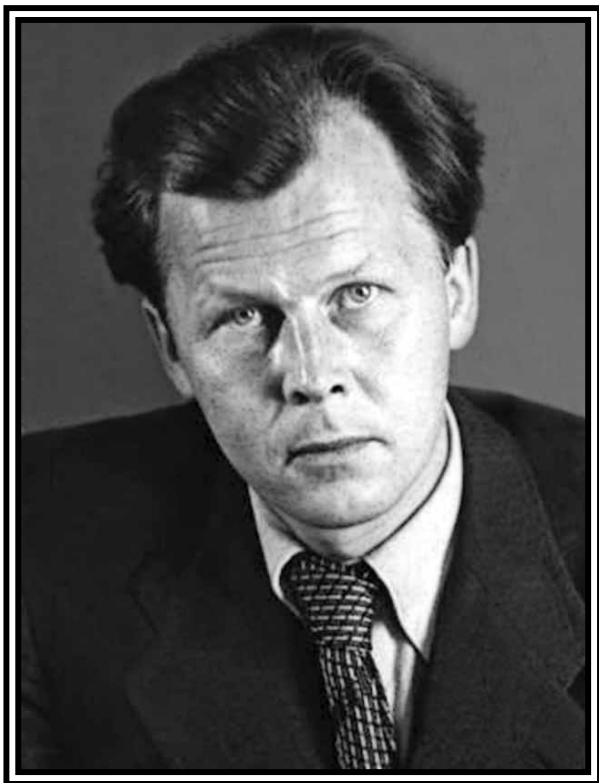
Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

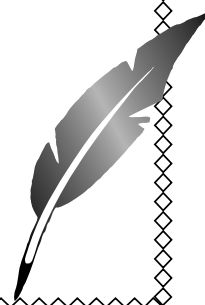

Александр Твардовский

*«Дорога
дальняя
моя...»*

А. Твардовский

Художественность и идейность — вот та основа, на которой, по мнению Твардовского, должно строиться любое литературное произведение. Этому принципу он неукоснительно следовал в собственном поэтическом творчестве и руководствовался им на посту главного редактора «Нового мира». Александр Трифонович стремился собрать под обложкой лучшего толстого журнала страны не только талантливых, но и честных, совестливых, болеющих за свое Отечество писателей. Так этот крупный, вспыльчивый и широко мыслящий человек понимал «идейность». Он ввел в литературу немало одаренных прозаиков, таких, как Солженицын, Абрамов, Некрасов. Неизменно печатались в «Новом мире» и поэты: Пастернак, Ахматова, Вознесенский, Самойлов, Шефнер, Левитанский...

Порой «Новый мир» Твардовского упрекают в том, что он, якобы, не рискнул опубликовать «Мастера и Маргариту». Но ведь в журнале при Твардовском впервые появился булгаковский «Театральный роман»! И длившиеся не один год мучительные тяжбы с цензурой по поводу публикации этого произведения, рукопись которого предоставила вдова

писателя, Елена Сергеевна, настолько измотали главного редактора, что от печатания «Мастера и Маргариты» он вынужден был отказаться.

Тогда стало ясно, что позволенное другим журналам не позволялось «Новому миру», поскольку он выделялся среди них своей принципиальностью, демократизмом, правдивостью, отчего любое произведение на его страницах невольно выглядело более смелым и вызывающим. Что уж тут говорить о контексте бессмертного шедевра Булгакова! Вот власть предрержащие и боялись, что в «Новом мире» этот роман прозвучит гораздо сильнее, чем в любом другом печатном издании.

Тем не менее Твардовский отважился напечатать «За правое дело» В. Гроссмана, откровенно рассказавшего о цене нашей великой Победы в Отечественной войне. Публикация этого романа, предвосхитившего эпохальную гроссмановскую эпопею «Жизнь и судьба», романа, который не удалось «пробить» всемогущему предыдущему редактору «Нового мира» Константину Симонову, оказалась оплачена нервами и здоровьем Александра Трифоновича.

А была еще всегда замечательная, проникновенная, истинно народная поэзия А.Твардовского. Поэмы «Страна Муравия», «Василий Теркин», «Теркин на том свете», «По праву памяти»... Упругий, искрящийся юмором, реалистичный стих, яркие образы, глубокие мысли.

Можно утверждать, что Твардовский повторил на новом витке Истории нравственный и литературный подвиг своего великого предшественника Николая Некрасова, того, кто демократизировал поэтическую музу, сделал ее защитницей угнетенного народа и в условиях «бдительной» царской цензуры самоотверженно продолжал редактировать и издавать пушкинский «Современник».

Александр Трифонович Твардовский родился в июне 1910 года на хуторе Загорье Смоленской губернии. Отец, Трифон Гордеевич, был деревенским кузнецом. Мать, Мария Митрофановна, происходила из однодворцев (военизированного сословия землевладельцев, живших по окраинам империи и несших пограничную службу). Да и отец поэта воспринимал себя скорее как однодворца, нежели простого крестьянина, поскольку тяжким кузнечным

ремеслом скопил денег на покупку земельного надела.

«Земля эта, — писал в своих воспоминаниях автор «Василия Теркина», — десять с небольшим десятин — вся в мелких болотцах и вся заросшая лозняком, ельником, березкой, была во всех смыслах незавидна. Но для отца, который был единственным сыном безземельного солдата,.. земля эта была дорога до святости. Нам, детям, он с самого малого возраста внушал любовь и уваже-

ние к этой кислой, скупой, но нашей земле».

Трифон Гордеевич был человеком начитанным. По вечерам в их доме часто читали вслух Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Толстого, Никитина, Ершова.

Ну а стихи юный Александр начал сочинять, будучи еще неграмотным.

Маленькие заметки в смоленских газетах — с них начинался в 14 лет творческий путь Твардовского. Потом он собрал несколько своих стихотворений и принес их на суд известному поэту-песеннику М. Исаковскому, работавшему в газете «Рабочий путь». Поэт приветливо принял начинающего собрата и выступил его литературным наставником.

В 1928-м Александр покинул семью и переехал в Смоленск, где был принят в Ассоциацию пролетарских писателей (РААП).

Там же, в Смоленске, продолжали печататься его ранние стихи и поэмы. И там же, в Смоленске, он поступил в педагогический институт, чтобы в 1936-м стать студентом третьего курса Московского института философии, истории и литературы, знаменитого ИФЛИ.

Традиции русской поэтической классики определили характер творчества Твардовского, при встрече с которым невольно вспоминаются слова: «Вот стихи, а все понятно, все на русском языке». От юности к зрелым годам поэт менялся, определен-

ную эволюцию переживало и его творчество — как в стилистическом, так и в жанровом отношении. Ранняя лирика Твардовского наполнена темами природы родного края. Подобно Есенину и другим, выросшим в деревне поэтам, он горячо любил свою малую родину, тонко чувствовал запахи земли, ветра и умел зримо передать краски неброской деревенской природы.

*День пригреет — возле дома
Пахнет поздней травой,
Яровой сухой соломой
И картофельной ботвой...*

В такие трогательные картины природы вторгаются колоритные мелочи сельской жизни. В 30-е годы к ним добавляются убедительные образы сельских тружеников — хлеборобов, плотников, печников, шоферов. Стихи Твардовского тех лет отличает «негромкая» образность, очерковость. Недаром они объединены под названием «Сельская хроника».

Но и тогда поэт писал не только о труде, но и о любви. Сам он в жизни был однолюбом. Рано женившись, Александр Трифонович выбрал себе спутницу один раз и навсегда. Мария Илларионовна стала его другом и соратником, секретарем, курьером, редактором произведений горячо любимого мужа. А еще — мудрым советчиком.

С фронта Твардовский присылал ей наброски глав своей великой поэмы «Василий Теркин», «книги про

бойца, без начала и конца». Когда он захотел произвести Теркина в офицеры, именно Мария уговорила его оставить народного героя рядовым бойцом.

В трудные послевоенные годы над головой выдающегося поэта и редактора «Нового мира» не раз сгущались тучи, и он впадал в отчаяние от бессилия помочь репрессированным друзьям. Только благодаря жене ему удавалось выходить из глубокой депрессии. Примечательно, что после отставки с поста глав-

Возможно, любовь, пронесенная через всю жизнь, помогла Твардовскому в написании трогательных лирических стихов, которые в разную пору украшали его масштабную эпическую поэзию. И хотя на ее фоне они выглядят слегка наивными, зато в этих стихах дышит подлинное чувство, проявляется сокровенная доброта автора. Таковы «Соперники», «Невеста», «Размолвка», с их чисто деревенской прямо-той и грубоватостью. Вот как относится лирический герой стихотво-

---

Т*радиции русской поэтической классики определили характер творчества Твардовского, при встрече с которым вспоминаются слова: «Вот стихи, а все понятно, все на русском языке...» Подобно Есенину и другим выросшим в деревне поэтам он горячо любил свою малую родину, тонко чувствовал запахи земли, ветра и умел зримо передать краски неброской деревенской природы*

ного редактора ведущего литературного журнала страны власти предложили оставить ему номенклатурный «кремлевский паек». Супруга отговорила Александра Трифоновича принимать унизительную подачку.

Мария Илларионовна много сделала для сохранения его памяти. Работала над выпуском пластинок с записью произведений Твардовского, издавала книги воспоминаний о нем, участвовала в создании нескольких мемориальных музеев поэта.

рения к более удачливому сопернику: «Пусть он смелый, \ Пусть известный, \ Пусть еще побьет рекорд, \ Но и пусть мою невесту \ Хорошенько любит, \ Черт!..»

В 1939-м Твардовский окончил ИФЛИ и около года работал корреспондентом в газете Ленинградского военного округа «На страже Родины». Советский патриотизм с юных лет был присущ этому высокому, сильному, красивому человеку и большому поэту. Несмотря на то, что его родители, а также братья и се-

стры подверглись раскулачиванию и ссылке, причем их родной хутор сожгли, Александр Трифонович поддержал сталинскую коллективизацию крестьянских хозяйств и даже воспел ее как зарю светлого будущего в поэмах «Путь к социализму» (1931) и «Страна Муравия» (1936). И, разумеется, не они, а бессмертный «Василий Теркин» наряду с другими поздними поэмами навечно вписали его имя в золотой фонд отечественной литературы минувшего столетия.

Путь к ним лежал через войну. В газете «На страже Родины» Твар-

жающие афористичностью, лаконизмом и психологической прорисовкой.

Чтобы создать такой шедевр, надо было прошагать по дорогам Великой Отечественной, делить с солдатами тяготы и лишения, встречаться лицом к лицу со смертью... По мере написания главы поэмы печатались в газете Западного фронта «Красноармейская правда» и были невероятно популярны на передовой. Их притягательность для бойцов заключалась в том, что автор писал для читателей, которые, как и он сам, могли

Бессмертный «Василий Теркин» наряду с другими поэмами навечно вписали имя Твардовского в золотой фонд отечественной литературы минувшего столетия. Чтобы создать такой шедевр, как поэма про Теркина, надо было прошагать по дорогам Великой Отечественной, делить с солдатами тяготы и лишения, встречаться лицом к лицу со смертью...

довскому было присвоено воинское звание батальонного комиссара. В этом качестве он участвовал в освободительном походе Красной армии в Западную Белоруссию и в Финской зимней кампании. Тогда же, в январе 1940 года, в газете начали появляться незатейливые стихотворные тексты-подписи к сериям рисунков о подвигах Васи Теркина (напоминающие нынешние комиксы). Этим стихам и суждено было превратиться затем в лирические главы великой поэмы, пора-

в любой момент погибнуть. Не случайно поэма «Василий Теркин» являлась как бы неотъемлемым атрибутом фронтовой жизни, в результате чего Твардовский стал буквально культовым поэтом того героического поколения.

Помимо прочего, «Василий Теркин» выделялся среди других поэтических произведений военных лет полным отсутствием идеологической пропаганды и даже упоминанием имени Сталина, партии, которым Твардовский был искренне предан.

Поэму отличает простой и точный слог, энергичное развитие действия. При том, что все эпизоды «Теркина» связаны друг с другом самым главным героем, с привычной солдатской сноровкой и стойкостью отмеряющим суровое время войны в боях и походах.

*Я забыть тебя не вправе,
Чем твоей обязан славе,
Чем и где помог ты мне,
Делу время, час забаве,
Дорог Теркин на войне.*

Всю войну Александр Трифонович провел на фронте. Дослужился до подполковника, был награжден орденами за свой поэтический и журналистский труд, укреплявший дух солдат Великой Отечественной, и писал о своей Главной «книге про бойца»: «Теркин» был для меня воюющим советским человеком — моей лирикой, моей публицистикой, песней и поучением, анекдотом и присказкой, разговором по душам и репликой к случаю».

Победу Твардовский встретил в Восточной Пруссии. Его возвращение к мирной жизни ознаменовалось крупной поэмой «Дом у дороги» (1946), где упоминаются первые трагические месяцы войны. И в том же 1946-м было написано едва ли не самое драматичное и горькое стихотворение Твардовского — «Я убит подо Ржевом».

*Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,*

*В пятой роте, на левом,
При жестоком налете.*

.....
*Я — где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я — где с облачком пыли
Ходит рожь на холме...*

*Летом горького года
Я убит. Для меня —
Ни известий, ни сводок
После этого дня.*

И заканчивается стихотворение пронзительными строками:

*Ах, своя ли, чужая,
Вся в цветах или в снегу...
Я вам жизнь завещаю, —
Что я больше могу?
Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой Отчизне
С честью дальше служить.*

Твардовский продолжал служить ей до конца, постоянно находясь на переднем крае, служить, невзирая на личные невзгоды и потрясения, с которыми сталкивался на посту главреда «Нового мира». Он был назначен на столь ответственный пост в 1950-м и сумел поднять этот журнал до уровня пушкинско-некрасовского «Современника».

Причем, переселившись в редакционный кабинет на Пушкинской площади, Твардовский не перестал быть Поэтом с большой буквы. Вместе с не уходящей из его стихов памятью войны его творчество обрело

еще большую философскую глубину, гражданский пафос, историзм. При этом оставалось доступным по языку и стилю читателям любого уровня образованности и культуры.

Такой явилась одна из поздних, вершинных поэм мастера — «За далью — даль». Ее свободное построение (путевой дневник в поезде «Москва-Владивосток») позволяло автору включать в текст поэмы разные темы и проблемы — от осуждения сталинизма до воспевания романтики мирного созидательного труда советских людей — и перебрасывать «рельсы памяти сердца» из дали детства, через военную годину, в сегодняшний день.

В послевоенных стихах автора «Теркина» нет сложной аллегоричности, возвышенных метафор, но именно в простоте и прозрачности строя его поэтической речи чувствуется острое эмоциональное напряжение, душевное переживание. Как в таких вот удивительных строках: *«Я знаю, никакой моей вины / В том, что другие не пришли с войны. / В том, что они — кто старше, кто моложе, — остались там. / И не о том же речь, / Что я их мог, но не сумел сберечь, — / Речь не о том, но все же, все же, все же...»*

Безусловно, самым значительным этапом истории журнала «Новый мир» были периоды с 1950-го по 1954-й и с 1958-го по 1970-й годы,

когда во главе издания стоял выдающийся поэт и гражданин Александр Твардовский, отдававшийся этой многотрудной, изнурительной и чреватой гонениями работе-борьбе как к делу жизни. Именно поэтому под его руководством «Новый мир» продолжил лучшие традиции пушкинско-некрасовского «Современника» и «Отечественных записок» того же Некрасова и Салтыкова-Щедрина. Журнал при Твардовском заполнил культурную нишу, которая образовалась в годы хрущевской «оттепели» после XX съезда партии, осудившего культ личности Сталина и «практику идеологического догматизма и начетничества». Редколлегия «Нового мира» была им фактически выпестована и подобрана человек к человеку как команда единомышленников; и в этом тоже заключалась особая сила журнала, его авторитет в широких читательских кругах и пробивная способность.

В 1970-м Твардовский вынужден был покинуть журнал в результате непрерывной травли со стороны «Главлита» и высоких партийных инстанций. Его боль и переживания в связи с этим вылились в инсульт. Кроме того, в больнице у него обнаружили рак легких, который и стал причиной смерти Твардовского.

Он вообще был человек горячий, страстный, человек порыва. Хорошо знавший его по совместной ра-

боте в редакции «Нового мира» видный литературовед, прозаик и мемуарист М.Лакшин вспоминал: «При мало-мальски близком знакомстве с ним легко открывалась его доверчивость. Да, при всей пронзительной остроте ума, он был человек по-детски доверчивый, потому что верил в справедливость и ждал ее от жизни».

И еще одна важная вещь. Завоевав поэтическим творчеством имя подлинно народного поэта, с которым вынуждены были считаться официальные круги, Александр Твардовский употребил все свое непре-

рекаемое влияние главреда «Нового мира» на то, чтобы «открывать дорогу в литературе таланту, правде и совести», следуя завету великих предшественников. Причем, воспевая в стихах отчий дом, деревенскую околицу и свою бескрайнюю Страну Советов, он до самого своего смертного часа продолжал болеть в стихах за судьбы всего человечества.

*В зрелости так не тревожат
меня*

*Космоса дальние светлы,
Как муравьиная злая возня
Маленькой нашей планеты... □*

*Памятник
Александру
Твардовскому
и Василию
Теркину
в Смоленске*

Пока играет флейта

4

У войны любимая дорога — узкоколейка, не дающая никаких шансов вернуться попавшемуся навстречу солдату!

Для прибывшего пополнения сделалось исключение, и новобранцев встретила «свадьба»: танкисты бережно покрывали покатые плечи своих «Т-72» белой фатой. Похлопав «невест» по не менее покатым аппетитным бокам, заводили их на ночь в капониры-горницы. Из-под вуали торчали перебинтованные носы оружейных стволов — спор за чужих «женихов» или маскировочный макияж?

— Ленушок, чудушко, да какие могут быть тут женщины! — прилюдно обманывал молодую жену Москвич. — А вот связь точно пропадет...

Разлуку с домом обещало компенсировать «свадебное» угощение: из лихо подскочившего тылового фургона два шустрого солдатика принялись разносить термоса с кашей и чаем, лотки с белым хлебом. Батоны перевернулись при тряске, но тут уж законы войны: быстрее едешь — живее будешь. Где-то вдаль уже пыталась присоединиться к «свадьбе» артиллерийская «дискотека».

— Дураш ты, если так думаешь... Отбой! — «Москвич», наконец, отключил связь с домом.

И вовремя, так как к прибывшим уже приближался командир выводимых на отдых морских пехотинцев, чьи позиции и занимали десантники. Кроме блиндажей и окопов морпехи оставляли в назидание деревянный щит с надписью «Место для хранения ваших смартфонов», к которому гвоздями было прибито с десятков аппаратов — наглядное пособие про уязвимость звонков, засекаемых сотнями американских спутников, висящими над Украиной. А уж кому они передают координаты, за пояснениями

Окончание. Начало в №4, 2024

даже к Маадыру ходить не требовалось: шепчет-шаманит, разрывая белый шарф на полосочки и повязывая их на руки уходящим на позиции подчиненным — и оберег, и распознавание «свой-чужой».

— Стреляй каждого, кто поднял автомат в твою сторону, — поучал попавшегося на пути «Синяка» щупленький морпех, вместе с командиром передающий окопы новичкам.

— Так нам бы лишь бы... И мы тогда ого-го! — Тот вытягивал шею, пытаясь заранее и выглядеть опасность, и продать себя подороже. — Как звать-то?

— Имена наши Бог знает, они написаны на небе. По ту сторону прицела. — Владелец ефрейторской зеленой лычки на погоне указал автоматом вверх, наверняка повторяя чьи-то красивые слова. Уселся в протертое кресло рядом с укрытой масксетью штабной землянкой, заглянул в стоявший рядом казан, потрогал ладонью остатки плова. Не удовлетворившись подогревом, вытащил из рюкзака банку тушенки и, смешно растопырив пальцы, вспорол ножом блестящее клейменое темечко. Им же зачерпнул розовый, в крапинках белого жира, кусок мяса. Оторвал зубами от батона хлебца: боец с ложкой на войне непобедим, а уж с сухпайком — практически бессмертен. При этом не забыл ответить и на вопрос:

— Тут, на земле, мы живем по позывным. «Ветер».

— Угу, да-а, — засмутился своего имени «Синяк».

Уже не раз пожалел, что сотворил глупость, записавшись в список позывных по магазинной кличке. Думал, хаханьки, а тут война уже распределила всех и на небе, и на земле. Станешь ненароком героем, позора не оберешься с таким «погонялом». Хотя молдаванин Вася по старому цыганскому фильму «Будулаем» назвался, но его кроме как «Абалдуй» никто не кличет. Маадыр прилепил себе «Лишайника», а осталось — «Леший». Не все и на земле приживается...

— Стрелкотни особой нет, но и особо не высывайтесь, на той стороне начал работать «бессмертный».

— Тоже позывной?

— Снайпер. Думает, что неуязвимый. Вернемся — отправим на встречу к Бандере прямым галсом.

Полк обустроивался напротив засевшего в лесополке хохла. К фронтовой терминологии привыкали по мере приближения к точке «Ноль» — то есть к окопам, где лесополоса звучит как «лесополка», беззаботное слово «снаряжение» переходит в «снарягу», которая размещена в «располаге», а противник — да просто хохол!

— Ладно, черепашки. Гальюн — зюйд-вест, хохол — прямо по курсу, стоять на якоре — здесь, — указал растопыренными пальцами себе под

ноги морпех. Не заметил, что «Синяк» уступил место подошедшему Журавко и ефрейторские указания отдавались майору.

Почему «черепашки», объяснить не успел. Увидев начальство, заторопился, от греха подальше, к БТР, увозившему остатки морпехов в тыл. За бронетранспортер, словно телка на веревочке, цепляли «уазик» с выбитым глазом-фарой. Вывернутые внутрь колени передних колес подтверждали истину, что на войне железу порой достаётся больше, чем человеку.

Маадыру, направлявшемуся к окопам, солдатский «уазик» снова напомнил бабушкиного козлика. Он похлопал и металлический лоб, и крышу из вазюканного в грязи, некогда зеленого «Москвича», непонятно с какой стати затесавшегося в боевые порядки. В траншее, за ночь тронутой седой щетиной инея, оглядел свой сектор стрельбы, тянувшийся от изгиба лесополосы до выгоревшего под металлические кости польского броневедомоги. «Поляк» наверняка мечтал доехать если не до Москвы, то хотя бы Луганска, но украинская распутица всосала его в грязь по самое брюхо, а летчик подбитого Су-25 направил горящий штурмовик к неподвижной цели. Почему не катапультировался сам, осталось тайной, но воткнувшийся в землю хвост самолета стал и памятником летчику, и ориентиром на карте пехоте...

На краешке пулеметного гнезда подброшенным кукушонком уже лежал Журавко с расстеленной перед ним картой. Пальцы сжимали бинокль, но майор отрешенно смотрел поверх окуляров, и стоящий рядом у пулемета «Ничей» мимикой предупредил: лучше не трогать.

Майор тронул подчиненных сам:

— Дома не обстреливать!

До ближайшего села было еще топтать и топтать, даже в бинокль оно еле просматривалось, но психолог посчитал нужным дополнительно пригрозить:

— Я сказал!

Побарабанил пальцами по затылку автомата, поправил на карабинчике потерявшего в переездах стеклянный глаз зайца. Прошептал «Эх, Украинка», погладил карту и пошел дальше по траншее. На войне цивилизация земляная, в большинстве своем, из нор и окопов, но обходить, приспособить для жизни и их надо...

Маадыр улегся на освободившееся место, огляделся. Поле перед окопами припорошено снегом, гуще по бороздкам прошлогодней пахоты. Три водяные проплешины в низинах блестят льдом. Это у них в Туве снега еще по колено, а тут первый же солнечный день ухватит весну за хвост. Распутица для солдата, вообще-то, благодать, в атаку не ходить, война переходит к артиллерийским дуэлям. В этом своя выгода: пустые снарядные

ящики идут и на лежаки, и на тумбочки, и на укрытия, и на растопку. Главное, выцыганить у пушкаррей тару в числе первых.

— Что начальство? — поинтересовался более конкретными вещами «Ничей».

Новостей до сержанта доходит с гулькин нос, они отсекаются от лишних ушей на батальонных, ротных и взводных подступах, но Маадыр не стал принижать себя:

— Быть готовыми. — Однако большего сказать не мог и переключил внимание: — Слушай, а ты чей все же будешь? Не для протокола, но все же я — твой командир. На всякий случай.

— Поволжье, — неожиданно легко согласился поделиться биографией «Ничей». Хотя того Поволжья — пять Германий, а в дельте Волги еще три Прибалтики утонут, не успев подать сигнал «SOS». — Я просто дал слово директору завода не светиться.

— С чего такая секретность?

«Ничей» скосил глаз на сержанта. Осмотром удовлетворился и приоткрыл еще пару страничек своей биографии:

— Завод оборонный, но по каким-то причинам не попал под санкции. А половина машин в цехах — итальянские. Если узнают, что рабочие пошли на СВО, спохватятся. А оно нам надо? наших заводских уже двое погибло. Хоронили без памятников и салютов. Вроде обидно, а... для блага Отечества. Я так понимаю.

— Так у тебя должна была быть бронь от мобилизации.

— А я деньжат подзаработать... — Хотел еще что-то добавить лукавое, уже и глаза прищурил, но раздумал. Однако удержать новость в секрете не смог: — Тут допытывались, кто я по национальности. Моя национальность — детство. А в интернате, где рос, крыша прохудилась. Вот зарабатываю — и залатаю...

Сзади в траншею посыпалась земля, вслед за ней на «ноль» спрыгнули Брусникин, бородатый комбат морских пехотинцев с шевроном Спаса Нерукотворного на бронезилете и облаченный в новенький камуфляж офицер с орденскими колодочками под распахнутым бушлатом. Наградами в окопах никого не испугать, значит, из числа «гастролеров», желающих отметить свое присутствие на войне, взять справочку и обратно в Москву, выбивать медаль участника спецоперации.

«Гастролер» привычно вскинул бинокль. Любоваться пятикратно увеличенными пейзажами не стал, передвинул их на две риски в зеленоватых иллюминаторах вправо от самолета и тут же заорал:

— К бою!

Морпех вырвал у него бинокль, но обзор перекрыл разрыв «польки» — бесшумного польского миномета. Бутоны, словно подземные гейзеры, один за другим вырывались из ближней водяной проплешины. Бойцы втянули головы в плечи — вот и «черепашки»...

— Подловили, гады, срисовали! — Морпех уложил ствол автомата в рогатину, воткнутую на гребне бруствера. Аккуратисты эти морпехи, лень им протереть автомат от земли, обязательно надо уложить на блюдечко с голубой каемочкой. — Ждали, ждали пересменку.

В промежутках между разрывами на подмогу командиру подкатился «Ветер».

— Эх, пальцы как карандаши! — Ефрейтор передернул затвор всей ладонью, перепаханной шрамами. — Ни за горло гадов не схватить, ни за грудки...

— В укрытия! — крикнул морпех, предполагавший, что «мобики» должны были это сделать при артобстреле сами, без понуканий. Ведь чему-то же должны были учить в тылах.

Кто обрадовался команде, так это Брусникин, с которого снималась ответственность за первый бой. Как хорошо, что моряки не успели уехать! Они повоевали, они знают, что и откуда ждать! А подбитый «уазик» он отремонтирует, не из такого фарша после аварий конфетки в мастерской делали...

Разрывы, не найдя ничего «вкусного» в чистом поле, переместились к траншее, принялись топтаться по ней. Но для того они и роятся зигзагами, чтобы даже шибко умные польские «дурочки» не могли заслать осколочных сватов в поисках суженых-ряженных, на войну снаряженных. Против особо настырных, лезущих даже в отрытые «лисы» норы, прикручены проволокой дощатые дверцы. Судя по отметинам, осколки пытались стучаться и в них, да только зачем непрошеные свахи для закоренелых холостяков, на венчание не согласных?

На зазывный стук разрывающихся от страсти «полек» вылез лишь «Гастролер», не вместившийся в один закуток с «Синяком». Гранатометчик не то что выпихнул своими ножищами лишнюю душу, но при любом повороте бил москвича во все бока. Сиамскому эмбриону в одном чреве было не ужиться, и получивший очередной раз коленом под подбородок залетный гость в паузе между разрывами вышмыгнул на волю.

Похоже, вовремя: «Ничей», забыв про пулемет, заторможено смотрел на лесополку, откуда веером раскладывались по полю козырными тузами пикапы. Подмерзшая земля походила на панцирь крокодила и легко держала вес бронемашин, не давая им додаться до мин, подснежниками спящими до весенней мягкотелости. Аллюр, два креста! Тактика, от-

рабочая в начале войны под Харьковом — вклинить между соседними батальонами, промчатся по тылам, сея панику. А следом — удар основными силами.

Только ведь это если козыри в руках у шулера, а не дешевые шестерки.

— Дай! — отринул застывшего в ступоре пулеметчика «Гастролер». Распахнутые полы бушлата хлопали ему по груди, словно крылья рождественского гуся, и он одним рывком сбросил его с плеч.

Выпущенная длинная очередь должна была показать в первую очередь наступающим подражателям батьки Махно: мы на месте и ждем ваши пресловутые тачанки. Встрянула она и десантников-перворазников: ничего страшного в бою нет, обороняться — это не лезть под пули. Тут статистика неизменна со времен Очакова и покоренья Крыма — один к четырем. Противник силен, спору нет, но только потому, что у него, по сути, храброе русское сердце. Но украинцу уже препарирован чужой ум в башку. Собственного у хохла осталось только оболочка тела, которую дурная голова и гонит храбро на убой...

На стрелка неодобрительно глянул из соседнего окопа лишь морпех, подпуская современные тачанки как можно ближе, на гарантированный выстрел. Но, усмотрев на оголенной куртке гостя полковничьи звездочки и две желтые нашивки за ранения, он промолчал. Афганская война от украинской, конечно, отличается космическими мерками во всем, но не по поведению солдата. Отвага для бойца — она не в боеприпасах и не на танковых траках, с нею даже не рождаются, — она воспитывается песнями, которые слушал в детстве, и зарабатывается опытом.

На звуки пулеметных выстрелов первым выбежал из укрытия Маадыр и запрыгнул на снарядный ящик. До конца не проморгавшись под стеклами очков, поддержал пулемет автоматной очередью, даже не зная, что новобранца фронтовиком делает именно первый выстрел по врагу.

И передний край мгновенно ожил. Распоясался огнем в охотку, в отчаянии, с облегчением, потому что подпускать врага слишком близко — на это надо иметь нервы, обточенные в предыдущих боях. Тренировка под Рязанью, конечно, хорошо, но при любом раскладе всего лишь приправа к основному блюду.

— Мне нужна ваша злость, десантура! — прокричал морпех, перекрывая выстрелы. — Не жалеть никого, беречь себя!

— Сейчас, сейчас, — шептал Ермак, пытаясь передернуть затвор и загнать патрон в патронник. А всего-то и требовалось опустить вниз флажок предохранителя, дать ход затворной раме. Не доходило, забыл... — Да что же это такое!

— Братцы, задача простая и выполнимая — всадить этим засранцам в хвост и в гриву, — поднимал десанникам дух комбат.

Майор бежал в эпицентр боя, бильярдным шаром ударяясь о бортики траншеи. А голос командира в бою и впрямь надежнее выстрелов, от него солдату уверенность, что он не один, и все под контролем.

Однако самым страшным оказалось остаться без оружия. Лишенный пулемета «Ничей», вместо того чтобы вжаться в дно траншеи, принялся мотаться по ней за спинами стрелявших. Споткнулся о выпростанные из окопа ноги «Синяка». Каска улетела искать укрытие уже для себя самой, хозяину же ничего не оставалось, как протаранить лбом стояк на изгибе траншеи. Из рассеченного лба хлынула кровь, но метнувшийся к пулеметчику морской ефрейтор принялся зачем-то рассупонивать ему лямки бронежилета.

— «Бессмертный», сволочь! Чахлик Невмерущий...

Он сорвал с плеча медицинский пакет, рванул зубами его серый край, полез с распахнувшимся ватно-бинтовым бутонем к плечу. Левая рука раненого уже висела плетью, а на вынырнувших из-под бронежилета растопыренных «карандашах» болтались капли крови.

— Что? — еле разомкнул вмиг ставшие сухими губы пулеметчик. Незвестность на войне страшит более всего, тем более, если она касается тебя лично.

— Не засыпай! — приказал морпех. — Читай стихи! Пой песни. Еще пакет! — На этот раз приказ отдавался оглянувшемуся на раненого подчиненного Маадыру.

Сам занял его место, потому что стрелять с изувеченной рукой оказалось сподручнее, чем крутить бинты. Снарядный же ящик словно ждал своего звездного часа, чтобы оказаться постаментом для солдат-коротышек и сделать их великанами.

Маадыр нервничал. Даже не от крови подчиненного, а от неведения, что творится за бруствером. Наступающие «тачанки» не так страшны, когда их видишь. А как доверять свою жизнь другим? Что сделает изувеченный морпех? Даже магазин не перезарядит быстро. А кровь сталевара уже пропитала и его перевязку. Теперь жизнь раненого висит на нем...

— Не спать! — посчитал нужным приказать раненому и Журавко, дотащивший, наконец, своего зайца под огонь. Талисманчик забился под броник хозяину, даже единственным глазом не желая видеть происходящее. Ведь еще утром поля и лесополоса были такими раздольными, как «Поле дураков» под родной Рязанью...

— Все обойдется, держись, — бормотал над пулеметчиком Маадыр. Он помнил, что это главное при ранении, но каким образом не дать закрыть

глаза заводчанину? Потянулся даже рукой к дрожащим в мелкую сеточку векам, чтобы поднять их, но, в итоге, просто потрогал лоб. Ни холодный, ни жаркий... — Тебе нельзя умирать, директору обещал.

— А хорошо... что ранило, — вдруг прошептал пулеметчик и даже попытался улыбнуться. Вышло больно, и он оставил попытку изображать счастье. Но договорил: — Это мне теперь... три миллиона.

— Дурак! — бросил майор, затягивая узлы от бинтов поверх одежды.

— Не... в моем интернате... крыша прохудилась. Пошлю... Перекроют... Хорошо, — то ли в перерывах между пулеметными очередями, то ли в затишье между болевыми толчками пояснил «Ничей» причину своего желания разбогатеть. Выходит, он и впрямь ничей не только по работе, но и по жизни.

— В «Москвич» — и в медбат, — нашел среди боя минуту отдать распоряжение комбат.

Из подчиненных у него был только ефрейтор, тот и спрыгнул с подставки, перекинув автомат за спину. Набросил руку раненого себе на плечо, оглянулся на помощников — кто дальше?

Опережая Маадыра, пулеметчика поддержал под локоть майор. Теснясь в узкой траншее, потащили раненого к ступеням, выводящим из траншеи в тыл, к заляпанному грязью «Москвичу». Значит, держат для обманки дронов: на задрипанную гражданскую машинку, петляющую по посадкам, кто станет тратить снаряды?

Встряска помогла пулеметчику очнуться, глаза если и закрывались, то от боли.

— Ничего, ничего, — твердил бегущий рядом Журавко.

Едва ефрейтор остановился передохнуть, он наложил очередной пакет на кровавое пятно под бушлатом. Кровь на руках подморозилась быстро, да и не так страшна оказалась, уже не пугает и не отталкивает. Не автомат морпехов на рогатине, потом можно вытереть. Лишь бы «Ничей» дотянул до врачей. А его фамилия — Добрый. Сиротам в интернатах их по характеру дают. Значит, про крышу не случайно заговорил...

Над головами, клубя вокруг себя воздух, грохнул танковый выстрел. Одна из «невест», высунув перебинтованный нос из капонира, послала снаряд к пикапам поинтересоваться, чего хотят и куда направляются. За ней подсматривали другие, ожидая корректировки, ближе или дальше посылать своих гонцов.

Ефрейтор и майор чертыхнулись дурацкой снарядной пикировке и потащили пулеметчика дальше. Главное, успеть остановиться на трех миллионах, — за погибшего дают уже семь. Это все крыши всех интернатов Поволжья перекрыть. Пусть лучше текут...

Война — она лишь по молодости неумная егоза, которая бегает вместе с солдатыками в атаки и носится с десантом на броне, попутно нажимая кнопки на пультах реактивных систем залпового огня. При этом не забыв, в какой очередности вылетают из сорока стволов трехметровые стройные красавцы. Пятый — тринадцатый — первый — сороковой? Конструктор в тетрис играл при разработке или как карта ляжет и на кого Бог пошлет? Забава.

Одна незадача у войн-красавиц — фланировать под ручку с воздыхателями долго не получается. Если не успела закончить игру в кошки-мышки с жизнью по зеленой травке да под красным солнышком, то первая же слякоть и заморозки мгновенно превращают в циничных, истрепанных старух. Не успеешь оглядеться, а никого и надежного рядом. Политики, втягивающие в свои любовные интриги, первыми же и предают, списав как надоевших любовниц. Из оставшихся рядом мужиков — только люди в погонах, но более лютой ненависти, чем от военных, по отношению к себе войны еще не видывали. В одном окопе сидят, одной кровавой юшкой умываются, друг от друга зависят, а родства душ нет. Нынче даже кличку ей дали без единой ласковой буквы — Хохлица.

— Ленишок, Ленишок, на все Божья воля... «Ветер», отдай! Что ты делаешь? Стой! Нельзя! Не-е-ет!

Морпех оказался добрым: чтобы не вколачивать штырь меж глаз светящейся на экране брюнетке, перевернул ее задом и двумя ударами лимонкой пригвоздил бирюзовый смартфон между другими искореженными гаджетами, висящими на пиках красноречивее взбунтовавшихся в свое время стрельцов.

— Тебя предупреждали? Мы тут не под Богом, а под дронами ходим!

— Это подарок!

— Мой подарок ценнее — останешься жив. Свободен!

О, кто бы послал отдохнуть саму войну. Залезть в земляную норку, к сложенной на скорую руку каким-нибудь деревенским умельцем печечке, к затепленной окопной свече. Их можно не экономить, коробками привозят вместе с гуманитаркой. Выглядят как банки с тушенкой, лишь вместо мяса заполнены высушенными сосновыми шишками и залиты воском от свечных огарков. Хуже, если привозят партию с парафином и гофрокартоном вместо фитиля. Эти свечи коптят, привнося в землянку запах краски и бумажного клея. А пламя держится долго: в банке из-под сгущенки шесть часов без устали, в жестянке от маслин — десять, от тушенки — царский подарок в двенадцать часов.

Война просочилась между бойцами, усевшимися вокруг казана с разогретым пловом — взвод насытится и еще останется. Ее десантники к столу не пригласили, сделали вид, что не видят, своими разговорами заняты.

— А я как шмалянул! А потом все за мной — и ого-го. У, да-а! Дали копоты!

— Но они — идиоты! Идти на пули...

«Ветер» постучал финкой по краю казана, то ли требуя тишины, то ли сбивая с лезвия рис, и пояснил штурм противника:

— У них наше храброе русское сердце, только вот мозги уже оказались прошиты пиндосами. Они и гонят украинскую оболочку на убой. Так что легкой прогулки, мужики, для вас здесь не будет.

О подобной перспективе думать не хотелось, тем более с учетом первой потери.

— Как там «Ничей»? Точно три ляма получит?..

— Дурак ты, хоть и олигарх, — оборвал «Купца» Ермак. — Свою ложку мимо рта не пронеси.

— Такие не пронесут, — хмыкнул «Цыган».

— «Цыган», Ермак, сейчас отправлю в окопы на смену второму отделению, — в зародыше загасил уколы Маадыр.

— Одного Василия выбило, — вдруг вспомнил имя раненого «Синяк». — Но еще двое остались. Всех не перебьешь!

— Незабудка, доставай флейточку, а то жир в горле застывает, — никак не мог снять нервное напряжение подчиненных Маадыр.

Каким образом флейточка могла способствовать пищеварению — дело десятое. Скорее всего, народ привык, что рядом постоянно что-то шепчет мелодия. Все лучше, чем барабан или артиллерия. А морозец и впрямь остужает содержимое казана. Где морпехи умудрились потерять крышку?

Женя — благо, что худой, и потому места под бронежилетом оставалось на любую захоронку, вытащил из-под казана пакет и, добыв из него черный футлярчик, раздвинул в разные стороны кнопки-застежки. Явив миру бордовую бархатистую внутренность, протер лежавшей там же салфеткой пальцы, пробежался ими по кнопочкам покоящегося среди бархата инструмента.

В армии сам сказал — сам и делай. Сидевший рядом с коробкой блиндажных свечей Маадыр дотянулся до банок. В этой партии умельцы выложили гофрокартон в виде буквы Z, пламя в таком виде начало облизывать дно казана. Кому-то ублажать слух мелодией, а командиру — кормить солдата.

— Надуй «Подмосковные вечера», — не переставая оглядываться на пожарный щит, словно морпех заколотил смартфон с голосом жены пона-

рошку и после обеда можно будет получить блестящую «говорушку», попросил «Москвич».

— Обиженному можно, — кивнул «Купец».

— Не обиженному, а провинившемуся, — расставил приоритеты морпех.

«Москвич» имел право на моральную компенсацию, и Незабудка поднес к губам блестящий мундштук. Вдохнул и поклонился первому нотному зернышку.

Однако разлиться Подмосковью в донецкой обожженной лесополке не случилось: ефрейтор подхватился, усмотрев приближающегося комбата с сияющим на груди, словно красный орден, Спасом Нерукотворным. За морпехом перепрыгивал через корневища Брусникин. Последним от окопов степенно возвращался московский гость, как и подобает вволю навоевавшемуся еще в афганскую войну полковнику.

Спас Нерукотворный, даже уезжая, продолжал оставаться старшим и над линией фронта, и над отставшим от батальона ефрейтором, и над настроением десантников, и над казаном с нескончаемым пловом. Комбат издали протянул руку, «Ветер» вытер о колено ложку и передал командиру. Тот на ходу зачерпнул ею, как ковшом, еды с горкой и отправил в рот. Собрался пройти к землянке, но увидел двух бойцов-«леших», с головы до пят укрытых тряпьем. При более внимательном рассмотрении тряпье оказалось лентами, сложившимися в удобный, по фигуре, маскхалат. С не меньшей любовью было облачено в такой же ленточный камуфляж и оружие.

«Мы с Тamarой ходим парой», — это песенка про нынешних снайперов. Раньше они работали в одиночку, а нынче обязателен второй номер, он же наблюдатель, он же охранитель. Именно он, как ни странно, определяет для стрелка, какую цель уничтожать первой.

Пришли за украинским Чахликом, который Бессмертный?

Комбат разрешил подойти к ним лишь Брусникину. Тоже все правильно: если солдат в бою просто стреляет по врагу, то снайпер бьет уже конкретного человека. Разница, которая отодвигает от них любых посторонних, а тем более любопытных. В том числе и Журавко, пусть и более старшего по званию по сравнению со старлеем, но морская пехота жила, судя по всему, по корабельному уставу: на палубе всегда только один капитан. На этом участке — взводный Брусникин.

О чем командиры переговорили с «лешими», осталось тайной, и даже самый легкий шепот был зарихтован легким ветерком среди деревьев и «Подмосковными вечерами».

Не слышны в саду даже шорохи,

Все здесь замерло до утра...

Судя по всему, до утра ничего замирать не планировалось, даже до вечера, тем более и не Подмосковье. А после первой атаки доля солдата ждуть вторую. Разговоры даже у казана с пловом вроде ни о чем, но ловится и примеряется на себя каждая деталь. В сторону лесополки улетела на разведку на своей механизированной метле «Баба-Яга». КамАЗ привез доски — значит, надо обустроить быт, и в ближайшее время наступление не предполагается. Прибежал еще один морпех — и сам чумазый, и неизменный Спас Нерукотворный на груди словно индеец в боевом раскрасе. Скорее всего, доделал заглохший БТР, из-за которого и задержались на позициях пехотинцы. Но ведь как кстати! Вот бы побыли еще хоть предстоящую ночь, с ними спокойнее. Тренькнула допотопная «Моторола» у полковника-«гастролера». А вот он наверняка не случайно появился здесь, от него тоже что-то будет зависеть. Пока хмурится щетиной, слушающая по радиации собеседника, наклонившись к шумам в эфире и вычлняя сквозь них слова. Уловив суть, посмотрел на часы и развел руками — рад бы, да не могу.

Плохо. Плохо, если уедет к своему батальону на отдых. И хотя Незабудка убаюкивает, убажая слух, все напряглись, потому что командиры уже знают то, что вскоре коснется каждого из них...

Журавко, подошедший к кухне после «гастролера», но не приглашенный к обсуждению будущих задач, попытался обозначить свою значимость похвалой:

— Молодцы, отработали знатно. Еще ни одна страна мира сам на сам с Россией не могла совладать. И не совладет, пока у нее есть десантура.

Угадал тон. Какой солдат не встрепенется, если его упоминают рядом с генералом. А Россия — вообще маршал.

— Василий перед отправкой всем привет передавал, обещал скоро вернуться, — напомнил Журавко мимоходом и о своем участии в бою, вернее, в его благороднейшей ипостаси — спасении раненого.

Дальше развить эту тему не успел, позвали пройти в штабную землянку и его. А через мгновение Брусникин выкрикнул и имя Маадыра. Совет в Филлях, не иначе.

Морпех если и пропустил кого вперед себя, то это войну. Та юркнула на топчан, порадовалась, что ни одной мыши не вышмыгнуло из-под брошенного на матрац бушлата. Знать, где-то держат кота, ведь без мышей в лесу не обойтись. А вот теперь спаааать! И без разницы, какие задачи будут решать начальники. Будет все равно по ее хотению. Центр на войне не там, где командир с картой, а где она сама пропишется. Нынче — после сна...

За столом выяснилось, что полковник-«гастролер» обладает достаточными полномочиями, чтобы его слушал даже морпех. И карта у него имелась

с уже нанесенными знаками, и в первом ряду орденских колодочек шли сплошь боевые награды — две Красной Звезды, медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». Не хухры-мухры, в штабах такого не заслужишь. Еще хорошо, что никого не «построил» и сам пахал в роли рядового.

— Там тоже не все от них зависит, — продолжил начатый ранее разговор с морским пехотинцем полковник.

Комбат искал на узкой полочке кособокого шкафчика кружки почище, намереваясь попотчевать на правах хозяина гостей чаем, сыпаемым в кастрюльку из разных пакетиков. Тем временем обладатель Спаса Нерукотворного мысленно был далеко отсюда, со своим батальоном. Очнувшись, он продолжил разговор о том, что наверняка уже говорил перед боем и комбату:

— Есть договоренность с той стороной, через ребят-афганцев, произвести обмен телами. Мы забираем летчика, они — своих из автомобиля.

— Таким доверять... — начал Брусникин, словно не слышал сожаления полковника о том, что и на той стороне не все зависит от переговоровщиков.

Московский гость не погнушался повторить:

— На той стороне сейчас мужики, с которыми я воевал в Афгане. Мои подчиненные. Они слово сдержат. Замотивирован и командир полка у хохлов: в автомобиле тело поляка, за его вывоз ему заплачены огромные деньги. Кто сорвал договоренности, по чьему распоряжению, они сейчас выясняют, там командиров друг над другом хренова туча. Или куш не поделили, или решают личные проблемы.

Он замолк, ожидая встречные вопросы, и бросил взгляд на морпеха, который заваривал в кастрюльке пакетики с чаем. Тот ничего не ответил, и тогда Маадыр и Брусникин скосили глаза на Журавко. Однако майор инициативы не проявлял, отколупывал подсохшую корочку грязи на лбу у зайца, и старший лейтенант взял командование на себя:

— Что с нас требуется?

— Подготовить группу, которая пойдет к самолету.

— Гарантии?

— Пятьдесят на пятьдесят. Выдвигаетесь одновременно с группой с той стороны. Я слышал, кто-то у вас играл на дудочке?

— Незабудка. На флейточке. Пикколо — самый маленький инструмент из...

— Договорюсь, что пока будет играть флейточка, стрельбы не будет, — не стал слушать пояснений по поводу инструментов полковник. — Сколько по времени ваша Незабудка может дуть?

— Это фамилия, — пожав плечами, пояснил Маадыр.

Но офицерам требовался ответ, и музыкант сказал:

— Часа два-три. Но губы будут как у коровы.

— Это вторично. Готовьте группу. Пять человек. Кто возглавит?

Откапывать погибших — не офицерское дело, звезды на погонах руководят боем и ведут в атаку живых. Все остальное отдано на откуп сержантским лычкам. Да и не чай же пить пригласили Маадыра, хотя его кружка тоже стояла полной. Обжигаясь кипятком, он уже примерялся к подчиненным. В первую очередь надо брать молдаванина Абалдуя, который «Цыган», он как раз поисковыми работами занимался, солдатика возил к рейхстагу. Незабудка — это без вариантов. Можно «Синяка», ему без разницы, ломать или строить...

Журавко с Брусникиным молчали, не то, что праздная труса, а прекрасно понимая, что с них спросится за выполнение боевой задачи и сохранение людей, а не за локальную задачу, поставленную непонятным полковником по чьим-то договоренностям.

— Не будем таскать своих, грош цена будет армии в базарный день, — словно прочел их сомнения полковник. — По летчику вопрос решался в Генштабе, — отмел он последнюю надежду, что вдруг не придется рисковать живыми ради мертвых. — Ему присвоено звание Героя России. Указ закрытый, иначе цена вопроса возрастет в сотни раз.

— А «Ничей» обойдется государству в три миллиона... Это сколько же деньжищ вываливается на войну! — заметил Журавко.

— Не дороже, чем независимость страны, — жестко отреагировал полковник и добавил: — Победим, потом подсчитаем дебет с кредитом.

— Когда быть готовыми? — попросил конкретики Брусникин.

Полковник посмотрел на часы, но не для того, чтобы удостовериться в малости оставшегося времени, а в надежде, что успеет хотя бы допить чай. Ему ложку для плова никто не протягивал...

— Через полчаса выхожу на связь с той стороной, — ответил он, — и можем приступать... □

«Пусть знают и помнят...»

Фото автора

Ранней весной семьдесят четвертого года в лесу под Льежем упала в обморок русская женщина. Упала возле дерева, на котором вырезаны инициалы «Е.Д.», серп, молот и красноармейская звезда...

Так старый бук сохранил память о ее муже — Евгении Доценко, советском лейтенанте, позже комиссаре бельгийского партизанского полка, погибшем в апреле сорок четвертого года далеко от родного дома, в Арденах, в Бельгии.

Вспоминая через пятьдесят лет, Людмила Павловна скажет: «Я вышла из дома за десять минут до войны. Вышла в халатике и домашних тапочках. С будущим сыном под сердцем...»

Ранним утром 22 июня 1941 года Людмилу Доценко разбудил какой-то гул. Она прошла к калитке и выглянула на улицу. Было безлюдно, но гул стоял сильный. «Танки, что ли?» — подумала Людмила и решила

вернуться в дом, но... дома уже не было. На его месте поднимался огненный столб — прямое попадание.

Через несколько часов Евгений прибежал к дому, но увидел лишь зияющую воронку. Позже один из

его сослуживцев расскажет ему, что в машину, на которой эвакуировалась Людмила, попала бомба. (Бомба действительно попала в машину, но в первую, а Людмила сидела во второй...)

Все последующие годы, отпущенные Евгению судьбой, он верил, что его жена жива, и что у него растет сын. Почему? Кто знает...

Кто знает, почему через тридцать лет, выйдя из машины в сумерках, в дождь, Людмила Павловна обвела взглядом огромный буковый лес и пошла именно к тому дереву, на котором были вырезаны инициалы ее мужа? Подошла и — потеряла сознание...

Тремя днями позже две русские женщины — Людмила Павловна, которая приехала из Волгограда, и Евгения Ефремовна Яковлева, проживающая в Льеже* — уговаривали проводника советского вагона поезда Остенде — Москва взять необычный груз: часть ствола дерева. Того самого, с инициалами «Е.Д.»

«Поймите, — умоляла Людмила Павловна, — в Волгограде живет мой сын, который никогда не видел отца. Я везу эту память об отце сыну и таким, как он, молодым людям. Пусть знают и помнят...»

«Не положено», — категорически отвечал проводник, но, сраженный бесспорным аргументом — бутылкой, сдался...

Сейчас экспонат хранится в музее Волгограда, а в лесу под Льежем стоит памятник, на котором значатся инициалы «Е.Д.» и надпись: «Стойкости бельгийцев, русских партизан, американских солдат, сражавшихся за свободу».

Прах Евгения покоится в центре кладбища города Комбле-О-Пон. Рядом с ним — прах Анатолия Степанова, летчика из Ленинграда. На их могилах — памятники, установленные благодаря хлопотам Людмилы Павловны и Евгении Ефремовны. Как только выпадает возможность, Людмила Павловна приезжает сюда. В остальное время за могилами присматривает Евгения Ефремовна. С семьдесят четвертого года они стали ее заботой, частью ее жизни.

О том, как воевал Евгений, рассказали позже его друзья.

В начале сорок четвертого года в Льеже и по всей округе появились листовки с его фотографией: «Тот, кто укажет, где скрывается Доценко, получит премию в пятьсот тысяч»

---

* В марте 1942 года ее, 16-летнюю насильно вывезли с Донбасса на принудительные работы в Германию, где в конце войны она познакомилась с Альбертом — военнопленным из Бельгии, с которым вместе работали на заводе. После освобождения американцами поехали в Бельгию. Ведь главное для них было побыстрее уехать из ненавистной Германии. В декабре 1945 года Евгения Ефремовна вышла замуж за Альберта.

франков». Через неделю немцы предлагали уже миллион. По тем временам — огромная сумма. Но предателя среди тех, с кем вместе сражался Евгений, не оказалось.

Первого апреля он был смертельно ранен. Фашисты, привязав его, умирающего, к лодке, утащили по реке в льежскую цитадель. (Оттуда партизаны живыми не выходили).

Сегодня на месте цитадели кладбище. С сотнями крестов. На них фамилии. В том числе и русские. На некоторых крестах только имена. И тоже русские. А еще много крестов с лаконичной табличкой: «Inconnu» — «Неизвестный», и год захоронения.

Кто они — ребята, зачастую еще мальчишками заброшенные войной в Бельгию и погибшие там? Мы мало знаем об этом. Но — и да простят меня эти ребята, простит и Евгений — мой рассказ не о них, а о женщинах, которые связали с ними всю свою жизнь.

Рассказывает Людмила Павловна Доценко: «В одном из августовских номеров газеты «Красная звезда» за 1959 год я прочла очерк «Подвиг Евгения Доценко». Совпадало все: фамилия, имя, день, год и место рождения... Но почему-то именно слова, которые были начертаны на памятнике герою, убедили меня, что этот человек — мой муж, с которым я рассталась в самом начале войны.

Газетная публикация навела меня на некоего Дремлюка из Армави-

ра, который якобы был с Евгением Доценко в одном партизанском отряде. Я немедленно отправилась в Армавир, разыскала этого человека. Но более того, что сообщалось в газете, выяснить не удалось.

Дремлюк воевал в партизанском отряде, действовавшем на территории Бельгии. Однако лично с Евгением Доценко знаком не был.

Но он пообещал мне наладить переписку с бельгийцами, которые знали Доценко и могли бы кое-что добавить к тому, что мне стало известно. Это был мой первый шаг на долгом и непростом пути в прошлое, где навсегда остался мой Женя...

Не надо забывать, что в конце пятидесятых годов мы все еще жили предрассудками сталинизма. Видимо, поэтому переписку с бельгийскими соратниками Жени я вела через Дремлюка. Я писала письма в Бельгию, отсылала ему, а он пересылал по известным ему адресам. Ответы переправлял мне, почему-то переписывая их своей рукой. Длилась подобная переписка полгода. Вскоре объем информации перестал меня удовлетворять, и я решила поехать в Москву, в Комитет ветеранов войны к Алексею Маресьеву. Мне повезло — он оказался в столице. Я рассказала ему о себе. А он и говорит: «Только что из Бельгии вернулась делегация. Товарищи посетили могилу вашего мужа». И тут же куда-то позвонил. Явился человек по имени Борис Сахаров, который принес посылку для меня. В ней оказалась шкатулка

с землей, с того места, где был похоронен Женя, его куртка, фуражка, фотография могилы и адрес Жоржа Леона. Я сразу же написала в Бельгию и очень быстро получила оттуда письмо, в котором друзья мужа сообщили, что мне надо разыскать возвратившегося в СССР Григория Лизогубенко, который на правах друга Жени взял с собой его дневник — всего тринадцать тетрадей.

По этому адресу я сразу же написала письмо. Но ответа на него не получила. Я подумала, что, возможно, человек этот после плена и чужбины не совсем здоров, у него нет ни времени, ни сил для ответа.

Снова обратилась к Дремлюку. И он мне опять помог — написал дочери в Киев. Дочь с мужем пошли к Лизогубенко, который сказал им, что у него этих тетрадей нет, что дневник Жени пришлось сдать еще на границе представителю компетентных органов.

В это время судьба моего Жени стала достоянием гласности. В газетах, особенно в Волгограде, ставился вопрос о дневниках. Многим хотелось заглянуть в них и даже опубликовать.

В горкоме партии мне дали командировку, и я полетела в Киев. ЦК Компартии Украины заказало мне номер в гостинице, куда явились представители, намеревавшиеся вызвать Лизогубенко. Но я не согласилась, решила сама пойти к нему домой. Прихожу, а он как раз во дворе с машиной возится. Увидел меня, обрадовался. Оказалось, что днев-

ники снова у него. Он их якобы как раз накануне взял из органов. Посетовал еще на то, что «Письма на Родину», которые Женя писал, в органах ему не дали. Мы разговорились. Оказалось, что Лизогубенко побывал после войны в Сталинграде. Посетил судостроительный завод, где Женя до войны был секретарем комитета комсомола, откуда по комсомольскому призыву пошел в Грозненское военно-политическое училище...

Но меня поразил следующий факт. Как же так? Если он — друг Жени, почему же не искал нас, жену и сына своего боевого товарища? Ведь шестнадцать лет прошло со дня гибели. Неужели сердце не подсказало ему, когда он был в Сталинграде, поискать его родных? Но я тогда не стала задавать накипевшие на сердце вопросы. Схватила драгоценные тетрадки и скорее в гостиницу, где всю ночь их читала и плакала. Наутро пошла в органы. А там и говорят: «Письма на Родину» и дневник находились какое-то время у нас, потому что Лизогубенко заявил, «что на Родине у автора этих документов никого не осталось».

Зачем он это сделал? Этот вопрос сам собой прояснится для тех, кто прочитает мой рассказ до конца. Лично я не хочу и не могу выносить приговора человеку, который был рядом с моим мужем до последних дней его жизни...

Я проснулась за десять минут до начала войны... Подошла к окну. Утро занималось чудесное.

За окном простиралась гористая местность, был хорошо виден укрепленный район, куда еще с вечера был вызван Женя. Я смотрела в ту сторону и видела тот первый залп по нашим укреплениям, артиллерийский удар из-за реки Перемышль. С той стороны была Польша, занятая немцами. Я не сразу сообразила, что стряслось. Не могли и подумать, что началась самая страшная война, которая заберет у меня мужа и лучшие годы жизни.

Выскочила из дома в халате и босоножках. И как раз вовремя. Едва отошла от него, как дом рухнул.

Я была беременная, на последнем месяце.

Пограничники держались до часу дня. Примерно в это время (данные из дневника) Женя добрался до нашего дома, увидел, что тот полностью разрушен, и решил, что я погибла.

Я же была вывезена на машине вместе с другими женщинами и детьми.

И начался мой путь — через всю Украину — домой. Три недели добиралась. Кормилась у эшелонов, везущих на линию фронта солдат. На подходе к Киеву меня взяли в эшелон с ранеными. Многие были очень тяжелые. Помню капитана, раненого в живот. Ему ничем не могли помочь, наверное. Не было обезболивающих. Он так кричал! Я машинально сошла с поезда. А врач в Киеве, увидев мой живот, посоветовала немедленно покинуть Киев, потому что к нему шли немцы.

Посадили меня в другой эшелон, который очень сильно бомбили. Од-

нако до Харькова добрались. Там и начались схватки...

Роды были тяжелейшие. Сын родился крупный — четыре килограмма двести граммов. Пришли ко мне из военкомата, дали двести рублей. Выписали документы. Вышла из больницы налегке. Вещей никаких. Снова на вокзал. Доехала до Тихорецкой. А дальше — пешком. До войны я спортом занималась, была ворошиловским стрелком, на значок ГТО сдавала... Это и помогло мне добраться домой. Из Тихорецкой выехала на попутной машине. Их было две. Наша проскочила, а вторая попала под пулеметную очередь с самолетов. На брющем полете, с черной свастикой... на детей и женщин! Жуткая картина! Кто-то из моих земляков видел, как я садилась в одну из машин, и, очутившись раньше меня в Сталинграде, сказал моим родителям, что я погибла.

Дома меня не узнали. Отечная, наполовину седая, в синяках, грязная... Неделью потом не могла уснуть. Закрою глаза — вижу и слышу: бомбежка, стрельба, все вокруг рушится, падает...

А через год подобное стало явью еще раз. Началась оборона Сталинграда...

Судя по всему, Григорий Лизогубенко встретился с Женей уже в плену. Он и фамилию себе поменял из-за плена. Кто-то из товарищей с такой фамилией погиб, он и взял его номер, иначе бы ему не выжить.

Ведь подлинная его фамилия не Лизогубенко, а Лерман. Евреев фашисты уничтожали в первую очередь. Именно поэтому мы не сразу нашли этого человека. Мы искали Лизогубенко, а он вернул себе подлинную фамилию. Григорий и Женя были соседями на нарах. Григорий работал на кухне, а Женя рисовал. Когда немцы узнали, что он хорошо рисует, они дали ему комнату — вроде мастерской, где он рисовал для них по заказу. Из этой комнаты с зарешеченным окном и было решено бежать. Григорий копил съестные припасы, а Женя куском ножовочного полотна подпиливал решетку. Свежие подпилы маскировал красками, умудрялся там же вести дневник. В июне 1942 года во время английского налета они бежали. Переплы-

ли реку и двинулись на северо-запад. Шли ночами, а днями отсиживались в лесу. Это продолжалось три месяца. К началу дождей прошли часть Германии, Голландию, очутились в Бельгии. Сами толком даже не представляли, где находятся. Спасаясь от надвигающихся холодов, вырыли землянку, замаскировали ее и решили зимовать.

Время от времени в их поле зрения появлялся лесничий. Они тщательно наблюдали за ним, пока, в конце концов, не решились поговорить. Признались, что они русские, что бежали из плена... Лесничий дал еды и пообещал дня через три познакомиться с людьми, симпатизирующими Советскому Союзу.

Через три дня Женя и Григорий были уже в Льеже...

*Людмила
Доценко*

*Евгения
Яковлева*

Во время войны я получила известие, что мой муж пропал без вести. А в конце войны пришла похоронка, мол, погиб под Перемышлем.

В семьдесят четвертом году я приехала в Бельгию. В один из вечеров во время ужина кто-то из гостей стал рассказывать, что недавно был в лесу в Антене и видел на одном из деревьев русские буквы... Я из дневников знала, что это как раз то место, где партизаны вели тяжелые бои с фашистами.

Я сказала гостеприимным хозяевам, что хочу побывать в Антене. Уговорила их, и мы поехали. Это оказалось недалеко. Выйдя из машины, я уже знала, куда идти. Какая-то неведомая сила вела меня к тому дереву. Подошла, прочитала на стволе: «Е.Д.» — и в обморок — хлоп! Женя и в дневнике писал, и друзьям говорил: если погибну в Бельгии, чтобы над могилой обязательно были звезда, серп и молот. А потом выбрал дерево и сам вырезал на стволе свои инициалы.

Могила его не там. Его казнили в цитадели. Но друзья перенесли тело на кладбище...

Я не спала всю ночь, и к утру уже знала, что мне надо сделать. Приехала Женя Яковлева. Мы позвонили в посольство. Я сказала, что хочу увезти домой часть ствола дерева, на котором мой муж оставил свой автограф. Консул поддержал меня, сказал, что будет очень хорошо, если мне удастся вывезти реликвию домой. Мы поехали к Желе — пред-

седателю Фронта независимости. Желе меня успокоил и пообещал, что они сами все сделают и пришлют. А я плачу и все твержу: в Волгограде музеей Сталинградской битвы строится, туда хочу отнести реликвию. Что делать? Поехали все вместе к бургомистру. Тот не сразу согласился. Лишь благодаря Брове — его отец был во время оккупации бургомистром, помогал партизанам... Словом, этот Брове оказался человеком дела и авторитетным гражданином Бельгии. На следующий день он позвонил и сообщил благоприятную весть.

Сразу же поехали в лес. Погода стояла замечательная. Дерево срезали. Оно упало при нас. Лежит, а листья разговаривают. Только мы их языка не понимали, могли лишь догадываться, о чем они нам говорят.

Часть ствола вложили в полиэтиленовый мешок. Сын Желе сделал гипсовый слепок с инициалами.

На вокзале попросили проводника, чтобы разрешил погрузить ствол, а он — ни в какую. Я ему объясняю, что это память о муже, который здесь воевал и погиб, а он ничего не хочет слышать. Я прямо в панику впала. Выручила бутылка. Тут проводника словно подменили. Взял «контрабанду» и разрешил. А потом еще и гордился перед пассажирами, мол, вот какой случай был в международном вагоне. Когда я через несколько лет снова ехала в этом же вагоне, он меня не узнал и с важным видом рассказывал мне мою же историю.

В 1967 году наш сын достиг возраста, в котором погиб Женя. Все, кто помнил его — я имею в виду бельгийцев, — были буквально поражены его сходством с отцом. Встречали нас там хорошо: и в Доме советской дружбы, и в партизанском движении, и люди, которые прятали Женю на своих квартирах. Особенно нам запомнилась мадам Гамар. Она буквально нас «арестовала» своим гостеприимством. Никуда не отпускала надолго. Женя попал в дом этой милой женщины в сорок третьем году. Она и ее муж прятали его. Они были партизанами и много сделали для освобождения родины. В их доме часто собирались командиры отрядов. Мадам Гамар награждена советским орденом. Есть у нее и бельгийские, и английские награды. И муж тоже отмечен правительствами этих стран.

Они и рассказали нам, как погиб Женя. Его взяли смертельно раненого, привязали к лодке и повезли в цитадель. На допросах нещадно били...

Мне говорили, что благодаря Жене у местных жителей поменялось представление о русских. Ведь до войны велась очень мощная пропаганда: все русские безбожники, а буденовки у них островерхие, потому что в таком головном уборе удобнее рога прятать. За голову Евгения Доценко фашисты назначили награду в 500 тысяч франков, а потом миллион.

Много я узнала из рассказов очевидцев. Они к памяти моего мужа отнеслись прямодушно, честно, и только один повел себя, мягко говоря,

странно. Это Григорий Лерман-Лизогубенко. Он обижается, что пишут о Жене, а не о нем. И аргументирует свои претензии непостижимым образом: мол, я жив, а Доценко нет, почему же обо мне, выжившем в том аду, не пишут, не снимают фильмов и тому подобное. Однажды я отдала копии записей моего мужа в Волгоградский музей обороны, а они оттуда исчезли. Вместо них там оказались записи Лизогубенко-Лермана. Я очень удивилась, откуда они взялись, эти записи? Ведь Лизогубенко-Лерман их не вел никогда. Неужели он их сфальсифицировал на основе дневника Жени? Но зачем? Ведь он жив! А от Жени на земле осталось так мало: несколько тетрадей и ствол дерева...

Русские ребята покоятся в центре кладбища, над ними развивается бельгийский флаг. Приходят и приезжают сюда люди. Поят молча, отойдут, потом что-то говорят друг другу, кивая на могилки, покрытые цветами. Вот уже сколько лет. Хотя нет у них родственников не только в небольшом городке Компле-О-Пон, но и во всей Бельгии. Видимо, нужны такие могилы людям, для того нужны, чтобы продолжалась жизнь, чтобы рождались дети, чтобы никогда больше люди не познали того, через что прошли эти парни, совсем еще мальчишки.

Многое осталось на Земле и от Евгения. Много. И самое главное — людская Память». □

Елена Беглова — звезда баскетбола, мама двух очаровательных дочек, жена баскетболиста и бизнесвумен. В 2015-м ее признали лучшей разыгрывающей страны, а сама она играла за сборную России, в составе клуба УГМК стала четырехкратной чемпионкой России и трехкратной чемпионкой Евролиги. Но, чтобы добиться таких профессиональных побед, ей пришлось пройти непростой путь. О сложностях, борьбе и достижениях — в интервью журналу «Смена».

Елена Беглова

«Спортсмен должен обладать дисциплиной, упорством и пониманием, что нет предела совершенству»

— Елена, как вы пришли в спорт? Я знаю, что вас еще в 3-м классе отдали в спортивную секцию по баскетболу.

— Да, я начала заниматься баскетболом в третьем классе, но ме-

Фото из личного архива

ня не отдали, а получилось так, что тренер сама пришла в класс на урок и попросила всех девочек подняться. Она выбрала самых высоких, и я не попала в их число, потому что была очень маленькой и худенькой. И тут ключевую роль в моей судьбе сыграла моя первая учительница Нелли Григорьевна. Она знала мои способности — я очень хорошо бежала, и вообще была таким непоседливым ребенком, — поэтому сказала: «Попробуйте взять эту девочку, она очень спортивная и очень быстро бегают, возможно, она вам тоже подойдет». Ну и тренер Абаева Любовь Викторовна записала мои контакты, но больше рассчитывала на других девчонок, повыше ростом. В итоге из тех, кого она выбрала, пришла на тренировку только я. И с первого упражнения, мне кажется, понравилась ей, потому что действительно была очень юркая, быстрая, шустрая. Уже после первой тренировки она сказала: «Все! Оставайся у меня в команде». И я с тех пор в баскетболе.

— В каком возрасте лучше всего отдавать ребенка в этот вид спорта?

— Средний возраст начала занятий спортом, в частности и баскетболом, — это обычно 6–10 лет. Конечно, есть такие нестандартные ситуации, когда, например, девочки приходят в 12–13 лет, даже в 15 — если из какого-то другого игрового вида спорта. В таком случае нужно

быть готовым к тому, что надо будет догонять других игроков, которые уже освоили какие-то элементы техники. В общем, нужно быть готовым к тому, что ты пока будешь среди отстающих. Но и очень рано я бы не рекомендовала начинать, потому что ребенок до шести лет пробует, изучает, что-то бросает, что-то берет новое. И возможно, если начать рано заниматься баскетболом, то к 10–12 годам он уже пресытится этим видом спорта и скажет, мол, все, я заканчиваю, либо уйду в какой-то другой вид спорта. Поэтому самое оптимальное время, по моему мнению, — это 7–10 лет.

Зарплату вы начали получать в довольно юном возрасте. На что тратили заработанные деньги?

Да, зарплату я начала получать рано, примерно в 14–15 лет, когда подписала первый контракт. Сложно называть это зарплатой, потому что сумма была в 1000 рублей. К тому же мне нужно было разделить ее с другой девочкой, которую мне поставили на ставку, поэтому для меня лично сумма составляла 500 руб. При этом я все равно умудрялась как-то накопить деньги. Помню, покупала себе на вьетнамском рынке джинсы со своей зарплатой, футболки, кроссовки. Еще иногда бабушка добавляла денег, но уже в тот момент я чувствовала, насколько важно быть финансово обеспеченным, чтобы ощущать себя взрослой и реализовывать какие-то свои мечты и желания.

— Вы находились в кадетской сборной девочек до 16-ти лет. Какие остались воспоминания от этого отрезка жизни?

— Это самая первая российская сборная, куда отбирают лучших по всей России детей. На тот момент нас на первый сбор приехало около 30 человек. Конечно, я волновалась, хотя понимала, что я достаточно сильный игрок и не должно быть проблем с тем, что не попаду в состав, но спорт такая штука, которая в какой-то степени рассчитана на удачу: у кого-то травмы, кто-то заболел, еще что-то, и очень быстро игроки отпадают. Вот поэтому с конкуренцией в 30 человек мне хотелось показать себя с лучшей стороны. Это было очень важно для меня и очень престижно на тот момент, такой какой-то возможностью заявить о себе, о том, какие у меня умения, к тому же это была и возможность поехать на чемпионат Европы. Я помню, что тренировки были очень тяжелые, я максимально отдавалась и тренировалась в полную силу, чтобы оказаться в числе 12 игроков сборной России.

— Елена, вы сменили достаточно много команд и городов — Москва, Новосибирск, Екатеринбург, Иваново... Все и не перечислишь! Где вы ощущали себя наиболее уютно?

— А еще Рязань и Нижний Новгород, но на самом деле это небольшое количество городов, потому что есть игроки, которые чуть ли не каждый

год меняют команду. У меня же получилось так, что я играла два, либо три года, либо вот как здесь, в Екатеринбурге, уже шестой сезон играю. Где-то ощущала себя уютно, и это, скорее всего, Екатеринбург, хотя первое время мне было сложно. Вообще я такой человек, что мне не просто привыкать к чему-то новому — к игрокам, к новому городу, но в Екатеринбурге благодаря тому, что я здесь уже жила с мужем, когда была беременна первым ребенком, я ощущала себя как-то комфортнее. Поэтому, когда мы ждали второго ребенка, никуда не уезжали, оставались здесь. Мне очень понравился этот город: максимально компактный, максимально современный, и мне до сих пор нравится здесь жить. Так же комфортно чувствую себя в Оренбурге. У старшей дочери был хороший детский сад, муж открыл там свой бизнес, и мы нашли друзей, что тоже очень важно для ощущения комфорта. Поэтому, наверное, Екатеринбург и Оренбург такие значимые для меня. А главное, именно в этих городах мы всей семьей были вместе. Когда семья вместе, ощущение дома присутствует, где бы ты ни был.

— Как удается совмещать семью и спорт?

— Это достаточно тяжелая, непростая работа, потому что профессиональный спорт является основной деятельностью и основной работой, все строится на расписании спорта, и тут нужно включать умение распределять время правильно и с при-

оритетом. В свой выходной я обычно первую половину дня стараюсь оставлять свободной, чтобы провести это время с младшей дочкой, позавтракать, погулять, поиграть. В остальное время могу запланировать либо массаж, что очень важно для спортсмена, либо какое-то семейное мероприятие: сходить на квест со старшей дочкой, либо в кино, либо по магазинам. В общем, получается такой жонглер, который управляет расписанием и использует каждый свободный час эффективно. Плюс еще очень важна дисциплина — если я пообещала ребенку сходить куда-то, то я должна точно понимать, что на 99 процентов смогу это сделать в конкретный день, в конкретное время...

— Своих детей вы отдали в спорт?

— Старшая дочь пробовала заниматься баскетболом, затем ушла и четыре года занималась с командой черлидингом. Пробовала также волейбол, сейчас пробует фигурное катание, но это все максимально для себя, для своего удовольствия. Увы, она видела очень много сложностей и тех состояний, которые бывают у профессиональных спортсменов, когда ты приходишь очень уставший, либо какая-то травма, и надо восстанавливаться, а тебе больно, тебе некомфортно... В общем, она видела все внутри профессионального спорта и сейчас просто выбирает то, что ей по душе, к тому же и я не настаиваю

на том, чтобы она была в профессиональном спорте.

Профессиональный спорт — это не просто, к сожалению. Да, это эмоции, это адреналин, это победы, но каждый профессиональный спортсмен понимает, что он тратит свои ресурсы здоровья намного быстрее и больше, чем обычный человек, поэтому карьера спортсмена не такая длинная.

Моя младшая дочь любит подвижные игры, она вообще очень спортивная девочка, и, если захочет стать профессиональной баскетболисткой, я буду только рада, естественно, направлю, помогу, поддержу, научу. Но если она выберет свой путь, и он не будет связан с профессиональным спортом, наша семья все равно ее поддержит и будет рядом.

— Как закалялся ваш характер? И какими словами вы бы его описали?

— Закалялся, наверное, как у многих профессиональных спортсменов — через поражения, через неудачи, через сложности, через травмы. Если ты готов бороться за победу, за свой карьерный рост, ты должен преодолевать сопутствующие трудности. Спорт, к сожалению, неразлучно связан с травмами, с проигрышами. Не каждый может справиться эмоционально, психологически, не каждый может вернуться после какой-то серьезной или мелкой травмы, кто-то психологически не готов выдерживать конкуренцию. За мою карьеру я видела очень много и тех, кто со мной начинал, кто попадал со мной вместе в профессиональные команды, и тех, кто «отваливался», не выдерживал, уходил, выбирал другое направление, например, учебу. Лишь единицы доходят до самых высших ступеней. Поэтому характер спортсмена закаляется через поражения, травмы, неудачи и конкуренцию.

Какими бы словами я описала свой характер? Упертость, мега-трудолюбие, ответственность перед собой и перед командой. Также могла бы привести в пример такое выражение: «бей, беги или останешься позади, работай больше или останешься позади».

— Ваша самая запоминающаяся победа?

— Их, наверное, все-таки несколько, потому что, когда ты первый раз в своей карьере завоевываешь какой-то титул — он самый эмоциональный, самый желанный. Например, когда я выиграла первый раз Евролигу с баскетбольным клубом УГМК. Когда я выиграла кубок России... Мы проигрывали, и закончилось основное время. Затем пробивали три фола, потому что судья зафиксировал нарушение правил. И от этих штрафных зависело, выиграет ли команда кубок или нет. Одна из наших девочек пробивала штрафные, а мы стояли, смотрели и ждали вердикта... И мы выиграли! Это была сумасшедшая победа!

Также победа в чемпионате России — это первая победа самая-самая желанная.

— Елена, расскажите, пожалуйста, какими качествами должен обладать баскетболист и вообще спортсмен такого высокопрофессионального уровня, как вы?

— Спортсмен в первую очередь должен быть дисциплинированным.

Сюда включено все: вовремя приехать на тренировку, режим дня, не пропускать тренировки. Также в профессиональном спортсмене должно быть упорство и понимание, что никогда нет предела совершенству, спортсмен должен быть готов работать всегда, так как мастерство оттачивается годами. Умение проигрывать и ошибаться, принимать тот факт, что без поражений и ошибок нет положительного результата.

— Знаю, что, находясь в декрете, вы стали заниматься бизнесом — открыли свою линейку спортивной одежды. Каково это — спортсменке примерить на себя роль еще и бизнес-леди?

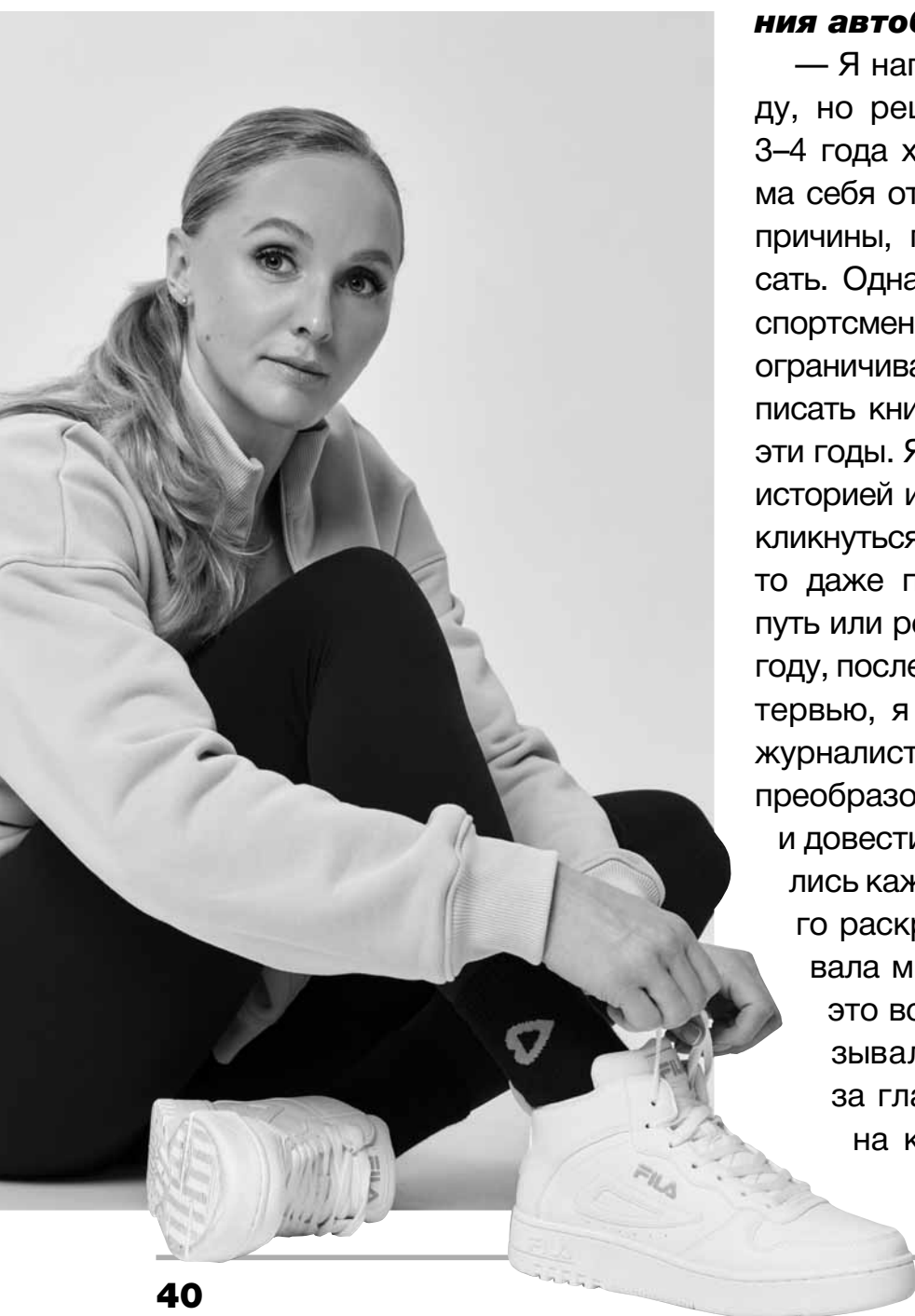
— Как такового декрета у меня не было. После рождения второго ребенка, уже через три месяца, я начала тренироваться. Отдыхая летом за границей, вдруг поймала себя на мысли, что знаю о спортивной одежде столько, что готова создавать ее сама. А если я чего-то захотела, то мне всегда очень хочется это реализовать. Поэтому в августе месяце я начала поиск человека, который мог помочь и направить меня в производстве спортивной одежды. Мы познакомились с моим партнером по бизнесу Марусей Ваулиной. Так как я профессиональная спортсменка более 25 лет, то сфера производства одежды мне практически неизвестна, поэтому Маруся взяла на себя практическую часть работы по производству бренда VegLOVA. По производству одежды я даю на-

правление и ориентиры на то, какой материал должен быть, какой стиль, какая цветовая гамма. Могу сказать, что это очень непростой момент, когда ты погружаешься в совершенно другую деятельность, где много чего незнакомого и непонятного. Конечно, я сталкиваюсь с трудностями в области бухгалтерии, документации, в этом плане спортсмены очень сильно ограничены, не хватает зна-

ний. Поэтому мне помогает муж, у которого есть собственный бизнес по недвижимости, а также моя команда помогает мне больше понимать и вникать глубже в процессы. Я могу спрашивать, не стесняясь, если чего-то не понимаю, одним словом, учусь и развиваюсь вместе с брендом VegLOVA.

— Вы еще написали и свою книгу! Как пришла идея создания автобиографии?

— Я написала книгу в 2021-м году, но решила на нее не сразу. 3–4 года ходила с этой идеей и сама себя отговаривала, придумывала причины, по которым не стоит писать. Одна из причин была — я же спортсменка, не писатель! Но это все ограничивающие установки, идея написать книгу не отпускала меня все эти годы. Я хотела поделиться своей историей и знала, что она может откликнуться в сердцах многих, а кому-то даже помочь найти правильный путь или решение. Поэтому в 2020-м году, после очередного большого интервью, я нашла Марину Говзман, журналистку, которая и помогла мне преобразовать всю историю в текст и довести ее до книги. Мы встречались каждую неделю, и для лучшего раскрытия темы Марина задавала мне вопросы и записывала это все на диктофон. Я рассказывала свою историю главу за главой, подробно отвечала на каждый вопрос, и спустя девять месяцев благода-

ря команде редакторов, дизайнеров мы получили готовую книгу. В ней — вся моя история, не только про спорт, но и про то, как я становилась сильнее, как преодолевала трудности. Книга называется «Моя игра». Все как в спорте, но только по-настоящему в жизни, потому что эта книга не только про спорт, но и про жизнь.

— Какое свое достижение вы считаете самым главным?

— Достижений много! И много главных, переходных и важных моментов. Одно из главных достижений — это то, что я смогла родить двух прекрасных дочерей и, несмотря на трудный профессиональный спортивный график, у меня есть семья, моя поддержка и опора, и я реализована как профессиональный спортсмен.

— Легко ли быть спортсменкой, бизнес-леди и просто красавицей — Еленой Бегловой?

— Если скажу, что это очень просто, то я совру. Как и во всех сферах жизни, всегда бывают взлеты и падения, сложности и приятные моменты. Воспринимаю это все как свою жизнь, как ее этапы, получаю опыт, при этом иногда мне очень легко совмещать все сферы своей деятельности, а иногда очень сложно. Помогает и поддерживает муж, принимает меня в любых эмоциональных и психологических состояниях. Порой я нахожу ответы самостоятель-

но, делаю анализ сложной ситуации, и мне хватает мудрости найти выход и двигаться дальше. Конечно, это не просто — все совмещать, но без этого моя жизнь не была бы такой насыщенной и интересной. Именно благодаря всем этим сферам я чувствую, насколько ценна моя жизнь.

— Что бы вы пожелали начинающим спортсменам?

— Терпения! Помните, что результат не всегда приходит быстро. Не обязательно иметь талант и физические данные (например, рост в баскетболе). Согласно с цитатой Кости Цзю: «Мой самый большой талант заключался в том, что я умел работать больше, чем другие. Пахать». Будьте готовы работать, и тогда удача будет на вашей стороне. □

Беседовал **Дмитрий Соколов**

Шумит сурово брянский лес...

Лучший памятник чекисту, партизану, писателю и Герою Советского Союза Дмитрию Медведеву — наша благодарная память. Он — уроженец города Бежицы — сейчас это один из районов разросшегося Брянска. Именно здесь в самый тяжелый год Великой Отечественной действовал партизанский отряд «Митя», названный в честь командира, и здесь в 2023 году отмечали 125-летие со дня рождения Героя Брянщины Дмитрия Николаевича Медведева.

Как добрался отряд, первым из всех партизанских соединений заброшенный через линию фронта, до брянских лесов, что совершил и как сражался — детали установлены, факты подтверждены. И мой долг рассказать об одном из наиболее успешных чекистских партизанских отрядов, действовавших на временно захваченной фашистами территории.

*Дмитрий Николаевич
Медведев*

«МИТЯ» НАВЕЛ НА ФАШИСТОВ СТРАХА

В 40 лет с небольшим грозу шпионов и контрабандистов, почетного работника ВЧК Медведева после 20 лет оперативной работы уволили из органов. Как вы думаете, за что? За то, что был честен, строптив и презирал людей, выносивших приговоры невиновным...

В марте 1938 года он был вызван в Москву и, по всем правилам большой

неправедной игры, должен был быть из этой игры выведен: арест, тюрьма. Но, к счастью, не посадили, не выслали и не расстреляли...

Три года он прожил на подмосковной даче, изредка читая лекции для немолодых партийцев из одной с ним ячейки. Не знал Дмитрий Николаевич, что на 25 июня 1941-го на заседании Люберецкого райкома его должны были исключить из партии за то, что публично высказался о неизбежности войны с фашизмом, о чем

тут же донесли куда надо. Какая война, о чем этот паникер...

Но тут же грянуло, стало не до какого-то Медведева. А он 22-го июня — обиды прочь — написал рапорт на имя Бериин:

РАПОРТ

«В ноябре м-це 1939 года, после двадцатилетия оперативной работы в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД я был из органов уволен.

В первые же дни войны, как с польскими панами, так и с финской бело-гвардейщиной, я обращался к Вам, полный готовности на любую работу и на любой подвиг.

Теперь, глубоко осознавая свой долг перед родиной, я снова беспокою Вас, тов. народный комиссар, своим непреодолимым желанием отдать все силы, всего себя на борьбу с фашизмом.

Жду Вашего приказа.

22.VI — 1941 г.»

И 25-го июня уже была готова бумага о партизанской борьбе на временно захваченной немцами территории. Потом Дмитрий Медведев писал, что на создание партизанских отрядов вдохновили идеи героя Отечественной войны 1812 года Дениса Давыдова. Боевой кулак партизанского отряда — чекисты, пограничники, спортсмены. Обязательно нужна мощная радиостанция.

За опальным Медведевым прислали на дачу в Томилино машину. Семья его уже была в эвакуации, и Дмитрий Николаевич, быстро со-

бравшись, прикрепил к дачному замку записку: «Ушел на фронт. Прошу беречь сад»...

Ему была поручена важнейшая задача: «Пусть наша земля горит под ногами оккупантов!» И уже 24 августа 1941 года партизанский отряд НКВД СССР в составе 34-х товарищей выехал из Москвы к линии фронта...

Привожу документы «Отряд тов. Медведева»:

Сов.секретно.

Приказ №1.

По Н-скому партизанскому отряду.

1. Личный состав утверждаю, согласно приложенного списка.

2. Командиром отряда назначается — Капитан Гос. Безопасности МЕДВЕДЕВ Дмитрий Николаевич.

3. Комиссаром отряда назначается — КУЛАКОВ Георгий Николаевич.

4. Начальником штаба назначается Воен.инженер 3-го ранга СТАРОВЕРОВ Д.Д.

5. Командирами отделений назначаются:

1. Лопатин П.Г.

2. Езубчанк А.Т.

3. Шоуро Н.Д. (Правильное написание — Шауро — Н.Д.)

6. Утверждаю врачом отряда ВАЙНШЕН Алекс. Матвеевича. (Правильное написание — Александр Файнштейн — Н.Д.) Радистом ШМАРИНОВА А.А.

7. Назначаю выезд из Москвы в район действия на 24/VIII — с.г. в 14.00.

8. Выражаю уверенность, что отряд оправдывает всякое (поправлено на высокое) доверие партии и прави-

тельства и покажет образцы доблести и героизма, присущие советским людям.

За дело Ленина-Сталина — вперед!

ЗАМ. НАЧ ОСОБОЙ ГРУППЫ при
НАРКОМЕ

Ст. МАЙОР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
ЭЙТИНГОН.

Немцы наступали на Москву, а капитан Медведев со своим отрядом держал путь на Брянщину. Когда добрались до Брянска, город был уже весь в огне. Партизаны пять ночей подряд не могли перейти линию фронта, чтобы прорваться в брянские леса: немецкие ракеты, стрельба по всему, что только движется... Пересечь реку Десна, разделяющую на две части поселок Белоголовль, в темное время суток было невозможно. На одном берегу держали оборону красноармейцы, с другого — палили немцы. Вот как описывается этот бросок в докладной записке тому же Берии.

«Сов.секретно.

Все попытки, сделанные отрядом перейти линию фронта, оказались безрезультатными, так как фронт в тот период в районе реки Десна был стабилен, и производились крупные боевые операции. При каждой попытке перейти линию фронта отряд попадал под ураганный ружейно-пулеметный и минометный огонь в обстрел с воздуха. Один из бойцов отряда в одну из таких попыток был легко ранен».

Теперь в селе Белоголовль установлен памятник Медведеву. Именно здесь 13 сентября в 12 часов дня

«медведевцы» и совершили свой рывок. Чекист Медведев времени даром не терял. Заметил, что к полудню канонада замолкает: у фрицев — обед. И он использовал эту немецкую пунктуальность. Отряд переправился на другой берег, прополз через пустую улицу и, поднявшись во весь рост, минут 40 бежал к спасительным брянским лесам. Ни единого выстрела и никаких потерь...

Таким был первый из 120 дней «Мити» в тылу врага. А о первом бое в «Докладной записке» сообщается так: «Через два дня, 15 сентября, отряд совершил свою первую боевую операцию — налет на большаке у деревни Сальникова Кленянского района на автоколонну противника, во время которого отрядом было уничтожено: одна штабная автомашина, один мотоцикл, подбита одна легковая автомашина и убиты несколько немецких солдат и офицеров, в числе которых оказался один генерал».

Главным же успехом стала операция «Ночь перед Рождеством». Конец декабря 1941-го, немцы рвались к Москве, отправляя десятки эшелонов с техникой. И тут сработал план Медведева. «Митя» вместе с другими партизанскими отрядами, Бернта и Пуклина, пусть на время, но парализовали движение по железной дороге. Взрывали полотно, атаковали железнодорожную станцию Судимир, даже захватили районный центр Жиздра. А действовавшая с ними в связке советская авиация почти двое суток бомбила и бомбила эту огром-

ную пробку. Движение на Москву было на несколько дней сорвано. Рождество завершилось смертельным исходом.

Об этой, как и о некоторых других крупных операциях отряда «Митя», нарком Берия докладывал в Государственный комитет обороны Сталину, Молотову, Ворошилову, Маленкову и в Генеральный штаб РККА Шапошникову и Васильеву: «25-го декабря 4-мя минами подорван воинский эшелон на ж.д. Рославль — Сухини-

(О том, как искали и нашли изменника Львова-Корзухина, расскажу чуть позже поподробнее — авт.)

Но при всех этих явных успехах гибли люди. Нельзя было без жертв. Медведев позже писал: «Если война — это тяжелый труд, если война требует самоотверженности, большого напряжения воли, то вдвойне и втройне тяжелее приходится людям, борющимся с врагом в его тылу». На грани смерти оказался и сам

Важным успехом отряда Медведева стала операция «Ночь перед Рождеством». В конце декабря 1941 года немцы рвались к Москве, отправляя десятки эшелонов с техникой. И тут сработал план Медведева. «Митя» со своими бойцами, пусть на время, смогли парализовать движение по железной дороге: взрывали полотно, атаковали железнодорожную станцию Судимир, даже захватили районный центр Жиздра. А действовавшая с ними авиация почти двое суток бомбила эту огромную пробку. В результате движение на Москву было на несколько дней сорвано. Рождество для немцев завершилось смертельным исходом

чи, шедший в сторону фронта. Разбиты паровоз, 15 вагонов, убито до 300 солдат, много раненых. Движение остановлено на много дней. Созданы пробки на станциях Киров, Фаянсовая, в сторону Рославля.

Того же числа при вторичном налете на Жиздру, окончательно ликвидирована немецкая комендатура полиции, разбита грузовая машина, захвачено пятьсот тысяч руб., взят живым Львов-Корзухин, сын князя Львова, перешедший к немцам».

Медведев. Гитлеровцы поняли, какая грозная сила противостоит им, и бросили против партизан карателей. В бою командир был ранен в колено правой ноги.

С поля боя Дмитрия Николаевича вынес адъютант Николай Королев. Несколько километров тащил он Медведева на себе. Такое было под силу лишь ему — тяжеловесу, абсолютному чемпиону Советского Союза по боксу. Врач Файнштейн извлек пулю. Пришлось Дмитрию Николае-

вичу ходить на костылях. Мучительной боли, испытываемой при этом, Медведев ни разу не показывал.

КАКИМ ОН БЫЛ КОМАНДИРОМ

Жестким, требовательным. Иногда благодарил бойцов одним лишь взглядом, показывая, что доволен. Особой чести — дружеского похлопывания по плечу, удостаивались немногие, совершившие настоящие подвиги. Бойцы называли своего командира «железным». В страшнейшие морозы отряд по его приказу совершал длинные пешие переходы, чтобы не попасть в кольцо фрицев, за ним охотившимся. Около 60 тысяч немцев пытались уничтожить «Митю» и другие партизанские формирования Брянщины. Силы отвлекались, как на крупные стратегические операции. (Может, как раз их и не хватило, чтобы взять Москву.)

Однажды немцы окружили отряд. Прорваться можно было лишь через узенький оставшийся проход. И тут одного из бойцов тяжело ранило. На вопрос Медведева, выдержит ли переход, доктор лишь покачал головой. Требовалась операция и немедленная. «Сорока минут хватит?» — спросил командир, и врач кивнул. Сорок минут отряд ждал, пока врач, орудуя пилой, спасал умиравшего партизана. И спас. «Митя» ушел без потерь. Конечно, Дмитрий Николаевич рисковал: одна жизнь или существование целого отряда. Но человек был не только спасен, но и добрался до конца войны. И еще долгие годы при-

езжал в Брянск на встречи партизан «Мити». Об этом рассказала мне Нина Владимировна Шик — заведующая музеем Медведева. Существует он уже 48 лет, а Нина Владимировна работает в нем 45. Иногда во время ее рассказов мне казалось, что она чувствует себя Медведевым. Энтузиазма хватает почти на полвека.

ШПИОНАМ — СМЕРТЬ!

Отряд Медведева разросся до 280 человек. Как сообщал в Москву Дмитрий Николаевич, «отряд растет за счет военнослужащих, оказавшихся в окружении немецких войск. Вооружается за счет трофеев».

Некоторые боялись предателей, шпионов. Но не Медведев, повторявший, «что же мы за чекисты, если не сможем разоблачить врага».

Действительно пытались проникнуть в отряд люди, засланные немцами. Два красноармейца, бежавшие из плена, поначалу подозрений не вызвали. Таких было немало, их определяли в хозяйственный взвод, за ними приглядывали. Спустя несколько дней один из новичков подошел к Медведеву с признанием. В лагере их завербовали, устроили побег. Задание: проникнуть именно в этот отряд. Красноармеец согласился, лишь бы спастись, а сейчас очень боится своего напарника: в лагере тот был безжалостен, избивал его смертным боем.

Некоторое время Медведев приглядывался к напарнику: тихий, сломленный человек. Его допросили, и тот раскололся: он всего лишь помощник

вражины, который хуже фашиста и которого ненавидел весь лагерь.

Оказалось, не врет: красноармеец, признавшийся Медведеву в том, что завербован, как раз и есть главный. А тот, кого он выставил фашистом, лишь «приманка»: сдав его, он должен был завоевать доверие командира. С предателем поступили по законам военного времени.

Однако пришел момент, когда Медведев понял: за его отрядом немцы начали настоящую охоту. И командир принялся за изучение методов работы абвера, тайной полиции, засылавших в отряд своих агентов. Как-то обратили внимание на одного немолодого человека: вроде одет в простую крестьянскую одежду, а выглядит типичным горожанином. Спросили, что потерял старик в глухом лесу, и тот, словно ожидая такого вопроса, ответил, что пытается найти свою пропавшую корову. А потом он снова попался на глаза: беседовал с недавно присоединившимся к отряду красноармейцем. Тот называл себя ветеринаром, и, якобы, обещал старику вылечить все ту же корову, на сей раз переставшую давать молоко.

Вскоре «ветеринар» попытался бежать, но его схватили, и на допросе он признался, что завербовали его в лагере, дали задание разузнать, сколько человек в отряде, как вооружены партизаны. Кое-что он все же успел сообщить старику-«пастуху» — немецкому связнику.

Медведев выяснил одну любопытную деталь: всех, кто пытался проникнуть в отряд, вербовал в лагере

один и тот же человек. Носил он поверх шинели повязку санитаря, напоминавшую завербованным ярким красным цветом. Был он, бесспорно, русским, но, как уверяли разоблаченные, бойко говорил с немцами на их языке. Выяснили и фамилию вербовщика: Корзухин — Николай Корзухин.

Подробнее о нем узнали в ту самую «Ночь перед рождеством», когда партизаны захватили управу в Жиздре. Среди попавших в руки и внимательно изученных «медведевцами» документов было и письмо коменданту города: «Я представляю при этом прошении свою автобиографию и прошу разрешить мне до конца войны жить и работать в городе при местной управе. Думаю, репутация моей семьи и моя прошлая деятельность позволит вам удовлетворить мою просьбу... Я сочту за счастье выполнять любую работу по установлению нового порядка в России». И подпись — «Львов».

Медведев сопоставил прошение с несколькими другими захваченными бумагами и пришел к выводу: против них работает опытный провокатор. Рано или поздно его усилия внедрить в отряд диверсантов могут и осуществиться. И командир приказал, во что бы то ни стало, найти в Жиздре таинственного Львова. Удалось. Действительно им оказался тот самый санитар Корзухин Николай Владимирович. Его тщательно обыскали и нашли при предателе старинное, поначалу удивившее Медведева, групповое фото: премьер Временного правитель-

ства Александр Керенский и его министры. Дмитрий Николаевич определил, что один из них очень похож на санитаря Корзухина. Да, точно — полное сходство с председателем Синода Владимиром Николаевичем Львовым. После революции его сын сменил фамилию, работал против советской власти. А в первые же дни войны сдался в плен и стал служить в СД.

Медведев вел допросы напористо, заманивал в словесные ловушки, и предатель, в конце концов, признался: да, посылал всех лазутчиков в отряд именно он, князь Львовов.

бросили в тюрьму, а судьба самого Дмитрия Медведева висела на волоске. Первая жена с ним развелась.

Харьковчанка Таня Мачерет сразу понравилась Медведеву. Но она была уже невестой на выданье: скоро должна была состояться свадьба с молодым инженером, часто бывавшим у Татьяны дома. Но Дмитрий не собирался сдаваться, тоже «заглядывал на огонек», стараясь не обращать внимание на мать девушки, не одобрявшей это знакомство: Медведев был старше Тани на 15 лет, да и не успел еще официально развестись.

О

н был жестким, требовательным командиром. Иногда благодарил бойцов одним лишь взглядом, показывая, что доволен. Особой чести — дружеского похлопывания по плечу удостаивались немногие, совершившие настоящие подвиги. Бойцы называли своего командира «железным»

Связались с Москвой, и за Львовым-Корзухиным прислали самолет. Он, как предатель, был наказан по всей строгости.

КТО ТАКОЙ ТИМ?

Этими буквами Дмитрий Николаевич подписывал свои донесения. Расшифровывается просто — Татьяна Ильична Медведева, его жена, сравнительно недавно скончавшаяся.

А еще он называл супругу «Тимофейчиком». Это была любовь с первого взгляда, причем в тяжелейшее время, когда брата, тоже чекиста,

Эту схватку за новую и самую большую свою любовь Дмитрий Николаевич выиграл...

Его вызвали в Москву, и он решил до конца бороться за свою любовь. Татьяна согласилась и приехать, и стать верной спутницей. Но Медведев в то время находился в бедственном положении, и не было даже трех рублей, чтобы заплатить пошлину и официально зарегистрировать брак. Татьяна заплатила сама. «Будут говорить, что ты купила меня за три рубля», — вздохнул тогда Медведев. С тех пор в семье Медведевых и жила эта семейная шутка.

А взаимная любовь была не шуточная. Вот письма «железного» командира Дмитрия Николаевича жене, после которых все вопросы об искренности чувств сразу отпадают. Это письмо Медведев отправил еще 27 августа 1941 года, до перехода отрядом линии фронта: «Тимофейчик, любимый! Пишу тебе из Брянска. Это уже последняя весточка. Через полчаса буду проезжать Орджоникидзеград, взгляну на свой родной дом. А потом часа через четыре буду уже на месте назначения. В Орле сфотографировался и просил одного товарища получить карточку и отправить тебе. Позу принял очень боевую, только ты не пугайся, это я нарочно. Ну, будь здоровенькой, радость моя. Крепко целую!»

А это более позднее послание. «Тимофейчик, когда бывает сложно, опасно, я всегда мысленно, а если поблизости никого не было, то вслух, обращался к тебе и говорил: «Ну, Тимошенька, курносенький, выручай!» И всегда все кончалось благополучно. Я не боялся смерти. Может быть, поэтому я и не погиб даже тогда, когда гибель была неизбежна. Я не думал о смерти... В общем, я еще не ухожу от тебя и хочу быть с тобой. Но если нужно будет, пойду снова, и ты благословишь меня на новые подвиги и будешь охранять так, как охраняла до сих пор. Митя. Москва, госпиталь, 16 марта 1944 год»...

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

В начале февраля 1944 года Медведев получил приказ о выводе отряда

в тыл Красной армии и со своими бойцами-партизанами пересек линию фронта, продолжая громить врага. В боях он был дважды ранен и один раз контужен. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Он также был награжден четырьмя орденами Ленина, орденом Красного Знамени и многочисленными медалями, среди которых особенно дорожил медалью «Партизану Отечественной войны».

После окончания войны Дмитрий Николаевич ушел в отставку в звании полковника и занялся литературным трудом — многие знают его книги «Это было под Ровно», «Сильные духом».

Скончался Дмитрий Николаевич Медведев в возрасте 56 лет, в 1954-м году. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Двери музея Медведева на Брянщине не закрываются. Сегодня чаще всего заходят те, кому впереди предстоят тяжелые испытания. Слушают, смотрят, учатся. Им ведь скоро в бой... □

Негромкий метроном блокады

В истории Великой Отечественной войны блокада Ленинграда стоит совершенным особняком. Событие, которое по своему ужасу едва ли может быть осмыслено, до сих пор вызывает трепет: как люди, которые почти три года существовали в этом городе, смогли выжить и главное — сохранить способность жить и дальше.

Поддерживать хоть какое-то подобие жизни в те годы помогал метроном — символ того, что время идет вперед, что город не застыл в безвременье. Вторым символом блокады стала поэтесса Ольга Берггольц, тоже своеобразный метроном: она появлялась у микрофона ленинградского радио в прямом эфире почти каждый день, чтобы снова и снова дарить ленинградцам надежду...

Ее родина — на рабочей окраине Петербурга, меж фабричных труб и заводских гудков. Семья жила здесь с XIX века, когда сюда перебрался из Риги ее дед Христофор Берггольц, который дорос до управляющего ткацкой мануфактуры.

Отец Ольги, Федор Христофорович, был студентом-медиком, когда женился на Марии Тимофеевне Грустилиной, дочери владельца

пивной от завода «Новая Бавария». Впоследствии он стал военным хирургом.

Будущая поэтесса родилась в мае 1910-го, через два года у нее появилась сестра Мария. Вскоре их отец ушел на Первую мировую войну, воевал сначала с немцами, потом с Врангелем. В гражданскую он был начальником санитарного поезда «Красные орлы».

На момент революции девочке было всего семь лет, но эти события остались в ее памяти: «Участок на углу Палевского и Шлиссельбургского проспекта сожгли почему-то не в феврале, а в октябре семнадцатого года. Утром мы ходили с мамой на проспект и видели, как еще дымились развалины участка, а по Шлиссельбургскому мчались грузовики, в кузове которых, опираясь на ружья, стояли рабочие в кожанках и матросы, крест-накрест опоясанные пулеметными лентами, и ветер раздувал у них на груди огромные красные банты».

Семья обитала в старинном доме у Невской заставы. С началом революции и гражданской войны, когда доктор Берггольц отправился на фронт, семье пришлось покинуть Петроград и перебраться в Углич. Мария Тимофеевна с дочерьми поселились в холодной комнате, когда-то келье бывшего монастыря. Недоедание, нищета, вши — Ляля и Муся (как называли Ольгу и Марию в детстве) испытывали все тяготы военного времени. В Угличе Ольга пошла в школу. Отец, вернувшийся с фронта, смог забрать семью обратно в Петроград — снова на заводскую окраину.

К этому времени относятся первые поэтические опыты Берггольца. Стихи четырнадцатилетней Ольги появились в 1925 году в заводской газете «Красный ткач». Через год ее «Песни о знамени» напечатала газета для детей и подростков «Ленинские искры».

Когда она читала свои произведения на поэтическом вечере литобъединения «Смена», девочку заметил —

и похвалил — Корней Чуковский: «Ну, какая хорошая девочка! Какие стишки прекрасные прочитала! Товарищи, это будет со временем настоящий поэт». И он довольно точно предсказал ее будущее. Правда, не знал, сколько бед придется пережить девушке, прежде чем она станет настоящим поэтом.

На занятиях «Смены» в Домпросвете, в знаменитом Юсуповском дворце, Ольга познакомилась с другими начинающими поэтами: Борисом Корниловым, Геннадием Гором, Александром Решетовым. Она всем нравилась, так как была удивительно хорошенькой, а то, что стихи ее тогда казались посредственными — это не беда.

В 1926 году Ольга стала студенткой курсов искусствоведения, а после их закрытия перешла на филологический факультет ленинградского университета.

Ее преддипломная практика прошла во Владикавказе, который Берггольц невероятно понравился. Студентка восхищалась Кавказом, объездила Осетию, побывала на строительстве гидроэлектростанции, сутками бродила в горах, сочиняла стихи и работала над публикациями для газеты «Власть труда». По окончании университета она планировала вернуться на Кавказ. Но судьба распорядилась иначе...

Борис Корнилов, по мнению многих, один из самых талантливых поэтов своего поколения, стал ее первым мужем. В браке родилась дочь Ирина, но супруги не прожили вме-

сте долго — они были очень разными, к тому же, слишком много энергии бушевало в каждом из них, а молодость не склонна находить компромиссы.

После развода с Корниловым Берггольц отправилась в Казахстан корреспондентом газеты «Советская степь». Она проработала там год, а, вернувшись, снова вышла замуж — за однокурсника Николая Молчанова. В 1932 году у нее родилась вторая дочь — Майя. Все вроде бы шло хорошо, не было никаких предпосылок, что впереди их ждут страшные времена.

В годовалом возрасте умерла младшая дочь Берггольц, а еще через три года — от осложнений на сердце после перенесенной ангины — старшая Ирина. Потеряв обеих дочерей, Ольга погрузилась в глубокую депрессию, еще не зная, как много чудовищного приготовила ей судьба. В 1937 году арестовали Бориса Корнилова. Его обвиняли в участии в антисоветской организации и расстреляли в 1938 году. В декабре того же года арестовали и саму Берггольц как «участницу троцкистско-зиновьевской организации». В постановлении об аресте говорилось, что она «входила в группу, готовившую террористические акты против руководителей ВКП(б) и советского правительства (Жданова и Ворошилова)». Почти полгода она провела в тюрьме, где над ней измывались как физически, так и психологически: кричали, не давали есть, спать...

В июле 1939 года Берггольц освободили...за недоказанностью пре-

ступления. Но забыть пережитое было невозможно. Она словно мысленно вела еще диалоги со следователями, с избивавшими ее дознавателями... В декабре того же года в дневнике (который она, разумеется, тщательно скрывала) она написала: «Вынули душу, копались в ней вонючими пальцами, плевали в нее, гадили, потом сунули ее обратно и говорят: «живи»».

Ходили слухи, что отпустили ее не просто так, а по просьбе Александра Фадеева, влиятельного человека в литературном и партийном мире.

Николай Молчанов, муж Ольги, в отличие от многих, не отвернулся от нее. Когда на комсомольском собрании его поставили перед выбором, спокойно положил свой комсомольский билет на стол со словами: «Отрекаться от жены недостойно мужчины». Он старался помогать Ольге снова встроиться в мирную жизнь. Но мирной она оставалась недолго — началась война.

В первые же дни войны Берггольц пришла к Вере Кетлинской, руководившей в 1941 году ленинградским отделением Союза писателей. Кетлинская вспоминала Ольгу как «обаятельный сплав женственности и размашистости, острого ума и ребячьей наивности». Поэтесса спросила, чем она может быть полезна, и ее направили в распоряжение литературно-драматической редакции Ленинградского радио.

Ольга стала практически ежедневно выходить в эфир со своими стихами. И голос ее, мягкий, теплый,

Влияние ее голоса было таково, что ее имя было у немцев в списке тех, кого следовало расстрелять в первую очередь после окончательного взятия Ленинграда. К счастью, этого не случилось.

В январе 1942-го не стало мужа Ольги — Николая Молчанова. Он умер от обострения хронических заболеваний и дистрофии. Она же еще ожесточеннее стала работать на благо города — летом вышла ее «Ленинградская поэма».

Сейчас невозможно представить, как много значил ее голос для ленинградцев. Одним из худших дней блокады, по воспоминаниям многих, был декабрьский день, когда по техническим причинам радио не работало три часа. Молчал и метроном. Неизвестность мучила горожан — помехи на линии или город сдался?

Линию вскоре починили, и Ольга Федоровна снова была в эфире:

«...Я буду сегодня с тобой говорить, товарищ и друг ленинградец, о свете, который над нами горит, о нашей последней отраде. Товарищ, нам горькие выпали дни, грозят небывалые беды, но мы не забыты с тобой, не одни, — и это уже победа».

Она оставалась со «своими» и после их смерти: на гранитных плитах Пискаревского кладбища, где похоронены многие блокадники, высечены слова Ольги Берггольц:

Здесь лежат ленинградцы.

Здесь горожане — мужчины, женщины, дети.

Рядом с ними солдаты-красноармейцы.

Всею жизнью своею они защищали тебя, Ленинград,

Колыбель революции.

Их имен благородных мы здесь перечислить не сможем,

Так их много под вечной охраной гранита.

*Но знай, внимающий этим камням:
Никто не забыт и ничто не забыто.*

По окончании блокады, в 1944 году, Берггольц написала пьесу «Они жили в Ленинграде». Позже ее поставили в театре А.Я. Таирова. Ее автобиографическая повесть «Дневные звезды» была экранизирована, в 1968 году вышел на экраны фильм режиссера Игоря Таланкина. А в Невском районе сегодняшнего Петербурга есть улица Ольги Берггольц.

Казалось, что с наступлением Победы все должно было наладиться — насколько это возможно. Но ей вменяли в вину дружбу с Анной Ахматовой, то, что она вступилась за нее и за Зощенко. Книгу «Говорит Ленинград» изъяли из библиотек. Зимой 1948 года не стало отца поэтессы. Здоровье тоже оставляло желать лучшего — как физическое, так и душевное. Она даже попала в больницу.

После войны был взят курс на «позитив», и Ольгу Федоровну стали обвинять в том, что в ее стихах звучит исключительно «тема страданий, связанная с бесчисленными бедствиями граждан осажденного города».

Но ей было что ответить:
*И даже тем, кто все хотел бы
сгладить
в зеркальной робкой памяти
людей,
не дам забыть, как падал
ленинградец
на желтый снег пустынных
площадей.*

Ольги Федоровны Берггольц не стало 13 ноября 1975 года. Ей было всего лишь 65 лет.

Похоронили поэтессу не там, где она завещала: ей хотелось лежать на Пискаревском кладбище, среди ленинградцев, умерших в блокаду, но ее похоронили на Волковом, на «Литераторских мостках», среди поэтов и писателей.

Дневники Берггольц после смерти писательницы были опубликованы гораздо позже — в трехтомнике сочинений в 1990 году. В них Ольга Федоровна не уставала напоминать, что никто не забыт и ничто не забыто...

Ольга Берггольц

Ленинградский салют

---

*...И снова мир с восторгом слышит
салюта русского раскат.
О, это полной грудью дышит
освобожденный Ленинград!*

*Мы помним осень, сорок первый,
прозрачный воздух тех ночей,
когда, как плети, часто, мерно
свистели бомбы палачей.*

*Но мы, смиряя страх и плач,
твердили, диким взрывам внемля:
— Ты проиграл войну, палач,
едва вступил на нашу землю!*

*А та зима... Ту зиму каждый
запечатлел в душе навек —
тот голод, тьму, ту злую жажду
на берегах застывших рек.*

*Кто жертв не предал дорогих
земле голодной ленинградской —
без бранных почестей, нагих,
в одной большой траншее братской?!*

*Но, позабыв, что значит плач,
твердили мы сквозь смерть и муку:
— Ты проиграл войну, палач,
едва занес на город руку!*

*Какой же правдой ныне стало
какой грозой свершилось то,
что исступленною мечтой,
что бредом гордости казалось!*

*Так пусть же мир сегодня слышит
салюта русского раскат.
Да, это мстит, ликует, дышит
Победоносный Ленинград! □*

Ерохины

Лето в том военном году выдалось жарким. Это даже нельзя назвать жарой. Пекло стояло. Окопы словно паутиной опутали степи и редкие перелески с пологими холмами. Соединялись и снова расходились в разные стороны, чтобы опять где-нибудь пересечься. И окопы-то неглубокие. Земля словно камень. Лопата не берет, а нужно вгрызаться, чтобы хоть немного укрыться, чтобы бой дать фашистам, хоть немного задержать эту сволоту, которая лавиной перла по нашей земле и, казалось, ее не остановить...

Хотелось выглянуть из окопа, чтобы осмотреться, но опасно. Где-то там устроились снайперы и никому не дают поднять голову. Были храбрцы, которые ничего не боялись, а теперь в земле лежат. Тут выдержка нужна, а не дурная храбрость, из-за которой можно пулю в лоб получить. И приходилось терпеть, ожидая, когда наши снайперы с ними справятся.

Николай Ерохин сидел на дне окопа. Обнял винтовку и прислушивался к редким выстрелам и очередям со стороны фашистов. Как Егор Ромашов сказал, мол, заботятся, суки рваные, чтобы мы не уснули, вот покоя и не дают. Ну и ладно. Нам еще лучше. У них меньше патронов останется, а мы свои побережем. Нам они еще пригодятся, когда в наступление пойдем.

— Роман Петрович, а когда пойдем-то? Все задом и задом... Пора бы упереться да дать этим фашистам дрозда, чтобы бежали до самого Берлина, а то и дальше, обратился к командиру молодой солдатик.

— Не боись, Васька, мы долго запрягаем, а уж как запряжем, так и рванем, еще отыграемся на них.

А пока фашисты из пушек да минометов постреливали. От этой стрельбы никакого толка нет, а вот снайперы доставали. Охотились снайперы. Сволочи, не давали голову поднять. Чуть поднимешь ее, тут же выстрел. Ладно, если успел скрыться, а так чмокнет, и нет солдата, зато есть све-

жий холмик с табличкой, на которой имя и фамилия, год рождения, да место рождения, если знали, а не знали, так писали, что лежит тут Василий Иванов, родом из Ивановки, что под Курском стоит, и все на этом...

Николая не брали на войну. Трех сыновей забрали — двух близнецов и поскребышка, как называли младшенького. Жена умерла после родов. Все беспокоилась перед смертью, как он будет на ноги ставить мальцов. Он как бы посмеивался: «О чем говоришь, Надюха? Какая смерть? Ты отлежишься и поднимешься. Мало ли хвори в жизни бывает. И эту одолеешь». Но, видать, правду говорят, что человек чует свою смерть. Недели не прошло, как Надюха померла. При нем померла, в полном сознании была. Они разговаривали, и вдруг она замолчала. Взглянула на него так, что аж внутри огнем запылало, а потом прошептала:

— Пойдем со мной, Коленька... Там лучше...

— Куда пойдем? — Он оглянулся на замерзшее окно. — Там же метель завывает, а ты — лучше...

— Не хочешь со мной пойти, тогда одна уйду...

Сказала и затихла.

Николай сидел возле нее и думал, что она просто уснула. Руку поглаживал, прислушивался к ветру за окном. А потом взглянул на нее, а она не дышит. Так и ушла — тихо и незаметно...

Едва началась война, сыновей забрали на фронт. В первые же месяцы войны пришли казенные бумаги, что двое сыновей пропали без вести, а поскребышек, Алешенька погиб смертью храбрых на поле боя. И письмо потом принесли от командира, что Алешенька, будучи раненым, остался прикрывать отход своих товарищей. До последнего патрона сражался с ненавистным врагом и погиб, как герой, подорвав себя и фашистов гранатой. И мелко приписано, что его представили к награде, а к какой — непонятно, уголок стерся...

— О чем задумался, Николай? — подошел к нему усатый Кузьмич.

— У меня думка одна — это сынки мои, — ответил Ерохин. — Жальче всех младшенького, Алешку. Геройски погиб, как командир написал. А ведь Алешке всего двадцатый год шел, он добровольцем ушел на войну. Вот откуда в нем столько храбрости — не понимаю... Раненый, а остался товарищей прикрывать, да еще себя и этих сволочуг-фашистов подорвал гранатой. Ночами ко мне приходит. Стоит и улыбается, а сам светлый такой, аж светится. И жену свою вижу рядом с Алешкой. Встретились мамка и сын. А вот старшие сынки ни разу не приснились. Без вести пропали. Может, они живые, как думаешь Семен Кузьмич?

— Может, и живы, — закричал Кузьмич. — Сам знаешь, что творилось в первые месяцы войны. Неразбериха была. Никто не знал, куда двигаться. Может, они в плен попали или к партизанам прибились и и воюют с немчурой. Кто знает... Ведь их же среди убитых не было. А значит, есть надежда, что они живы. Время придет, и они объявятся. А ты верь в это, Николай. Человек без веры — это не человек, а скотинка безмозглая. Вот и верь!.. — Он вдруг зашелся в кашле, сплюнул на сухую землю и замолчал, о чем-то думая.

Задумался и Николай...

Он прибился к отступающим частям еще в первый год войны. Не усидел дома, когда пришли бумаги на сыновей. Огнем полыхнуло в груди, когда читал бумаги и чуял, пеплом подергивается душа. Отмирает все в ней. Напрочь отмирает! Николай не видел смысла оставаться в избе, где живым духом не пахнет. Сначала жена ушла, а теперь еще и сыновья. Для чего жить? Ради кого жить, если остался один, как перст, в этом мире? Никого из родных душ не осталось, впереди только тьма-тьмущая, и ничего более. Все, закончилась она — его жизнь, и лучше погибнуть, чем сидеть в четырех стенах и ждать, когда фашисты проклятущие появятся и поведут тебя, как какую-нибудь животину, на бойню. Не будет такого!..

И Николай собрал котомку, где лежала пара чистого белья, половина каравая хлеба, пара луковиц да с десятков картошек, подремонтировал сапоги, на всякий случай сунул за пояс топор, закрыл ставни и зашагал к дороге, не отвечая на вопросы сельчан, хотя многие и так понимали, куда он направился. Сам видел, что по ней почти каждый день шли измотанные солдаты. Часто проезжали санитарные машины, реже орудия везли, танки ни разу не видел, но слышал вдалеке рев моторов. Да редкий раз над головами сельчан пролетали самолеты. Вот Николай и шел туда, надеясь, что присоединится к солдатам, а в каких войсках воевать — ему было все равно...

Он шагал по обочине, не мешая солдатам, которые двигались в обоих направлениях. По новенькой форме сразу видно необстрелянных солдат, а навстречу им едва топали уставшие солдаты, с изможденными лицами. Некоторые были ранены, но все равно шли. Николай останавливался, пропуская таких солдат. Измотанные боями, они хмуро посматривали под ноги, стараясь не встречаться с взглядами женщин и детей, которые выходили к дороге и молча всматривались в каждого солдата, надеясь, что повстречают своего отца, или мужа, или сына. А солдатам казалось, что они смотрят осуждающе: что же вы, дорогие защитники наши, бежите от фрица проклятого? Да неужели не можете с ними справиться? Когда же вы, наконец-то, остановитесь? Но потрепанные боями солдаты шли на восток, а у самих было ощущение, словно тяжелые гири привязали к ногам, и хотелось остановиться, развернуться и дать фашистам от всей души, чтобы до самого Берлина летели и кувыркались...

— Батя, есть курево? — обратился к Николаю солдат неопределенных лет, потому что весь был покрыт пылью. — Угости табачком, батя...

Николай приостановился, снял с плеча вещмешок, достал из него огромный кисет и развязал его:

— Угощайтесь, братцы, берите-берите!..

Одни молчком запускали руку в кисет, прихватывали горсточку самосада и ссыпали в карман, а другие пытались на ходу свернуть сигарку и прикурить.

— А ты куда путь держишь? — обратился к Николаю усатый пожилой солдат.

— Даже не знаю, куда идти, — помолчав, ответил Николай. — Не могу в четырех стенах сидеть, и все тут! Один в этой жизни остался. Жинку схоронил, а как троих сыновей сам на ноги поставил, тут и война эта проклятущая началась. Близняшек сразу забрали, а поскребыша, Алешку, позже призвали. Он добровольцем пошел. Молодой еще, мог бы и остаться, но уперся. Пойду, и все тут.

А вскоре пришла казенная бумага на близняшек, что пропали без вести. Ну, без вести — это еще не убитый, можно понадеяться на что-то. А через месяц приносят похоронку на поскребыша, на Алешеньку. Мол, погиб смертью храбрых. Потом письмо пришло от его командира. Писал, как раненый Алешка гранатой себя и фрицев подорвал. Аж в глазах померкло. Была семья, и никого не осталось. Как жить, братцы, после этого? Мыкался из угла в угол, а потом решил, что пойду на фронт. Коль суждено умереть, так и умру, а нет, буду за сынков своих мстить, буду убивать фашистов, голыми руками рвать, зубами грызть, но за каждого отплачу с лихвой...

Солдаты молчали. Знали, словами горю не поможешь. Слишком много смертей видели на своем пути. И придет время, повернут они обратно и погонят поганой метлой этих фашистов с нашей земли-матушки, и будут гнать, пока последнего не прикончат...

— А документы какие-никакие у тебя есть? — раздался за спиной Николая чей-то зычный голос, и он, повернувшись, увидел перед собой невысокого, щуплого командира с перевязанной головой. — Покажи...

Николай покопался в вещмешке и достал оттуда сверточек.

Командир долго рассматривал каждый документ. Даже на свет посмотрел печати, видать, опасался немецких шпионов. Потом аккуратно сложил и, вернув Николаю, спросил:

— Куда лыжи наострил, Николай Ерохин?

— На фронт иду, — ответил Николай. — Кто примет меня, у того и останусь. Не подведу. Оружие знаю, еще в гражданскую воевал. Не думал, что снова придется, да еще так, мстить за сыновей...

— Ну, здесь таких много, — забасил командир. — Любого возьми — мститель. Кто за родителей или детей, кто за сожженные деревни, а если подумать, все мстят за нашу землю русскую. Ну, ежели не раздумал, можешь с нами отправляться. Пристраивайся рядом с Кузьмичом и шагай. Потом разберемся, куда тебя определить...

Так Николай и попал в пехоту-матушку...

— Что молчишь? — ткнул его в бок Кузьмич. — Говорю с ним, говорю, а он уставился в стенку и молчок. Я хотел глубже окоп сделать, но куда там — земля, словно камень. Лопатка только скребет по ней, и все на этом...

Вот уже год, как Николай попал на фронт. Всяко было. И замерзали, и голодали, и воды не было, и в пекло ходили в атаку, и отступали, но огрызались так, что фрицам тошно становилось. Что ни говори, а все выдержали. Многих потеряли, а оставшиеся только злее становились. Правильно командир говорил, что каждый солдат — мститель. Так и есть...

Николай у всех встречных расспрашивал про своих сыновей, но все пожимали плечами: «Нет, не видели, отец. Сам понимаешь, это война, а не прогулка с барышней». И с каждым ответом Николай мрачнел все больше и больше...

Он быстро прижился в отделении. Что ни говори, а какой-никакой опыт имелся. Пристроился рядом с Кузьмичом, так и шагали вместе.

Нет, они не бежали на восток. Отходили. Медленно, с тяжелыми боями, за каждую пядь дрались, и каждый из них остался бы стоять до конца, но приходил приказ, и никуда от него не денешься. Командиры знали, с какой целью отступают. Заманивают и изматывают фрицев, а потом дождутся нужного момента и упрутся. Упрутся для того, чтобы оттолкнуться посильнее и гнать врагов с нашей земли-матушки. Гнать так, чтобы на веки вечные запомнили — никаких сил не хватит, чтобы сломить русский дух...

Николай вздохнул. Да, была деревня и спалили. Были люди, и никого не осталось. Когда он ушел из деревни, вскоре ее заняли фашисты. Даже не заняли, а окружили ее и подожгли, а кто пытался спастись, того расстреливали. А потом пошли дальше. Так, будто всего лишь на перекур останавливались. Об этом рассказал Карпов Иван — односельчанин, который чудом спасся. Огородами добрался до речки и оттуда наблюдал, а когда фашисты ушли, кинулся обратно — а деревни нет, одни трубы торчат. Кого смог — схоронил, а потом подался к нашим. Батальон выходил из окружения, а он помог им. И с ними остался...

Они в тот день сколотили подобие плота. Даже не сколотили, а связали. Кузьмич надрал лыка, скрутил его. Нашли два бревна, и к ним привязал

поперечины. Николай принялся крепко стягивать, но Кузьмич запретил — все должно быть словно на шарнирах. Если попадет снаряд рядом, не перевернет плотик, он будет как бы качаться на волнах, а мы вместе с ним.

И вот батальон стал переправляться на другую сторону, чтобы закрепиться на высоком берегу и дать отпор фрицам, задержать их. Вещмешки привязали к поперечинам, сами легли на бревна и поплыли. Сказать, что было страшно — это ничего не сказать. Было жутко, когда над рекой взлетали столбы воды вперемешку с остатками плотов и наших солдат. Чем ближе был противоположный берег, тем меньше оставалось плотов на воде. Страх подгонял, а еще ненависть, что ли... Если его убьют, кто отомстит за сыновей? И поэтому Николай греб, вжимаясь щекой в бревно и ожидая, когда все это закончится. Неожиданно плот уткнулся в высокий берег, по краю заросший камышом, и они с остатками батальона бросились карабкаться вверх...

Рядом с головой чмокнула шальная пуля, брызнули кусочки глины, перемешанной с песчаником. Николай чертыхнулся и немного отодвинулся.

— Что отодвигаешься? — хохотнул Егор Фомин, сидевший неподалеку. — Пуля в одно место, как и снаряд, дважды не попадает.

— Это снаряд не попадает, потому что артиллеристы мазилы, а пуля — не дура, и снайпер тем более не дурак, — буркнул солдат, обнимая винтовку, потом достал флягу, потряс ее, прислушиваясь к бульканью, хотел было открыть, но раздумал и снова убрал. — Маловато воды. А жарница такая, что готов бочку выпить. — Он облизнул сухие губы и мечтательно почмокал.

— Терпите, бойцы, терпите, — сказал появившийся в окопе лейтенант и, пригибаясь, стал пробираться к блиндажу. — Сообщили, полевая кухня на подходе, а с ней две водовозки едут. Вдосталь напьетесь, и про запас наберете. И еще... Немцы готовятся к атаке. Хотят прорвать нашу оборону. За танками пехота двинется. Но сначала артподготовка, как обычно. Нам нужно удержать их. Бронебойщики подтянулись, пулеметы выставим, чтобы пехоту отсекали. Сказали, артиллерия поможет — в посадке орудия стоят. Сейчас всем разнесут гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Боеприпасов маловато, но постараемся всех обеспечить. Тяжело будет, бойцы. Но удержаться нужно. Хватит отступать... — Сказал и скрылся в блиндаже.

— Правда, пора бы уж упереться, — протяжно вздохнул один из солдат, снял каску, на которой был толстый слой пыли, стряхнул ее и прислушался к далекому шуму: — Палят и палят. Нашу оборону прощупывают. Братцы, а страшно против танков стоять? Я впервые на танковую атаку попал. Слушаю рев моторов, и на душе неспокойно становится...

— Не-а, не страшно, — осклабился Егор Зозуля. — Это как в поле стоишь, а мимо тебя тракторы едут. Шум, гам — страсть! Они рычат, а у тебя сердце сжимается, того и гляди, на тебя наедут. А потом привыкаешь. Едет танк на тебя, ну и пусть едет. А ты гранатой его — раз! Он и перестал ехать, тока одна куча металла осталась, и фрицы разбегаются... Нет, не страшно, — повторил он.

Сказал, а у самого взгляд хмурый, задумчивый. Хотел было выглянуть, как тут же вжикнула пуля возле головы и воткнулась в стенку окопа.

— От, зараза! — чертыхнулся Николай. — Головы не дает поднять. Садит и садит. А атака начнется, как быть?

— Ползком, по-пластунски, но одолеем этих сволочей! — заскрипел зубами Кузьмич. — Ты, Петруха, не слушай Зозулю. В бою всегда страшно. Тока дураки ничего не боятся, наподобие нашего Зозули. У него контузия была. Мозги стряхнулись, а на место не встали. Как увидит танки, так и норовит первым броситься в атаку. И ведь ни одна пуля в него не попала за годы войны. У фашистов руки трясутся, когда эту громадину видят, да еще с гранатами, да еще так заревет, что орудия не слышно, как матюгается. Обвешается гранатами, да еще в обеих руках по связке, и прет на танки. Фрицы от одного вида разбегаются, когда Зозулю видят. Велика фигура, да дура.

Зозуля хохотнул. И правда, боженька ростом не обидел, а уж гранат у него было куда больше, чем у других.

Следом засмеялись остальные, не думая, что вскоре почти никого из них не останется.

...Николай Ерохин вспоминал, как тяжело было в первые месяцы, когда он ушел с солдатами. Затяжные бои выматывали, да и боеприпасов не хватало. А потом снова шагали на восток, где, как говорил командир, были основные силы. Надо соединиться со своими, а там уж можно и повоевать, а пока нужно беречь боеприпасы, но особенно — бойцов.

Однажды завязалась перестрелка, когда они наткнулись на фашистов. Заухали немецкие орудия, затарахтели пулеметы, там и сям разрывались мины. А у солдат — винтовки да пара пулеметов, и все на этом. Командир приказал отходить. Отстреливаясь, рота медленно отходила, пока не наткнулась на старый заросший овраг. И по нему быстро направилась в сторону реки, то и дело огрызаясь выстрелами. Медленно, но все же удалось оторваться.

Остатки роты долго шли по оврагу, пока не услышали в стороне гул самолетов, потом стрельбу и разрывы бомб. Они выбрались возле лесопосадки и увидели, что по дороге растянулась длинная колонна беженцев, которая при звуках самолетов бросилась врассыпную, бросая на дороге тележки, а кто был на подводах, срывая голоса, хлестали лошадей, пытаясь скрыться

от самолетов. Другие просто бежали, закрывая головы руками, а самолеты пикировали на них и были видны фонтанчики от длинных очередей. Вскоре все закончилось. Самолеты улетели, и наступила звенящая тишина...

— Суки! — один из бойцов упал на землю и принялся стучать кулаком по земле. — Суки, безоружных расстреливали! И мы ничего не смогли сделать! — Он застонал и, обхватив голову руками, уткнулся в заросший склон.

— Что сопли распустили? — рявкнул Николай и оглянулся на солдат, которые рассыпались по склону оврага. — Братцы, подмогнуть бы беженцам. Сами видели, скольких фрицы покосили. Живых бы собрать, да погибших схоронить.

— Правильно советуешь, Ерохин, — донесся со стороны голос командира роты. — Нужно помочь беднякам, иначе фашисты всех уничтожат, если вернутся. Бойцы, подъем! Поможем, и дальше двинемся. У Ивановки должны быть наши части. Все, торопитесь! — Он вскочил, выбрался на край обрыва, махнул рукой, и, не оглядываясь, заторопился к лесопосадке, откуда доносились стоны, плач и приглушенные голоса.

Вроде торопились, а время ушло, пока живых подсчитали, велели вещи забрать с дороги, пока общую могилу выкопали и собрали документы всех погибших, чтобы передать родственникам.

У Николая сердце сжалось, когда подняли молодую женщину, а под ней лежала маленькая девчонка, смотревшая на них открытыми мертвыми глазами, в которых было удивление, боль и еще что-то, от чего душа застыла, и хотелось завывать — громко, протяжно и больно. Одним осколком и сразу две жизни сгубили. Так и схоронили мать и дочку вместе...

Николай заелозил в окопе, устраиваясь поудобнее. Да, до конца дней своих будешь вспоминать эту проклятущую войну. И до последнего своего часа будут приходиться по ночам погибшие ребята. И будешь подниматься в атаку вместе с ними, и в который раз будешь смотреть, как они погибают. Погибают, чтобы ты, Николай Ерохин, остался живым...

Он пошевелил сухим языком и прислушался. Со стороны фрицев слышался рев танков. Правда, видать, первыми танки пойдут. Посмотреть бы, да не выглянешь — снайпер быстро в лоб чмокнет.

— Танки гудят, — сказал Николай и вытер лицо, размазывая пыль по нему. — Видать, пойдут на прорыв. Командир сказал, что хватит отступать, пора упереться. Вроде пополнение должно прийти, значит, будем драться до последнего. Правда, против танков с винтовкой не попрешь. Эх, гранаток бы побольше да пушечек, тогда бы посмотрели, чья возьмет....

— Ну, драться — не рюмки за столом опрокидывать, — разглаживая усы, произнес Кузьмич. — Это от рюмок можно упасть, а нашего брата

попробуй свали в драке. Посмотрим, кто кому холку намылит. Не они первые, кто совался к нам, и всем досталось на орехи. Вот и с этими справимся, когда время придет...

Ближе к вечеру вернулись разведчики. Уставшие и грязные, они съехали в окоп и стащили в него немецкого «языка» — офицера.

— Сволочь фашисткая, едва доперли, — прохрипел солдат. — Здорово были, славяне! Где штаб? Этого срочно нужно на допрос. Что-то затевается, братцы, видать, жарко будет. Даже не жарко, а в самое пекло попадем. Ничего, не из таких передряг выбирались, и из этой выберемся. Еще неизвестно, кто кому хребет ломает. Шагай, сволота, пока не пристрелил! — И он сильно ударил прикладом по спине фашиста.

Тот охнул и покорно побрел по окопу.

Чуть позже появился капитан. Склонившись, прошелся по окопам, прислушиваясь к гулу вдалеке, потом остановился возле бойцов, мельком оглядел всех и сказал:

— Так, братцы, к утру окопы должны быть в полный рост. Сейчас подвезут еду и воду. Ешьте и пейте впрок — неизвестно, когда в следующий раз привезут харч. Потом получите патроны, гранаты и бутылки со смесью. Пополнение на марше. Ждем с минуты на минуту.

— Что, немцы попрут? — перебил кто-то капитана.

— «Язык» сказал, что хотят прорвать нашу оборону и выйти к реке, а там... Там, сами знаете, что будет, если прорвутся. Так что будем стоять до победного. Готовьте окопы. Посмотрим, кто кого одолеет. Мы на своей земле стоим, за которую любому врагу горло перегрызем... — Он заскрипел зубами и, пригибаясь, заспешил в блиндаж.

Солдаты провозились до темноты, углубляя окопы и делая ниши. На бруствере выложили комья земли, понатыкали травы и ветки, чтобы немного скрыть от снайперов, и во время атаки легче будет стрелять по врагу. Мимо прошли бронебойщики, чуть позже подтащили пулеметы, установили в пулеметные гнезда и замаскировали, чтобы фашисты заранее не обнаружили.

Вроде успели подготовиться. После каши, которую давали с добавком, еще и вода прибыла. Солдаты пили на «прозапас», выстроившись цепочкой и стараясь не греметь, чтобы не привлечь внимание врага.

Николай долго пил, отдуваясь, а Кузьмич тем временем аккуратно заполнял фляжки водой — каждая капля на вес золота. Закончив, он надолго припал к краю ведра, делая гулкие глотки, а когда напился, отфыркиваясь, пробормотал:

— Уф, полный живот воды. И наелись вдоволь, и напились всласть. Видать, правду сказал наш капитан, что еще неизвестно, когда придется

поесть и попить. Слышь, Николай, может, еще пристроимся в конец очереди? На «прозапас» напьемся. Эх, жаль, всю кашу раздали, а то и ее не мешало бы поесть.

— Не хочу, — сказал Николай, вытирая уставшее лицо. — Лишку съесть тоже вредно, воевать тяжело будет. Ничего, Кузьмич, я готов поголодать, лишь бы с фашистами справиться. Вон, послушай, сколько они техники нагнали. Ревет и ревет во тьме. Не иначе, как говорил капитан, пойдут на прорыв, чтобы одним ударом пробить брешь в нашей обороне, а там река, и за рекой... — он запнулся, нахмурился и договорил: — Нет, друг Кузьмич, нам нельзя пропускать этих гадов к реке. Лучше костями лечь, чем дать прорваться.

— Правильно говоришь, Николай, — закивал головой Кузьмич. — Лучше костями лечь, но не пропустить немчуру к реке...

Под утро пришло пополнение. Сначала послышались чужие голоса, потом донесся голос старшины, который зачертыхался, когда споткнулся о вещмешок и чуть не растянулся в окопе. Николай отвернулся к стенке, немного поелозил, устраиваясь поудобнее, и вскоре опять задремал.

А рано утром, едва небо окрасилось рассветными полосами, он очнулся от грохота.

— Растуды твою качель, началось! — сквозь непрерывный грохот разрывов снарядов донесся голос Кузьмича. — Фашисты начали артподготовку. Ну, все, пора готовиться...

Николай приподнялся. И тут же громыхнуло так, что аж в голове зазвенело. Земля взметнулась над окопом и обрушилась на них. Они едва выбрались из-под завала, видать, снаряд рядом разорвался. Стащили каски, стряхнули землю и снова надели, а потом заелозили по дну окопа, вытаскивая засыпанные землей вещмешки и боеприпасы.

И тут вдруг заметили незнакомого молодого солдатика, который во весь рост мчался по окопу.

— Стой! — рявкнул Николай, вскочил на ноги, сбил солдатика на землю и навалился на него, не давая подняться. — Куда же ты, дурень, помчался? Это же верная смерть. Лежи и не шевелись. Сразу видно, что новобранец, пороху не понюхавший.

— Ты, малец, не трусь, — подобрался к ним Кузьмич. — Это поначалу страшновато, а потом пообвыкнешься. Не все сразу героями рождаются. И мы боялись, и другие пугались, аж поджилки тряслись, а сейчас ничего — привыкли. Держись рядышком с нами. Подмогнем, коли что...

А бой уже начался. Орудия фашистов били, не переставая. Весь склон в разрывах и дыму. Едко пахло порохом и сырой землей, которая содрогалась от разрывов. Там и сям взлетали в небо столбы земли и медленно

опадали. Сколько времени продолжалась артподготовка, Николай не знал. Казалось, фашисты били из орудий беспрестанно, пытаясь сравнять их с землей. Он прижимался ко дну окопа, прикрывая голову руками, и радовался, когда неподалеку слышал голос Кузьмича. Ага, жив, старый вояка! Значит, и он будет жить. Ему нельзя помирать. Он еще за сынков не расплатился сполна...

— Держитесь, бойцы, держитесь! — Пригибаясь, возле них остановился капитан. — Пусть лупят. Нам не впервой стоять на защите нашей Родины. Всегда побеждали, и сейчас победим этих проклятущих врагов! Ничего, пора и упереться. Дальше ни шагу! Они пришли на чужую землю, а мы защищаем свою. Держитесь, бойцы! Нас не сломить! — Он окинул взглядом солдат, поправил каску и, так же пригибаясь, поспешил в сторону блиндажа.

Неожиданно наступила тишина, причем такая, что аж в ушах зазвенело. Николай поднялся, потряс головой и протер глаза. Кузьмич, который вскочил пораньше, осторожно выглянул из окопа и тут же съехал обратно, тыкая вверх пальцем. Николай поднялся, выглянул и аж дух захватило, когда увидел танки, которые перли на них, а вслед за ними бежала пехота...

И тут заговорила наша артиллерия, а вслед за ней принялись за работу бронбойщики. Сколько длился бой — неизвестно, но немцы дрогнули. Один, другой, третий танк начали разворачиваться. Не успели они скрыться в лесополосе, как вновь заработала немецкая артиллерия. Николаю показалось, что небо с землей смешалось. Били беспрестанно, не давая поднять головы.

— Воздух! — донесся голос Кузьмича, и Николай увидел, как в небе пикировали самолеты, скидывая бомбы и поливая из пулеметов. — Братцы, держ... — Кузьмич не договорил, повалившись на дно окопа.

Рядом по брустверу зачмокали пули, выбивая фонтанчики земли. И снова над головой раздался пронзительный вой, от которого хотелось вскочить и помчаться, лишь бы спастись, лишь бы не слышать его! И молоденький солдат не выдержал. Вскинулся, чтобы бежать от него, от этих проклятущих самолетов, которые несли смерть, но опять Николай навалился на него, не давай поднять головы. И тут раздался взрыв. Взметнулась земля. Тело пронзила резкая и жгучая боль. Николай хотел было вскочить, но не получилось. Еще один взрыв, и он закричал — громко, протяжно, как ему показалось, и его швырнуло на дно окопа, засыпая землей. Последним, что увидел Николай, было черное небо и улетающий самолет, а потом наступила тьма...

Очнулся он от тишины. Пошевелился, но едва попытался согнуть ноги в коленях, как тут же полыхнула внизу боль — резкая и долгая, и он снова потерял сознание....

— Вроде живой, — донесся чей-то голос, и кто-то затормошил его, откапывая из земли. — Потерпи чуток, солдат...

Его потянули наружу. Опять полыхнула боль, и он застонал. Казалось, громко застонал, а на деле — едва слышно.

— Терпи, солдат, сейчас ногу перетяну и потащу тебя, — послышался девичий голос. — Не шевелись...

Больно. Очень больно. Николай приходил в себя и снова терял сознание. В какой-то момент почувствовал у рта фляжку, сделал едва заметный глоток — на большее сил не хватило, попытался приподняться, и снова поплыла тьма перед глазами...

Очнувшись, Николай обнаружил себя лежащим на столе, а невысокая женщина в белом халате, перемазанном кровью, колдовала над ним. Он застонал.

— Терпи, солдат, — глухо донесся голос врача. — Радуйся, что в живых остался. Говорят, все, кто рядом был, полегли. Ты и молоденький солдатик остались. Его уже отправили в тыл. Вот сейчас подлатаю тебя, и тоже в тыл поедешь. Для тебя война закончилась. Но главное, что фашистов не пропустили. Обломали они об нас зубы, а теперь в обратную сторону погоним их. И в этом есть твоя заслуга, солдат!

Он вскинулся, хотел, было, закричать, что для него война не закончилась, он еще за своих сынков не рассчитался, но уже в который раз снова потерял сознание...

Потом был долгий путь в тыловой госпиталь, где лечили «тяжелых», как говорил санитар, который с напарником поднимали его в палату и перекладывали на свободную койку.

Николай Ерохин молчал. Хмурился, посматривая на ноги. Одна — целая, а от второй култышка торчит. Как ему жить с такой ногой, да еще в деревне? Он ведь хотел после войны вернуться в родные места, чтобы восстановить деревню, которую сожгли фашисты. А теперь как ему там жить — безногому! Ни копать, ни дом срубить, ни сено заготовить. Да лучше бы на поле боя остаться вместе со своим другом Кузьмичом, чем теперь так мучиться. Он с силой ударил кулаком по стене, потом по култышке и заплакал. Впервые за эти годы у него из глаз потекли слезы.

— Ты поплачь, солдат, поплачь, легче станет, — донесся голос с соседней койки. — Не стыдись слез, солдат. Эй, сестричка, накапай ему в рюмашку, в себя стал приходиться. Накапай...

Николай выпил из стакана какие-то вонючие капли и отвернулся к стене, вспоминая прошлую жизнь, войну проклятущую и сынков, которые там остались. И не заметил, как уснул...

Так началась его госпитальная жизнь. Нет, она продолжалась. Он уже несколько месяцев находился тут. Одних выписывали, и они опять отправлялись бить врага, другие возвращались домой. И было видно по их лицам, с какой неохотой они уезжали, когда другие воюют, когда вовсю идет наступление, и враг бежит, а их списали вчистую, и, вместо того чтобы вернуться в родную часть, они едут домой. Но, с другой стороны, они же возвращаются домой, где их ждут каждый день и каждую минутку, лишь бы они вернулись. Пусть искалеченные, без рук или ног, но живые — это главное...

Николай всегда хмурился, когда шла выписка. В душе-то радовался, что одни пойдут фашиста бить, а другие отправятся домой, где их ждут, а вот у Николая кроме похоронки и казенной бумаги о том, что близняшки пропали без вести, больше ничего не осталось. У всех была своя дорога в жизни, а у него не было никакой. Безногим в атаку не побежишь, а домой ехать, так некуда же — пепелище вместо родной деревни. И в жизни один. Один на всем белом свете. Была семья. Были жена и сыновья. А теперь никого, даже родственников нет, а к знакомым... а где же они — эти знакомые?..

А утром сквозь сон почудился детский голосок. Да ну, показалось, отмахнулся Николай и отвернулся к стене. Но нет, опять слышен детский голос и хохот раненых. Он резко развернулся и оторопел, увидев светловолосого мальчугана лет пяти-шести, который сидел на табуретке и что-то рассказывал раненым, а те покатывались со смеху. Мальчишка повернулся к нему, и у Николая аж сердце забилося, того и гляди, остановится. Перед ним был его Алешка, но еще маленький. Такие же черты лица, такие же глаза и взъерошенные волосы, даже картавил так же, как его Алешка.

— Алешка, сынок, — непроизвольно вскрикнул Николай. Сердцем понимал, что такого не может быть, а душа хотела обратного.

Мальчишка глянул на него, словно огнем полыхнуло в груди, и подошел.

— А ты откуда знаешь, как меня зовут? — спросил он, взбираясь на край кровати.

— Это же Алешка Ерохин! — наперебой захохотали раненые. — Он давно к госпиталю прибился. Сколько раз отправляли в детский дом, и всегда сбегал. Вот и сейчас смотался.

Николай вздрогнул, услышав фамилию.

— Откуда же ты взялся, Алешка? — спросил он, достал кусочек сахара и сунул его в ладошку мальчика. — Где же твои родители?

Хотя и так было понятно, что, скорее всего, родители погибли.

— Я не знаю, откуда взялся, — пожал плечами худенький Алешка. — И родителей не знаю. Наверное, я здешний — госпитальный. А как тебя зовут?

— Зови, как твоя душа подскажет, — ответил Николай.

Он лежал на койке, стараясь удержать мальчика, и расспрашивал его, расспрашивал...

— Его подобрали в начале войны, — присела на табуретку пожилая санитарка, когда Алешка умчался по своим делам. — Состав разбомбили фашисты. А он сидит возле насыпи и мамку зовет. Наверное, он один, кто спасся с того поезда, никого из живых не нашли. Забрали его. Сначала с нами ездил, а потом сюда определили. Так и прижился. Сколько пытались в детский дом отправить, всегда сбегал. Маленький, а шустрый.

— А кто ему имя дал и фамилию? — спросил Николай.

— На подкладе курточки было вышито, А.Н. Ерохин. Ну и решили, что будем звать Алешенькой. А что ты переполошился так, солдатик?

— Сынок у меня был, Алешка Ерохин. Погиб на войне. А мальчика увидел, и почудилось, как две капли воды похожи с моим Алешкой. Даже картавят одинаково. И лицом, и глазами...

Николай не договорил. Замолчал и задумался.

Молчала и санитарка. А потом поднялась и потихонечку вышла из палаты...

— А что ты делаешь? — подбежал Алешка, когда Николай сидел во дворе госпиталя и вырезал из чурбака протез. — А для чего делаешь? — Он тараторил быстро, и картавинки то и дело проскальзывали в разговоре.

— Ногу себе делаю, — покосился на него Николай. — Фашисты откромсали мне ногу, а я лучше старой сделаю. Видишь два сучка, словно два глаза смотрят? Они будут на дорогу глядеть, чтобы я не споткнулся. Так и буду ходить: скрип-шлеп, скрип-топ.

Алешка громко рассмеялся в ответ...

С той поры, как Алешка сбежал из детдома и вернулся в госпиталь, они почти не расставались. Мальчишка прибегал к нему и начинал делиться новостями, а Николай слушал, наливал чай, и они вдвоем пили вприкуску. Пили долго, до пота. Потом Николай снова брался за протез, а Алешка вертелся рядышком. Знал, что ему будут рассказывать сказки. И когда

Николай начинал, тот застывал, вслушиваясь в каждое слово, а бывало, что засыпал, притулившись к боку Николая...

— Вы, прямо как родные, — проходя мимо, сказала как-то санитарка. — С утра и до вечера воркуете. И не разгонишь...

— А может, мы действительно родные, — улыбнулся Николай. — Он — Ерохин, и я тоже. Да, Алешка? — и покосился на малыша.

Тот вскинулся, хотел, было, обнять его, но не стал, а просто прижался к нему, взглянул снизу вверх, потом перевел взгляд на санитарку, выдохнул: — «Правда», — и прижался еще сильнее.

Николай закричал, опустив глаза, и неловко стал поглаживать Алешку по плечу.

— Ну а что же вы, родственники, порознь живете? — взмахнула рукой санитарка. — Тебя же, Ерохин к выписке готовят, вот и... — Она не договорила, взглянула на Алешку и Николая, сидевших обнявшись, покачала головой и пошла дальше по коридору.

Чуть позже начался врачебный обход. Алешка хотел, было, убежать, так как врач постоянно ругал его, если он надоедал раненым, и мальчонке не хотелось попадаться ему на глаза, а то обоим попадет, но Николай придержал его. Так и сидели в обнимку, пока в палату не зашел врач в сопровождении санитарки, державшей в руках папки с бумагами на раненых. Врач мельком взглянул на них и начал обход, оставив Николая с Алешкой напоследок.

— Ну-с, что скажете, родственники? — поправляя круглые очки, дужка которых была замотана нитками, спросил врач, подходя к кровати Николая. — Что же молчали, что вы родня?

Спросил, а в глазах усмешка, но не злая, а добрая.

— А что говорить-то? — закричал Николай и принялся покручивать седой ус. — Родня, и все тут! Правда, Алешка?

— Дядя Коля правду говорит, — торопливо проговорил мальчишка и еще крепче прижался к нему. — Мы оба Ерохины, а значит, родня.

— А я хотел вас выписывать, — сказал врач, просматривая бумаги, потом оглядел обрубок ноги. — Вот и нога зажила. Болеть еще долго будет, но ничего, потихонечку привыкнете. Я вижу, протез себе соорудили. Ну и как он?

— Не нога, конечно, но ходить можно, — сказал Николай и погладил Алешку по голове. — Вот, Алешка помогает, за руку держит, когда хожу. Пробовал с костылем — неудобно. Я себе клюку смастерил.

— Вот и замечательно, готовьтесь к выписке, — сказал врач. — Недельку еще понаблюдаю, документы справим, и домой. Хватит, отвоевались.

— А Алешка? — вскинулся Николай. — Неужто здесь останется?

— Ну, как здесь... — Врач замолчал, переводя взгляд с одного на другого, и, улыбнувшись, добавил: — Вы же родня. Как я могу вас различить, тем более фамилия одинакова и даже отчество: не то сынок, не то внучок...

— Главное, вместе будем, — обрадовался Николай. — А там разберемся, внучок или сынок. Да, Алешка?

Алешка выглянул из-за его спины, стрельнул глазами, хихикнул и кивнул головой.

— Алешка, а ты не сбежишь, как из детдома? А то не успевали отправить, как он обратно появлялся, — хохотнули раненые, прислушивавшиеся к разговору.

— Нет, от батяньки не сбегу, — замотал головой Алешка, продолжая прятаться за спину Николая, а у того от услышанных слов аж дыхание перехватило. — Я и сбегал, потому что знал, что папка приедет.

Раненые закряхтели, глядя на них. Одни отворачивались, украдкой вытирая глаза, а другие улыбались — широко и радостно. За них радовались, зная их тяжелые судьбы.

— А куда отправитесь? — поинтересовался врач, взглянув поверх очков. — Слышал, вашу деревню фашисты сожгли. Как жить станете?

— Да, сожгли, — вздохнул Николай. — Но ничего, доберемся, а на месте определимся, чем займемся. Пока тепло, в шалаше поживем, а там землянку сделаем. Ничего, перезимуем! А на другой год избой займемся. Да, сынок? Глядишь, старшие сынки объявятся, что без вести пропали. Нам никак с Алешкой нельзя уезжать в другое место. Я буду сыновей ждать, а он братьев своих. Да, сынок?

— Проживем, — кивнул головой Алешка. — Нам никак нельзя в другое место уезжать. Братовья мои должны вернуться.

— Ну, Ерохины, тогда готовьтесь к выписке, — снова улыбнулся врач. — Всем миром соберем вас в дорогу...

Через неделю Ерохиных выписали. Некоторые из ходячих больных провожали их до улицы, остальные раненые махали им из окон. Николай с тяжелым вещмешком на плече, в котором лежали гостинцы от раненых и медперсонала, на протезе и с палкой в руках вышел на дорогу. А рядом с ним, держа его за руку, степенно шагал серьезный Алешка в маленькой шинельке: небольшой вещмешок за плечами, начищенные маленькие сапоги — и где только смогли достать, большеватая пилотка на голове. Они шагали по разбитой дороге: скрип-шлеп, топ-топ, скрип-шлеп, топ-топ...

Они возвращались домой, а впереди их ждала мирная жизнь... □

Дмитрий Дарин

ВИВАТ, ДОНБАСС!

Пусть ополчатся против нас
России давние враги,
Им русский не видать Донбасс,
И русского себе слуги.

И снова в небе дым и гарь,
И вновь осколков смертный свист,
Цивилизованный дикарь —
Перелицованный нацист.

Как вам хотелось на костях
Народа нашего плясать,
Француз, германец, бритт и лях,
И им бандеровец под стать.

Веками кован русский мир,
Победой кован русский меч,
И честь — наш главный командир —
Прикажет снова мир сберечь.

Виват, Донбасс, виват, Россия!
Мы беды вместе пересилим,
Мы снова вместе победим,
И мы споем Донбассский гимн!

***

Снова тучи над Россией,
Снова грозы над страной,
Ополчились вражьи силы,
Чтоб идти на нас войной.

Чтоб распять нас и унижить,
Чтоб порушить и попать,
Снова варварских дивизий
Кличут дьявольскую рать.

Мы — наследники Победы —
Подтвердим свое родство,
Уничтожим людоедов,
Их низвергнем божество!

Переломим злую волю,
Силой силу перегнем,
Устоим на русском поле
И не дрогнем под огнем!

Мы рассеем эту нечисть,
Мы разгоним эту мразь,
Что хотела нас калечить,
Над святынями глумясь!

Не пройдет фашист и изверг
Душегуб и изувер,
И не тронет наши избы
Тот беснующийся зверь!

С нами Бог, и с нами сила —
Правда русского штыка!
Отстоим свою Россию,
Было как во все века!

Встань на сечу, встань на брань,
За детей и предков встань,
В смертном выдюжи бою,
Встань за Родину свою!

МЫ — СОЛДАТЫ НА ВОЙНЕ

Мы — солдаты на войне,
Мы — ребята на броне,
А кругом летают пульки,
Все торопятся ко мне.

А кто братский был народ,
Тот теперь наоборот,
Я теперь на этих «братьев»
Заряжаю пулемет.

Больше дела — меньше слов,
«Град» летит поверх голов,
А кого тот «град» достанет —
Не дождется докторов.

Три гранаты, два рожка,
Бьют по нам исподтишка,
Только мы не лыком шиты,
Мы заляжем у лужка.

Кто не с нами — против нас,
А у нас с тобой приказ —
Сковырнуть всю эту нечисть,
Чтобы русским был Донбасс.

Как бывает на войне,
Катим снова на броне,
Ах, зачем ты, вражья пулька,
Долетела до мене...

РУКОПАШНАЯ

Пылало небо на закате,
Наш взвод удерживал рубеж,
Раз нет патронов в автомате,
Берись за нож — коли и режь!

Я верю в ярость ледяную,
Как снайпер верит в свой прицел —
Когда сойдемся мы вплотную,
Не он, а я останусь цел.

Вот мы уже, скрестясь глазами
За три секунды до ножей,
Т мир вокруг как будто замер
В своем кровавом дележе...

Сошлись. С одним и тем же матом
Металл царапал о металл...

И скалил дьявол рот щербатый,
И ворон поле облетал.

Подброшен в небо жребий древний,
Минута длится дольше дня,
Последний лязг, как вдох последний —
И Бог поставил на меня...

Тот был, наверное, с нацбата,
Не храбрость, ненависть гнала,
А я лишь помнил то, что свято —
Тепло родимого угла.

А после пальцы с рукояти
Мне разжимали в блиндаже...
Пылало небо на закате,
Наш взвод стоял на рубеже...

ЗА МИНУТУ ДО БОЯ

За минуту до боя
Посмотри в небеса,
Тот, кто правит судьбою,
Взвесит все на весах.

И из всей этой каши,
Хоть с молитвой, хоть без,
Он кидает на чашу
Души наши на вес.

Там зазря не жалеют,
Ни вовеки, ни днесь,
Чья душа тяжелее,
Тот останется здесь.

Тяжелее не мезтью,
И не плотским грехом,

А взлетевшим известьем
О дружке неживом.

И застрявшим осколком,
Память режущим в дым,
По разбитым поселкам,
По подросткам седым...

Материнской мольбою
Не остаться в лесах...
За минуту до боя
Посмотри в небеса.

Там, на ангельской базе
Есть канал запасной —
Бог с тобою на связи,
Ты — его позывной!

БАТЮШКА

*Посвящается православным
священникам на войне*

С библейских пор, с времен Потопа
Просохший мир перечерствел —
Здесь зло виднее из окопа,
Добро заметнее в прицел.

Возносит батюшка молитву,
И где-то в небе не пустом
Христос воззрил на поле битвы,
Где пуля встретится с крестом.

И вторят: «Господи, помилуй...»
Бойцы, крестясь на образок,
А смерть стервятником кружила
От образка наискосок.

Нет перед боем некрещеных,
Душе того извечно жить,
Кто смог, осколком причащенный,
Ее за други положить.

Воюет здесь десант духовный,
Кто, кроме нас, кто, как ни мы...
И страха душевные окопы
Сбивают мудрые псалмы.

Простужен голос иерея,
Но правда Божья — вечный звон,
А где-то там, где зло хитрее,
В ствол досылается патрон...

Здесь, под студеным синим небом,
Понятна эта хрипотца,
Льет благодать от древней требы
Водой живую по сердцам.

И сердцу так от этой песни
Спокойней жить и умирать,
А снайпер целит в крест наперсный,
И молча ждет Святая рать.

Не разрешима от обета
Ни честь, ни вера, ни страна,
Вот потому особым светом
Горят на рясе ордена.

НЕ БОЙТЕСЬ РУССКИХ!

Не бойтесь русских, просто уважайте —
Мы за завидные чужие урожаи
Соседа грабить не спешим —
Иной уклад души.

Не бойтесь русских, просто не забудьте,
В долгу у миллионов русских судеб,
На их костях стоит ваш мир,
Что сытно жив взаимны.

Не бойтесь русских, просто не снесите
Оживших в камне русских витязей,
Что вас от вас же берегли,
Восставши из земли.

Не бойтесь русских, просто извинитесь,
За что нагадили в пиратской прыти,
Перед своими же детьми,
Чтоб жизнь им не затмить.

Не бойтесь русских. Ну а коль боитесь,
Грозить нам силой вашей не беритесь,
В полях России много мест,
Где вам поставят крест.

Театральная Москва сразу приняла и полюбила Ирину Зайцеву благодаря роли Эдит Пиаф в одноименных постановках театра Луны, ныне Театра на Малой Ордынке. Действительно, артистка блистательно справляется с поставленными задачами — не просто играет, а живет и дышит своим персонажем, кроме того, поет и танцует, вызывая самые разные эмоции у публики — от слез до улыбок. Каждый зритель в зале переживает за ее героиню, которая не может не вызывать восхищения своими поступками и всей жизнью в целом. О театре, музыке и благотворительности мы поговорили с актрисой, на чью жизненную долю также выпало немало испытаний...

Ирина Зайцева

*«Роль Эдит Пиаф
проходит красной линией
по всей моей жизни»*

Фото из личного архива

— Ирина, вы блистательно справляетесь с ролью легендарной шансонье, сходство настолько потрясающее, что хочется узнать, есть ли, помимо внешних, внутренние совпадения? Например, с какими-то чертами характера, моментов в биографии?

— Роль Эдит Пиаф, конечно же, проходит красной линией по всей

моей жизни. Действительно, это и внешняя, и голосовая схожесть. Так уж случилось. И даже, я бы сказала, какие-то моменты многие похожи и по характеру тоже. Единственная наша с ней разница — я не такая любвеобильная, можно сказать, однолюбка. Но на сцене и всего того, что касается работы, я такой же сумасшедшей трудоголик, работаю,

как многие говорят, на «разрыв аорты».

— Когда и как началась ваша история с Пиаф?

— История с великой французской певицей началась еще в студенческие годы. На последнем курсе ГИТИСа мастерской Сергея Проханова, где мы учились и заканчивали с моими коллегами и партнерами Максимом Щеголевым, Евгением Коряковским, Алексеем Лосихиным, мы самостоятельно поставили пьесу «На балу удачи», только мы ее перевернули наоборот — сыграли от смерти до рождения. Эта наша студенческая постановка всем очень понравилась. После того как наши звездные коллеги — Дмитрий Певцов, Сергей Виноградов, Евгений Стычкин и многие другие побывали на спектакле, сразу пошла слава, и в подвальчик нашей «старой» Луны на Маяковке стали приходить люди и просить билеты на этот спектакль.

Сергей Борисович Проханов смекнул, ведь новое здание, которое дали нам на Ордынке, нужно было поднимать, и поднимать с чем-то новым, неординарным. И тогда он написал пьесу «Диагноз: Эдит Пиаф». Правда, все проходило в сумасшедшем доме, где разворачивалась некая история, в которой главным был Доктор Тисо (его играл замечательный Олег Марусев, ныне покойный). Вместе с режиссером Ларри Лозовски (его роль исполняли Андрей Со-

колов и Максим Щеголев) они придумали вот такую историю — снимать фильмы с прототипами легендарных звезд, которых доктор Тисо выращивал у себя в клинике. Собственно говоря, Пиаф было там немного. Из всех песен, по большому счету, там была только одна: «Я ни о чем не жалею». В финале спектакля я летала над зрительным залом. В итоге эта роль принесла мне пять

театральных премий, как открытие года в театральной Москве и лучшая женская роль.

— Как создавался спектакль «Эдит Пиаф — гимн любви»?

— В 2022 году мне позвонили из театра Луны — в последние годы я ушла из театра и играла на контракте, потому что у меня на руках

энергетикой, силой и так далее. Ну, я подумала, согласилась, и всего за два с половиной месяца мы выпустили этот огромный объем. Я очень благодарна Евгению Герасимову, который пригласил меня в Театр, вернул обратно в актерскую профессию, дал мне «второе дыхание»! Очень рада, что поработала с замечательным режиссером и драма-

---

был маленький ребенок-инвалид — к сожалению, так уж случилось по судьбе. Мне позвонили и спросили, не хочу ли я сыграть новую историю Пиаф? Мол, поменялось руководство, и нужно по-настоящему петь, а это как раз то, чего тебе не давали в предыдущем спектакле. Тут нужно будет полноценно соответствовать, и ты можешь это сделать — с твоей

тургом-постановщиком этого спектакля Игорем Афанасьевым. И, конечно, с легендарным хореографом Сергеем Грицаем. Это просто необычайно талантливый человек, он многое привнес в этот спектакль, сделал его легким, красивым. Я тоже «внесла свою лепту»: предложила многие пластические наработки по Пиаф, чтобы спектакль не был пародией на нее, чтобы и я от себя что-то вносила, но при этом и схожесть некая присутствовала. В итоге все согласились. Сейчас этот спектакль идет с аншлагами. Работает «сарафанное радио», и в Интернете много о нем говорят и пишут. Приятно, конечно. В ближайшее время мы попробуем сделать первый гастрольный выезд. Спектакль для меня тяжелый — и физически, и эмоционально, и голосово, потому что постоянная смена речевого тембра на вокальный, а в течение почти 2-х часов — это достаточно тяжело для голоса.

— Расскажите, пожалуйста, о воплощении мечты одной девочки, которая познакомилась с вами на спектакле, и в целом об этой благотворительной акции...

— В позапрошлом году мы на спектакле познакомились с удивительной девочкой Дашей Якушевой из хосписа «Дом с маяком», сейчас ей исполнился 21 год. Даша — инвалид на коляске, у нее спинальная мышечная атрофия. Она обожает

Париж, обожает Эдит Пиаф за ее силу духа, за ее огромное желание жить, за любовь к жизни и за ее творчество. Я задалась вопросом, чем могу в этой ситуации помочь девочке, и спросила, есть ли у нее какое-либо желание, мечта, которые я могу исполнить? Оказывается, у нее было желание петь. Понятно, что с ее диагнозом это тяжело —

бывает, и просто говорить тяжело, она начинает задыхаться, а тут — петь! Тем не менее я спросила, что ей больше всего нравится, что бы она хотела спеть? «Я ни о чем не жалею», — ответила Даша. В итоге договорились с друзьями и поклонниками, записали наш дуэт в студии, сделали клип. Все это вы можете посмотреть у меня на странице,

полистать, найти эту историю и наше выступление на концерте. Главное, мы смогли исполнить ее мечту. При всем том, она общается с семьей Пиаф, с падчерицей Эдит Пиаф (дочерью Жака Пиллса от первого брака Жаклин Буайе — певицей). Вот и получается, что во Франции знают о существовании «русской Пиаф», очень удивляются этому

назад, меня привлекла, продолжается. Началось все со студенческого спектакля, после которого был «Диагноз: Эдит Пиаф», а сейчас «Гимн любви». Все эти многие годы я еще выступала с концертными номерами и программами с оркестром, а также на телевидении. И сейчас именно с французской программой, с песнями Пиаф, мы готовим большую двухча-

---

и говорят: «Боже мой, у нас даже никто так не возносит Пиаф, как у вас в России ее любят!»

А поклонники, волонтеры Сбера, снимают документальный фильм о моей подопечной Даше, где и я буду. Они же организуют этой весной поездку во Францию для нее.

Вот так история с Эдит Пиаф, которая когда-то давно, почти 25 лет

совую политеатрализованную концертную программу, которая скоро запустится, если Бог даст. Вот поэтому никуда мне, как говорится, от этого образа, от этой женщины не уйти.

— Как много уделяется в вашем образе гриму?

— Дело в том, что как сами гримеры, а также режиссеры говорят,

что мне практически не нужно гримироваться. Даже без грима я очень похожа на молодую Пиаф, и в итоге мы почти ничего не делаем. Лишь минимально подчеркиваем мои же черты лица, и делаем макияж такой, как было принято в те годы — ретро, вот и все.

— Ирина, спектакль многозатратный — вы и поете, и играете, и танцуете. Как вы потом восстанавливаетесь?

— Все зависит от того, как проходит спектакль. Естественно, получается по-разному,. Зависит даже от погоды, что ли, плюс твое самочувствие, плюс бывает, что зрительный зал «выжимает до доньшка», и я еле доползаю домой. А бывает, когда я просто летаю, причем летаю неделю, а то и две, такой позитивный заряд и такой обмен энергии в ответ, который люди подарили. Поэтому каждый раз по-разному получается.

Спектакль действительно очень духовно затратный, тяжелый, и я прошу администрацию, чтобы они ставили его с большими окнами, потому что мне нужно эмоционально отойти и, самое главное, голосово — «включать режим молчания».

— Ирина, вы родились в маленьком уральском городке. Как и откуда пришло желание покорять Москву?

— Я жила в закрытом городе Свердловск-44, он же Новоуральск, с бабушкой и дедушкой. И там же

ходила в первый экспериментальный детский набор, который назывался шоу-группа «Интервью», где мы делали как раз такие разные мюзикловые постановки. Это было очень интересно! И с этим багажом меня в Москву пригласили мои наставники — Андрей Билль и Лора Квинт по программе «Таланты России» в училище Гнесиных, причем без экзаменов. Единственное, нужно было решить вопрос с жильем, пока я у них остановилась. Они же помогли решить все вопросы с работой. Также Дума города Новоуральска помогла — город оплатил учебу. Выделили очень большие деньги, чтобы я могла поехать учиться в Москву. Я с отличием окончила Гнесинку и поступила на второй курс ГИТИСа к Проханову. Спонсоры театра Транснефть, нам, талантливым студентам, включая Максима Щеголева, оплатили учебу и жилье. А после учебы мы, можно сказать, перешли дальше, уже в более серьезные этапы жизни.

— Я знаю, у вас несколько образований!..

— Да, их у меня много. Первое получила в 15 лет — диплом инструктора аэробики и шейпинга я защитила в Екатеринбурге, через год получила диплом «балетмейстера-постановщика» в Институте культуры у легендарного Сергея Смирнова и работала как раз с экспериментальной шоу-группой «Интервью». Обучала детей хореографии, была постановщиком всех номеров, и как бы вторым руководителем этого коллектива. Впоследствии еще получила специализированное дополнительное образование как воспитатель, помощник, психолог.

— Где было труднее всего учиться?

— На самом деле нигде трудно не было, я все успевала совмещать. Получается, начала с 14 лет уже профессионально работать в штате дома культуры «Строитель» с детьми — как хореограф-постановщик. Дальше, когда меня пригласили в Москву учиться, я также вынуждена была работать, иначе просто невозможно было бы жить. Когда училась в учи-

работала. И также делала постановки, плюс работала с телевидением, плюс, снималась в сериалах и занималась концертными программами.

— Чем вы вдохновляетесь в создании роли, в работе?

— Я не сказала бы, что в работе нужно вдохновляться. Я бы сказала, что свою работу надо любить. Когда ты любишь свою работу, когда занимаешься любимым делом, ты го-

лице Гнесиных, там же 1 курсу преподавала хореографию, а еще работала хореографом-постановщиком в коллективе Андрея Билля «Музыкальный фрегат». Потом в танцевально-акробатической студии «Альфа». Многое потом вошло в спектакли — акробатика прыжковая, каучук, воздух. Обучаясь в ГИТИСе, я тоже

ришь. А это чувствуют и видят твои коллеги, партнеры и, самое главное, зрители...

— Судя по всему, вы очень много внимания уделяете «работе актера над собой».

— Ну, я жуткий трудоголик вообще, поэтому постоянно что-то

делаю, совершенствуюсь. Плюс характер, наверное, да и все мои профессора, у кого я училась, были такими же трудоголиками. По-другому я не умею, поэтому обучаюсь всегда и всему, начиная от быта до профессии. Нужно было научиться мужу помогать в ферме — была

у нас почти 10 лет своя ферма — я стала выращивать кур и гусей — целых 300 штук. К тому же сельхозземлю чистить надо было, а для этого рубить и валить лес. Вот всем этим я и занималась, а потом продавала нашим же друзьям, коллегам нашу продукцию. В работе так-

же нужно постоянно находиться в процессе самосовершенствования. Учю, пою ли я, все равно делаю что-то новое. Как только ты остановишься, то все — начинаешь затвердевать, перестаешь быть пластичным, и голос, как и тело, теряет свою пластику, легкость...

— Плюсы и минусы вашего характера?

— Если уж говорить о моем плюсе, он же огромный минус, — это самокритичность. Я очень критичный человек. Ладно, что ко многим, но к себе больше всего — я самоедка, люблю шлифовать все до «идеала», даже если для этого потребуются годы.

— А для чего ?

— Для того, чтобы это было высокого качества, поэтому все знают, что я прихожу на спектакль, на репетиции, концерты всегда уже заранее готовая, и никого специально не гоняю, не вызываю. Берегу чужие силы и время, уважительно отношусь к потенциалу других людей и занятости. И тем самым стараюсь, чтобы люди ценили, уважали то, что я делаю для них.

— В каких постановках вы еще задействованы?

— Я продолжаю выходить в старом спектакле-мюзикле Максима Дунаевского и Сергея Проханова «Мэри Поппинс: Next», там я играю сразу двух нянь — в первом акте — няню Кэти и во втором — легендар-

ную Эндрю Грозенберг. Сейчас вышла премьера мюзикла «Человек-амфи-бия». Там у меня роль — бедная женщина, игровой кусок, в котором я исполняю ту самую знаменитую и классную песню певицы в ресторане.

Сейчас также готовится большая театрализованная концертная программа французских ретро-хитов в сопровождении оркестра. Пока больше не раскрою планов, как говорится, чтобы не сглазить.

— И в заключение, ваша любимая песня?

— Любимая песня — «Я ни о чем не жалею» Пиаф. Потому что действительно в жизни я стараюсь ни о чем не жалеть. И позитивный, и негативный опыт — это все равно опыт и знания. При всем том, Бог посылает мне в нужный момент нужных людей на распутье, и я дальше двигаюсь с теми, кто меня поддерживает. В этом плане моя жизнь тоже полна перипетий, причем непростых перипетий, как говорится, не хуже, чем у Пиаф (смеется). Несмотря на это, я стараюсь быть позитивной, нести что-то светлое людям. Я, по сути своей, со-

зидатель. Если могу чем-то поделиться, чем-то помочь, в чем-то поучаствовать, я это делаю, причем совершенно безвозмездно. Я считаю, что это нормально: если Бог это дал, то надо делиться, а если ты ничем вообще не делишься из того, что он тебе дал, тогда Создатель может просто взять и это все забрать. А чтобы такого не происходило, я считаю, что обязательно нужно делиться. Это то же самое, что и чаша: когда она переполняется, ее нужно освобождать — для того, чтобы в ней появилось что-то новое... □

Беседовала **Дарья Парчинская**

«Мертвый тореадор» Эдуарда Мане, или Как из одной посредственной картины сделать два шедевра

В 1864 году в Париже должен был состояться очередной Салон. Попасты в число участников этой самой престижной в Европе выставки было мечтой каждого художника. Но все знали — пройти суд сурового жюри весьма непросто. В этот раз было разрешено каждому живописцу представить по две картины...

Эдуард
Мане

«Мертвый тореадор»

Эдуард Мане уже показывал свои работы публике, но успехом это назвать было никак нельзя. А совсем недавно он пережил настоящую драму: выставленный в 1863 году в «Салоне Отвергнутых» (выставке, на которой

были представлены картины и скульптуры, не принятые официальным жюри Салона) «Завтрак на траве», картина, поразительная по мастерству, дерзости и творческой свободе, вызвала не восхищение, а оголте-

лую ругань и насмешки даже со стороны самых просвещенных и авторитетных критиков и художников. Увидела картину и императорская чета. Непристойность — таков был высочайший вердикт. И действительно — две обнаженные дамы в компании двух странно одетых мужчин! Про-

показать парижанам нечто совсем иное, что-нибудь благопристойное, такое, что заставит всех понять, что он настоящий, большой художник, умеющий выстраивать правильно композицию и блестяще чувствующий цвет. И... вполне нравственный. Нет, он им всем еще покажет! Поразительно, как

«Бой быков»

стые обыватели восприняли полотно как откровенное издевательство над всеми моральными ценностями, принятыми в обществе. Публика и критики были безжалостны в своих оценках. Вот почему теперь Мане хотел

много значило для Мане общественное признание. Он, столь свободный в творчестве, вполне обеспеченный материально, никогда не нуждавшийся в заработках, был невероятно зависим от общественного мнения.

Ему страстно хотелось, чтобы мир признал его как гениального художника.

Итак, решение принято — он закончит уже начатый раньше «Бой быков» и напишет картину на религиозную тему — например, «Мертвого Христа с ангелами». Может, на сей раз Христос защитит его от нападков профанов и всяческих недоброжелателей.

гуры — одна женская и две мужские. А Мане добавил и свою нотку — в глубине картины поместил еще одну даму. Ну и в очередной раз художнику помогли великие предшественники. Для «Боя быков» он позаимствовал фигуру мертвого воина у Веласкеса. С Христом ему помог Тинторетто. Со всем недавно, год назад, умер Дела-

«Завтрак на траве»

Темы своих картин Мане находил легко — брал у любимых художников. Так было с его «Завтраком на траве» — когда-то копировал «Сельский концерт» Джорджоне, а потом ему попала гравюра Раймонди с рафаэлевской картины «Суд Париса», на которой изображены три фи-

круа, и большой друг Мане Анри Фантен-Латур написал большое полотно «В честь Делакруа». На этой картине он изобразил у портрета Делакруа своих друзей, художников, поэтов, критиков. Среди них — Уистлер, Бодлер, конечно, и Мане. Эдуард будет присутствовать на Салоне, ес-

ли жюри примет его работы, еще и как герой картины Фантен-Латура!

Мане очень надеялся, что в этот раз он будет иметь успех, и особенно надеялся на «Бой быков»: ведь Испания и все, что связано с этой страной, было тогда очень модно. После наполеоновских походов Франция узнала испанских художников. Король Луи-Филипп даже открыл в Лувре свою Испанскую галерею, где были собраны настоящие шедевры — картины Веласкеса, Гойи, Эль Греко, Риберы и других великих испанцев. (Туда водил юного Эдуарда его дядюшка по материнской линии мсье Фурнье, рано заметивший у племянника способности к рисованию и в любой момент готовый дать ему карандаш и лист бумаги. Возможно, мсье Фурнье водил племянника и в галерею маршала Сульта — тот славился как ни чем не брезговавший грабитель испанских церквей, собравший великолепную коллекцию испанской живописи, где были несколько прекрасных работ Мурильо и Сурбарана.) И в литературе появились испанские мотивы. В 1829 году Гюго представил публике свою пьесу «Эрнани, или Кастильская честь», через 9 лет — «Рюи Блаза», в 1843 году парижане читали книгу Теофиля Готье «За горами» о его путешествии на Пиренеи, а потом Мериме, который уже показал французам «Театр Клары Гасуль» рассказал французам о гордой, свободолюбивой Кармен. В 1853 году императрицей Франции стала испанка — красавица Евгения де Монти-

хо, которая приобщила французов к зажигательным испанским мелодиям и танцам. Попал под обаяние испанской культуры и Мане. В 1862 году в Париж приезжала труппа танцоров Мадридского королевского театра, и парижане рукоплескали им на представлении балета «Цветок Севильи». Тогда с большим трудом удалось договориться с руководителем труппы сеньором Мариано Кампруби, чтобы тот позволил своим танцовщикам позировать Мане. Спустя несколько недель художник показал друзьям «Испанский балет» и два портрета: один — самого Мариано Кампруби и второй — солистки труппы, страстной, темпераментной Лолы из Валенсии. Эти картины привели в восторг большого друга Мане поэта Шарля Бодлера. У них было много общего — они одного круга и оба — новаторы, оба — ниспровергатели, хотя и не всегда осознавали революционность того, что делали в культуре. Восхитившись «Лолой», Бодлер написал стихи, которые, как он полагал, должны стоять под подписью с названием картины.

*Меж рассыпанных в мире
привычных красот
Всякий выбор, мой друг,
представляется спорным.
Но Лола — Драгоценность,
где розовый с черным
В нежданной прелести нам
предстает.*

(Пер. В Левика).

В 1861 году был также выразительный «Гитарреро», а позже —

«Молодая женщина в костюме эспады», «Молодой человек в костюме махо» (для этой картины позировал брат художника Гюстав — его одели в костюм севильца и дали шляпу с помпонами).

В общем, тема Испании была очень любима Мане. Ну а что может быть ярче, драматичнее и красочнее, чем бой быков? Поэтому он приступил к работе над большой картиной «Эпизод боя быков». Она

«Лола из Валенсии»

давалась ему с большим трудом — Мане никак не мог совладать с перспективой и переписывал картину снова и снова. Наконец, когда он решил, что можно, наконец, остановиться, отослал две свои картины — «Христа» и «Эпизод боя быков» — на суд жюри. С Христом получилась нелепая

история. По-видимому, глядя на картину Тинторетто, Мане смотрел на нее в зеркальном отражении, и рана на груди Христа у Мане оказалась слева, хотя должна была быть справа. Это заметил его верный друг Бодлер. «Удар копьем Христу был нанесен справа, вы должны непременно переписать рану, прежде чем откроется выставка. Бойтесь дать недоброжелателям повод для насмешек». Но Мане уже не мог поправить картину.

Но то ли члены жюри не заметили эту оплошность, то ли, наоборот, хотели спровоцировать общественность, так или иначе, обе работы Мане были приняты! Конечно же, они членам жюри не понравились — более того, обе картины им показались отвратительными, но пусть никто не скажет, что жюри консервативно, что не пускает молодые таланты в мир искусства. Нет, пусть публика сама увидит, что собой представляют эти молодые «таланты»!

Мане, конечно же, не догадывался, какими соображениями руководствовались члены жюри, а потому был безмерно счастлив! К тому же Бодлер попросил своего знакомого, распорядителя Салонов господина Шенневьера, проследить, чтобы полотна Мане и Фантен-Латура были повешены в хороших местах.

И вот 1 мая Салон открылся. Публика, уже приученная к тому, что картины Мане — это нечто невероятное, вызывающее сильные чувства, спешила в первую очередь увидеть работы этого скандального художни-

ка. И получила удовольствие — люди откровенно смеялись гомерическим хохотом. А критики во всех ведущих газетах два месяца после вернисажа всячески издевались над картинами Мане: «Христос — жалкий рудокоп, извлекаемый из кучи угля, а уж коррида — это просто какая-то нелепица!» «Пробудившись ото сна, тореадор видит на расстоянии шести лье от себя быка; он бесстрастно поворачивается и засыпает снова. О, перспек-

Ему это не очень удавалось, настроение было отвратительное, к тому же мучили боли в желудке и в сердце. 15 июня, вернувшись вечером в свой отель, он раскрыл свежую бельгийскую газету «L'Independencebelge» и нашел там статью некоего Уильяма Бюргера, посвященную парижскому Салону. (Под этим псевдонимом писал известный критик Теофиль Торре): «Этому волшебнику подвластен колорит. Только вот в его композициях видны

«Испанский балет»

тива, поделом тому, кто пренебрег ею». «Мане — художник с будущим, ищущий свою дорогу; и, если ему удастся найти таковую, мы готовы заплатить 20 тысяч вознаграждения».

Шарль Бодлер не был на Салоне 1864 года — в это время он пытался найти себе почитателей в Бельгии.

явные заимствования у Веласкеса, Гойи и Эль Греко. Господин Мане не стесняется брать свое добро там, где его находит. И тореадор на картине «Эпизод боя быков» «дерзко скопирован с шедевра, находящегося в галерее Пурталеса, написанный ни кем иным, как Веласкесом».

С глупыми, ограниченными критиками Бодлер не спорил — они не достойны его внимания, но Торе — человек понимающий, умный, и его критика всегда очень по существу, а потому он опасен. И Бодлер бросился в бой за Мане. Он просто обязан ответить этому мсье Бюргеру. 20 июня поэт написал Торе: «Не знаю, помните ли вы меня и наши прошлые споры? Сколько воды утекло с тех пор! Я прилежно читаю все, написанное вами, и хочу поблагодарить за то удовольствие, которое вы доставили мне, взяв под защиту моего друга Эдуарда Мане и тем самым воздав ему хоть малую толику справедливости. Но в высказанных вами суждениях есть кое-какие мелочи, требующие небольшого уточнения. Г-н Мане, которого принято считать ненормальным, сумасшедшим, на самом деле очень порядочный, очень простой человек, делающий все возможное, чтобы быть благоразумным, но, к несчастью, он с самого своего рождения предан романтизму. Слово «подделка» неверно. Г-н Мане никогда не видел Гойи, никогда не видел Греко, г-н Мане никогда не видел галереи Пурталеса. Вам может показаться это невероятным, но это так. Я сам был поражен и изумлен столь таинственными совпадениями. В те времена, когда мы любовались этим замечательным музеем испанского искусства, который Республика из-за чрезмерного уважения к собственности вернула принцам Орлеанским, г-н Мане был юн и служил во флоте.

Ему столько твердили о его «подделках» под Гойю, что он теперь сам ищет, где бы его увидеть. Правда, он видел работы Веласкеса, однако я не знаю, где именно. Вы, вероятно, сомневаетесь в том, что я говорю? Вы, вероятно, сомневаетесь, может ли в природе возникнуть сам собою вот такой необычный, прямо-таки геометрический параллелизм? Но ведь и меня обвиняют в подражании Эдгару По. Знаете ли вы, отчего я так терпеливо переводил Эдгара По? Да оттого, что он так поразительно похож на меня. Раскрыв впервые его книгу, я увидел, — испытывая при этом ужас и восторг сразу, — не только сюжеты, о которых мечтал сам, но даже фразы, задуманные мною и написанные им 20 годами ранее!»

Бодлер явно хотел, чтобы его письмо было прочитано не только Торе, и просил адресата: «Цитируйте мое письмо, или, по крайней мере, хотя бы некоторые его строки. Ведь я высказал вам чистую правду».

Письмо Бодлера заставило Торе задуматься. А может, все это действительно поразительное совпадение? 26 июня в своей следующей статье он опубликовал письмо Бодлера, а затем написал: «Итак, я допускаю, что Эдуард Мане никогда не видел Гойи и что он такой же богом данный колорист, как и тот изысканно фантастический художник. Что до мертвого мужчины, изображенного на арене цирка для боя быков, — тут Торе не может не оговориться, — трудно допустить, чтобы г-н Мане благо-

даря кому-то не имел «второго зрения», если он даже и не бывал в галерее Пурталеса, где находится шедевр Веласкеса. Разве нет фотографии с этого полотна, опубликованной г-ном Гупилем? Нам кажется также, на одной из недавних выставок был еще и офорт с него. Мы, между прочим, всегда подчеркиваем, что живопись г-на Мане не «подделка» под Гойю, и нам доставляет удовольствие повторить, что этот молодой художник — подлинный живописец, куда более подлинный, чем вся та компания, которая получает Большие римские премии».

Но сам Мане должен был признать — в это раз с Салоном ему не повезло. Он даже не мог подумать, что обе его картины вызовут такое неприятие — мир к нему несправедлив... Однако, присмотревшись к «Эпизоду...», он начал понимать, что его критики в чем-то правы, к примеру, мсье Гектор де Каллиас, который писал, что тореадоры на первом плане могли бы легко раздавить бычка каблуками. Пожалуй, решил Мане, бык действительно слишком мал по сравнению с другими фигурами на картине, и выход тут же стал для него очевиден: Мане разрезал полотно перочинным ножом и оставил только два фрагмента: мертвого тореадора и вид арены около амфитеатра. Остальное он уничтожил.

Это было гениальное решение. Из посредственной картины получилось два шедевра, «Бой быков» и «Мертвый тореадор».

Особенно хорош мертвый тореадор. Художнику не важны обстоятельства гибели этого сильного молодого человека. Мы не видим ран, а капли крови лишь слегка заметны. Он словно глубоко заснул, заснул навсегда. Недаром Писсарро, один из выдающихся импрессионистов, пи-

«Молодой человек в костюме махо»

сал: «Мане умеет изображать смерть как глубокий сон. Коррида — спектакль, и жизнь — спектакль, и все имеет свой конец, и конец этот — смерть... Картина, в общем, темная, но от фигуры тореадора исходит какой-то удивительный свет. Мане лучше нас всех умеет создавать свет

из тьмы». И это истинная правда — Мане действительно это удавалось блестяще. Своего «Мертвого тореадора» он покажет публике спустя четыре года, и воспринят будет уже совсем иначе.

А впереди Мане ждали новые скандалы. В 1865 году на очередном Салоне публика увидела его «Олимпию», и все, что было раньше, показалось несчастному Мане ничтожной шумихой. Кто эта Олимпия, спрашивали

Устроители выставки, справедливо опасаясь, что посетители в приступе праведного гнева бросятся со своими зонтиками и тростями на «Олимпию», распорядились поставить у картины двух вооруженных охранников. Не осталась равнодушной и пресса. «Что это за одалиска с желтым животом, жалкая натурщица, подобранная Бог знает где?» Или же: «Никогда и никому не приходилось видеть чего-либо более цинич-

«Олимпия»

художника? Не намек ли это на одну из героинь «Дамы с камелиями» младшего Дюма, циничную и развратную куртизанку Олимпию? Что он себе позволяет, этот господин Мане? Поругано все — чистота, красота, любовь. Изобразил на своем полотне какую-то уличную проститутку. Да это просто порнография!

ного, чем эта «Олимпия. Это самка гориллы, сделанная из каучука... Молодым женщинам в ожидании ребенка, а также девушкам следует избегать подобных впечатлений».

Мане обвиняли в каких-то извращениях, называли порочным. Сколько же нужно сил, чтобы все это вынести? «Ругательства сыплются на

меня градом, еще никогда на мою долю не выпадало такого праздника... От этих криков можно оглохнуть, но очевидно одно — кто-то здесь ошибается», — писал он Бодлеру. Поэт, понимая, в каком положении оказался художник, сам переживший травлю после выхода в 1857 году сборника стихов «Цветы зла», старался поддержать его: «...Над вами смеются, насмешки раздражают вас, к вам несправедливы и т.д. и т.п. Но вы думаете, вы первый человек, попавший в такое положение?..» В те страшные дни мая и июня 1865 года слова преданного друга и замечательного поэта Шарля Бодлера очень помогли Мане — помогли сохранить веру в себя и свой талант.

В конце июня 1865 года он сбежал из Парижа — уехал сначала в Булонь, а затем в Испанию. Наконец-то он попал в страну, которая уже давно жила в его сердце. Увидел ее природу, архитектуру, людей. Увидел и настоящую корриду. В сентябре он писал Бодлеру: «Одно из самых красивых, самых любопытных и самых ужасных зрелищ, которое можно увидеть, — это охота на быков. По возвращении я надеюсь запечатлеть на холсте блестящий, мерцающий и в то же время драматический образ корриды, на которой я присутствовал».

Мане ходил в музеи и храмы, изучал работы великих испанских живописцев. Картины Веласкеса и Гойи вдохновляли его на новые замыслы, он снова ощущал желание творить...

Сколько же лет Эдуарду Мане, одному из основоположников импрессионизма, пришлось биться о стену непонимания, бороться с косностью вкусов, с ортодоксальностью публики и критиков! Все это не могло пройти даром. В конце 1870-х годов он стал ощущать боли в ногах, скованность в движениях. Вскоре уже пришлось работать сидя — стоять было трудно. В 1883 году Мане ампутировали ногу. Операция прошла успешно, но началась лихорадка...

Эдуард Мане умер 30 апреля 1883 года, в окружении близких и родных. На похоронах за его гробом шел цвет французской культуры — Золя, Пруст, Дега, Писсарро, Ренуар... «Тотчас после кончины, — писал Эмиль Золя в статье, посвященной посмертной выставке художника, — Мане был удостоен неожиданного апофеоза. ... Все те, кто накануне издевались и высмеивали его, обнажили головы и заговорили о всенародном признании мастера, триумфом которого стало его погребение...» Увы, этот сюжет нередко встречается в истории искусства; очень часто работы живописцев и скульпторов лишь после их смерти становятся признанными шедеврами...

Так случилось и с двумя картинами Мане, получившимися из обруганного критиками и публикой «Эпизода боя быков». Сегодня «Бой быков», хранится в нью-йоркском музее Фрика, а «Мертвый тореадор» — в Национальной галерее Вашингтона. □

Летчик-дальтоник

Про легендарного советского летчика Александра Маресьева, сумевшего в годы Великой Отечественной войны после тяжелого ранения и ампутации обеих ног вновь подняться в небо успешно сражаться с врагом, знают все. А вот о его коллеге, летчике-асе Григории Речкалове, известно немногим. Но самое удивительное то, что этот летчик был... дальтоником.

Разве такое возможно в принципе? Ведь дальтоники видят окружающий нас мир в совершенно ином цветовом спектре. Оказывается, возможно, и история Григория Андреевича Речкалова (1920–1990), ставшего за свои боевые заслуги дважды Героем Советского Союза, яркое и наглядное тому подтверждение.

Он родился в самой, что ни на есть, обычной крестьянской семье на Урале. И, подобно тысячам советским мальчишек, грезил небом. Эта любовь сначала привела его в кружок планеристов, а затем и в Пермскую военную школу летчиков. По ее окончании сержант Речкалов был за-

числен в 55-й авиационный истребительный полк, который накануне Великой Отечественной войны базировался на окраине города Бельцы Молдавской ССР. Как столько лет подряд молодому летчику удавалось скрывать свой дальтонизм, уже, видимо, навсегда останется тайной.

Впрочем, как известно, все тайное становится явным, вопрос лишь — когда. 21 июня 1941 года о необычной особенности летчика Речкалова благодаря очередной летно-врачебной комиссии командованию его полка стало известно. Естественно, он был забракован и отстранен от полетов. А на следующий день началась война.

Тут уже всем резко стало не до сантиментов и резолюций врачей — в первый же день Великой Отечественной Речкалов был срочно вызван в штаб полка, где ему было дано первое боевое задание. На особенность его зрения временно закрыли глаза — и всего через несколько дней летчик-дальтоник в воздушном бою сбил вражеский «мессершмит». Уже за первый месяц войны Григорий Речкалов, летавший на маневренном биплане И-153 по прозвищу «Чайка», показал свой высокий профессионализм, сбив три вражеских самолета. При этом в последнем бою был сам ранен, но сумел дотянуть самолет до своих. Несколько месяцев лечился в госпитале, из которого в апреле 1942 года сбежал в свой полк, получивший к тому времени за боевые заслуги звание гвардейского.

По возвращении в строй Речкалов освоил новую летную технику — американский истребитель «Аэрокобра», на котором успешно продолжал громить врага. На исходе 1942 года приказом командующего Закавказским военным округом Григорий Речкалов «за 4 лично сбитых и 2 в составе группы самолетов противника и за успешно произведенные 197 боевых вылетов» был награжден орденом Красного Знамени. С весны 1943 года летчик-дальтоник сражался в небе над Кубанью, причем настолько успешно, что уже в начале мая за серию сбитых самолетов противника был награжден вторым орденом Красного Знамени. А в конце месяца дальтоник Речкалов за «образцовое выполне-

ние боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм» получил свою первую золотую звезду Героя Советского Союза.

Летчик-ас продолжил невероятно результативно громить врага, и спустя год на боевом счету заместителя командира полка Григория Речкалова значилось 415 боевых вылетов, 112 воздушных боев, в которых он сбил лично 48 самолетов противника и 6 в группе.

В середине 1944 года Речкалов был награжден второй золотой звездой Героя Советского Союза, к этой высокой награде спустя несколько месяцев добавился третий орден Красного Знамени — майор Речкалов продолжал уничтожать вражеские самолеты.

Всего за годы войны летчик-суперас совершил 450 боевых вылетов, проведя 122 воздушных боя. Пресловутая «цветовая слепота» не помешала дальтонику Речкалову стать одним из самых лучших «сталинских соколов». После легендарного Ивана Кожедуба (сбившего за годы войны 64 вражеских самолета) эта была самая высокая результативность в Советском Союзе.

По легенде, на вопрос комиссии, как же он собирается летать в небе в экстремальных условиях боевых действий будучи дальтонику, он ответил просто, но с достоинством: «Я отличаю свои самолеты от вражеских. Этого вполне достаточно». Жизнь показала, что в случае с Речкаловым так оно и было. □

Дмитрий Зелов

Антифашистский кульбит гитлеровского фельдмаршала

Генерал Фридрих Вильгельм Паулюс, один из главных стратегов не реализовавшегося плана «Барбаросса», фашистского блицкрига против СССР, стал единственным фельдмаршалом Третьего Рейха, попавшим в советский плен. Однако бессмысленной пуле в висок под Сталинградом Паулюс предпочел зимою 1943 года советский плен, в который сдался аккуратно на следующий день после получения от фюрера звания фельдмаршала. А затем и вовсе стал во главе созданного под Москвой из высших армейских чинов Германии... антифашистского движения.

Фото из музея

Биография этого одиозного гитлеровского генерала в общих чертах довольно хорошо известна, и нет нужды ее пересказывать. А вот что обычно ускользает от внимания многих, так это жизнь и деятельность Фридриха Паулюса в советском плену после разгрома немцев под Сталинградом. Об этом можно узнать, если посетить Красногорский музей антифашистов, что расположился совсем рядом со столицей и является ныне филиалом музея Победы на Поклонной горе. Здесь сохранились не только мно-

гие уникальные для той эпохи документы, но и предметы и вещи, связанные с пребыванием бывшего гитлеровского фельдмаршала на советской земле.

Сдача Фридриха Паулюса в советский плен вместе с остатками своей армии имела кроме чисто военно-стратегического еще и огромный морально-политический эффект. Для Гитлера и его клики это был страшный, прямо-таки невероятный по своей силе удар: один из его наиболее талантливых военачальников вместо приказа оборо-

няться «до последнего солдата и последнего патрона» не только капитулировал вместе со своей почти 100-тысячной(!), но полностью деморализованной армией, но еще и стал активно сотрудничать с Красной армией и ее руководством! Немецкая пропаганда тогда лживо объявила своему населению, что 6-я армия генерала Паулюса в полном составе полегла на полях Сталинграда, и объявила в Германии трехдневный траур по своим солдатам и офицерам, многие из которых спустя годы вернулись после пребывания в советском плену живыми и невредимыми в фатерлянд, к немалому изумлению своих родных и близких.

Уже в феврале 1943 года Паулюс и часть генералов его армии были переведены в Красногорский оперативный лагерь №27 НКВД. В созданном к 40-летию Победы на базе бывшей Центральной антифашистской школы мемориальном музее Красногорска посетители могут увидеть заячью ушанку и перчатки фельдмаршала, которые он носил в советском лагере для плененных высших офицеров некогда всесильного Третьего рейха.

В июле того же года в Красногорском лагере из бывших высших немецких офицеров был создан антифашистский комитет «Свободная Германия». Паулюс, поначалу считавший его участников предателями и даже заявлявший, что несмотря на советский плен был и остается

Пленение фельдмаршала Паулюса

национал-социалистом, через полтора года, в начале августа 1944-го, подписал обращение «К военнопленным немецким солдатам и офицерам и к немецкому народу», в котором говорилось буквально следующее: «Считаю своим долгом заявить, что Германия должна устранить Адольфа Гитлера и установить новое государственное руководство, которое закончит войну и создаст условия, обеспечивающие нашему народу дальнейшее существование и восстановление мирных и дружественных отношений с ны-

нешним противником». А всего спустя четыре дня Паулюс вступил в созданный на территории СССР антифашистский «Союз немецких офицеров». А вскоре — и в Национальный комитет «Свободная Германия». С этого момента бывший гитлеровский фельдмаршал стал одним из самых активных пропаган-

дистов в борьбе с нацизмом. Он регулярно выступал с разоблачением злодеяний фашизма по радио, ставил свои подписи на листовках, при-

зывая солдат вермахта переходить на сторону Красной армии.

После разгрома Третьего рейха и окончания Второй мировой войны

Паулюс в феврале 1946 года выступил свидетелем на Нюрнбергском процессе. Однако вскоре после свидания с уцелевшими родными (многие из родственников Паулюса после его пленения и сотрудничества с руководством СССР были помещены гитлеровцами в лагеря смерти) бывший главный «сталинградский» генерал вермахта был вынужден вновь вернуться в Страну Советов. Сталин, не отдавший Паулюса под суд международного Нюрнбергского трибунала, тем не менее, не захотел выпускать пленника столь высокого ранга обратно в Германию. Бывший немецкий фельдмаршал жил в советском плену в очень комфортных условиях: у него были свой врач, повар и адъютант. Паулюсу регулярно доставляли письма и посылки от родных. Но на все его неоднократные просьбы о возвращении на родину отвечали вежливым отказом.

Бывший фельдмаршал неплохо рисовал — в Красногросском музее антифашистов выставлен его карандашный рисунок середины прошлого столетия. На нем Фридрих Паулюс изобразил дом, где в то время он проживал на положении почетного пленника в подмосковном Томилино.

Ситуация изменилась лишь после смерти Сталина в 1953 году. Уже 24 октября 1953 года Фридрих Паулюс в сопровождении своего ординарца Э. Шульте и личного повара Л. Георга уехал в Берлин. За

месяц до отъезда из СССР Паулюс встречался с лидером социалистической Германии Вальтером Ульбрихтом, которого заверил, что проведет остаток дней исключительно в Восточной Германии. В день отъезда главный идеологический рупор Страны Советов, газета «Правда», опубликовала заявление Фридриха Паулюса, в котором говорилось, что исходя из ужасного опыта войны против СССР, ныне в мире существует насущная необходимость мирного сосуществования государств с различным строем. Также Паулюс признался, что он в слепом подчинении прибыл в Советский Союз как враг, но покидает эту страну как друг.

По невероятному стечению обстоятельств, бывший фельдмаршал скончался 1 февраля 1954 году, в 14 годовщину гибели его армии под Сталинградом. За неполных четыре года, что было отведено ему прожить на территории выбранной им ГДР, а не ФРГ, Фридрих Паулюс не прекращал доказывать свою лояльность к социалистическому строю, выступал с осуждением «западногерманского милитаризма» и критиковал политику Бонна, не желавшего нейтралитета ФРГ. Руководители Германской Демократической Республики неустанно хвалили бывшего гитлеровского стратега за патриотизм и не возражали, если свои письма к ним он подписывал как «генерал-фельдмаршал бывшей германской армии». □

Памяти Альбины Краснокутской

От редакции: Это письмо нам прислала пенсионерка 1933 года рождения Ирина Захарович. Оно — от ее внука Александра, который сейчас живет в Ярославле, куда были перевезены дети из Донбасса. В нем он делится с бабушкой своими впечатлениями, а, главное, своей встречей с удивительной женщиной — Альбиной Ивановной Краснокутской, пережившей все испытания, выпавшие на ее долю в годы Великой Отечественной войны.

«Дорогая моя Ба!

Пишу тебе из Москвы. Мечтал об этом всю жизнь. И мама, и папа обещали. А теперь их нет... Только мы с тобой остались. Без тебя я бы не смог. Что делать, как жить? А ты смогла. Собрала меня и отправила с другими ребятами в Россию.

Я уже писал тебе про мою ярославскую жизнь, про пансионат. Здесь много наших, донбасских. Дружим. Ничего такого особенного не просим. И вдруг — Москва! Представляешь, выехали в автобусе рано-рано. Дремали. А когда проснулись — уже в столице! И будто сон — вот она, Красная площадь! Снимал все подряд. Когда встретимся, все увидишь и даже услышишь — я записал бой курантов. Экскурсовод показал нам место Мавзолея, куда сбрасывали в сорок пятом на Параде Победы знамена фашистских армий. Заснял и священный огонь у Могилы Неизвестного Солдата, и смену караула. Мы, донбасские, постояли, помолчали, оставили там гвоздички...

Наш автобус с надписью «Дети Донбасса» кружил по Москве, двигался в мощном потоке машин, иногда останавливался на минуту-другую, и мы фотографировали. Вернемся домой, разберемся, придумаем свой проект «Спасибо тебе, Москва!»

Объявили, что мы подъезжаем. Нас встречали ровесники-москвичи с шариками и флажками у Центральной детской библиотеки. Не запомнить, сколько этажей, какие залы и что для нас открыли. Выставка художников детских книг, зал детской литературы на языках мира, компьютерный

класс, мультики, мастер-классы... Зрительный зал, концерт. Известные артисты и ребята из разных студий. Обед. Все очень вкусно. Я мог бы на этом закончить, если бы... Если бы не моя удивительная история, которую, дорогая Ба, ты должна узнать.

На концерте мне запомнилась одна девочка. Пела красиво, и сама красивая. С белой косой. Как Снегурочка. За обедом (нас было много) искал ее глазами, и представляешь, Ба, она меня увидела и улыбнулась.

Одновременно встали из-за стола и пошли навстречу друг другу.

— Привет! Я — Саша. Ты пела лучше всех.

— Спасибо! Я — Анжела. Со мной бабушка — Альбина Ивановна.

Она подвела меня к ней, познакомила. Ее бабушка примерно твоего возраста.

— Ты, вижу, донбасский, — улыбнулась Альбина Ивановна. — Получается, мой внук. Я ведь тоже донбасская. Только с той войны — Великой Отечественной. У тебя есть памятные фотографии тех дней?

— Нет. В наш дом попал снаряд, и ничего не осталось.

— И никого?

— Только я и бабушка.

— Мне хотелось бы, чтобы ты побывал у нас в гостях. Посмотрел бы мои донбасские фотографии. А потом мы отвезем тебя туда, где вы остановились. Ты согласен?

Я предупредил наших, и мы втроем поехали: Анжела, ее бабушка и я. Нас ждала машина, за рулем которой сидел сын Альбины Ивановны. Она успела мне сказать: «Он офицер, кремлевский». Приехали мы очень быстро, я даже не успел увидеть, где и что.

...Альбина Ивановна угостила меня чаем, а потом достала альбом и, перелистывая старые, потертые фотографии, рассказывала о каждой.

— ...Вот эта фотография еще до войны сделана. Купаемся. Веселые. Счастливые. Там любимый Донецк. Песчаные берега. Сосны...

А вот уже война. Весь эшелон на фото не вошел, очень длинный состав. Это была эвакуация завода металлоконструкций, где работали мои родители. Платформы — для техники. Теплушки без окон — для людей. В одной из таких — наша семья: я, мама, бабушка, дед и еще одна семья, которых я уже не помню. Половина теплушки была загорожена горкой угля. Когда тронулись, мы сделали в ней широкую щель. Сразу повеяло ветерком, и стало видно, что там, за окном. Высовываться было запрещено, но наблюдать — можно. Бывало, рядом с нами, в ту же сторону двигался поезд «с Красным крестом», а бывало, шли поезда нам навстречу: на платформах — танки, орудия, а в теплушках — бойцы. И надпись: «Все — для фронта. Все — для победы!»...

Сколько дней мы ехали, уже не помню. Наконец остановились. Ни вокзала. Ни полустанка. Тишина. Раннее утро. Лес. Солнышко позолотило вершины деревьев. Красиво! В нашу теплушку вскарабкалась какая-то девушка, вручила деду листовку и сказала: «Из штаба». Дед внимательно прочитал и сказал нам: «Здесь все — по-умному. Нас, эвакуированных, встретит местная власть. Старых и малых довезут до жилых мест. Надо будет искать жилье, за него готов платить завод. Кто не пускает, не обижаться. А все мужчины, молодые парни и крепкие женщины без малышей останутся здесь, в лесу. Разгрузим технику, найдем, где ее сбересть, и будем строить завод...»

Нам досталась полуторка. Поместилось несколько семей. Бабушку устроили к водителю. Ей на руки посадили двух малышей, и поехали. Лес остался позади. Замелькали дома: деревянные и кирпичные. Остановились. Присели на скамейку. Дед и другие отправились искать жилье. Скоро вернулся и сказал: «Все, нашел. Люди симпатичные».

Вскоре дед записал меня в школу. Обнял меня за плечи: «Отведу тебя сам. Но, пожалуйста, не удивляйся. Бывшая школа — теперь госпиталь, там лечат раненых. А вас, школьников, приютит клуб. Красивый. На первом этаже — кинозал, фильмы показывают. А наверху есть комнаты. Повесят учебные доски, рассадят вас, и все будет хорошо».

Бабушка сшила для меня школьную сумку. Все поместилось: букварь, задачник, пенал, где ручка, перышко, резинка. Первый раз меня в школу отвел дед и встретил после уроков, а дальше — я сама. Учительница у нас была добрая, улыбчивая, внимательная. Всем раздала тетрадки «в три косяе». На доске мелком выводила первые палочки, кружочки. С этого начинаются, как она сказала, уроки чистописания. Домашнее задание очень хотелось выполнить на «отлично», а в маленькой комнате, где мы жили, стола не было, обедали мы в кухне. На подоконнике делать уроки тоже не очень-то получалось. Я, конечно, не ныла, не жаловалась, но дед, понимая мои мытарства, соорудил необычный столик: по два березовых столбика, «скрещенных», как буква «х», а сверху — фанерка. Дед назвал свое изделие «партой». Она и помогала мне получать отличные оценки...

Дед вообще умел все. Подшивал нам валенки. А когда узнал, что мы в клубе «занимаемся балетом» и нам нужна «подходящая обувь», сплел мне из веревки маленькие лапти с твердым «носком» — вроде как пуанты у балерины.

Шел второй год войны. Весна. В лесу зажил второй жизнью наш донбасский завод. Его продукция была нужна фронту. Неподалеку от завода

вырос целый поселок. Новые домики, беленькие, деревянные, одноэтажные, многоквартирные. Для каждой семьи — своя, отдельная.

Мы, дети, пожившие у местных хозяев, перебрались в свои, новые, но сразу ставшие родными комнаты. Нас ничуть не смущало слово «бараки», мы говорили «наш дом», «у меня дома».

Нас ждала еще одна хорошая новость: «Снег сойдет, вскопаем огород. Будет у нас и картошка, и морковь», — сказали нам взрослые.

Мы научились аккуратно вырезать из картофеля прошлого года росточки беленькие, крепкие росточки-«глазки». По весне взрослые вскапывали землю, а осенью мы помогали убирать урожай. Во всех семьях запахло картошкой. Кто-то даже сказал: «мирным временем».

Седьмого ноября вывесили красные флаги. Устроили в «бараке» праздник — сдвинули в коридоре столы, тумбочки, пригодилась и моя парта. На столы поставили ведра — картошка с лесными грибочками. Всем раздавали по мисочкам.

Вот фото. Видишь, поднимают жестяные кружки «За Победу!» Мой дед добавил: «Тыл — все для фронта! Вы, сыны мои, — молодцы!» Все захлопали.

Дядя Костя (он был главным инженером на заводе) развернул аккордеон. Помню, все пели сначала «Катюшу». Потом — строго, твердо — «Идет война народная». И совсем по-другому, как бывало до войны, любимая донбасская «Спят курганы темные, солнцем опаленные...» Мы, девчонки, не удержались, закружились. Я — в своих веревочных «балетках», подружка — в теплых носках. Потом нас угостили мятным чаем с «подушечками», все стали расходиться — утром ведь снова на завод ...

А ночью внезапно умер дед. Такой большой, сильный. Папа сказал: «Отец, наверное, с нами попрощался. Он терпеливый, мужественный. Никому не жаловался. Что-то скрывал. Как на фронте. Р-раз — и нет его. Мы тоже не будем плакать». А я зарыдала...

Сегодня — сколько лет прошло — я понимаю, как все смешивалось: светлое и темное, счастливое и печальное. Одно слово — война. Хочешь — не хочешь, никуда не деться от памяти того детства. Как кино: черно-белое и цветное. Кадр за кадром.

...Заводу вручали Красное знамя. Папа (он был директором) редко ночевал дома, а тут вырвался на часок, чтобы сменить гимнастерку, «подворотничок», одним словом, быть в форме, и снова ушел: поздравлять товарищей, отпраздновать вручение знамени вместе со всем заводом.

В те же дни пришло письмо от папиной племянницы Светы. Она с первых дней была на фронте, связистка, ранена, лечится в госпитале. Сейчас ста-

рается вернуться в строй. Но узнала страшное: в Киеве наши родственники трагически погибли. Их — 16 человек — вместе с другими еврейскими семьями фашисты согнали, свалили в Бабий Яр и засыпали — и тех, кто был убит, и кто еще был жив.... Папа аж побелел весь, но никому — ни слова. И только на другой день поделился с нами. Помню его слова: «Мы должны спасти мир от фашизма!»

Маму я ни разу не видела в слезах. И вдруг пришла днем из школы, а она дома. Сидит за столом, закрыв руками лицо, и молчит. Бабушка поднесла ей стакан воды, какие-то капли. А мне сказала: «Маму не трогай, пусть тихо посидит. Придет в себя, вернется на работу».

Вечером она усадила меня рядом на кровати, за плечи обняла: «У нас в семье — горе. У тебя был еще один дед. Из Киева. Вот его фото, со скрипкой. Помнишь? (Я кивнула). Он не смог эвакуироваться. Только бабушке Жене с маленькой твоей сестричкой Олесей удалось спастись. Как погиб дед Константин, не пишут. После войны найдем его могилу». — Она достала платочек, приложила к глазам и продолжила: — У меня был родной брат Илья. Тоже остался на Украине, заместитель командира партизанского отряда. Когда фашисты отступали, взорвали штаб. Жена Ильи Валентина, нашла на развалинах нацарапанные слова «Валя, береги детей. Твой И.» После войны обязательно найдем их могилы»...

Сорок третий запомнился совершенно другим настроением. Все поздравляли друг друга: «Сталинград! Герои! Победители!», «Курская дуга! Танки — на танки! Там и наш металл!» Мы навещали раненых в госпитале, записывали с их слов письма родным. Выступали. Пели «Темная ночь», «Синенький скромный платочек», танцевали под гармонь «Барыню», читали стихи Симонова и Твардовского.

А вот про личное... Мне пришло письмо от подружки довоенного детства. Очень хорошо помню ее старшего брата — красивый, сероглазый, курсант летного училища Илья Ковко. Он погиб в небесном бою — оба самолета — и наш, и врага — сгорели. Помню, я тогда долго плакала...

... Сорок четвертый — сорок пятый. Внимательно следим за событиями. Наша Красная армия освободила ту часть СССР, которая крепко пострадала от оккупантов, и продолжает продвигаться по Европе. Наши взрослые старались, чтобы мы понимали, какой это страшный и тяжелый путь — очистить Европу от фашизма и сохранить мирных жителей. Нам,

правда, тогда сложно было понять: как это — мстить за все зверства и, одновременно, оставаться добрыми к простым людям и детям... Но теперь и наши внуки, ты и моя Анжела должны тоже дозреть до понимания специальной операции. Ведь «бандеровщина» — это и есть фашизм.

...Весной сорок пятого папу вызвали в Москву. Среди взрослых поговаривали: «Наш директор опять нужен, как тогда, в сорок первом. Сколько всего загублено, а кому восстанавливать? И скоро и скоро...»

... 9 мая, рано-рано утром нам постучала в окно Валюша — она была телефонисткой, и многое узнавала раньше всех: «Включайте радио, узнаете все!» Мы включили и услышали голос Левитана. Вроде бы тот же самый, но звучит по-другому — светло, приподнято: «Говорит, Москва!». И торжественно зачитывает Приказ Верховного Главнокомандующего о Победе Красной армии в Великой Отечественной войне. На улице началось откровенное ликование. Все стали плакать, обниматься, поздравлять друг друга. Зазвучала гармонь, и не одна. Тут же заплясали: и прихлопы, и коленца, и вприсядку! Ничего похожего в жизни никогда больше не видела...

Наши донбасские находили свои судьбы по-разному. Многие остались на Урале. Завод перестроился от военных заказов на мирные. Кто-то уезжал учиться, кто-то — искать своих родных.

А наша семья оказалась в Москве. Здесь был Госстрой СССР, откуда по всей стране разъезжались специалисты восстанавливать все, что было разрушено.

Наш отец строил и на любимом Урале, и в Казахстане, и на Сахалине. Письма ему приходили на московский адрес, а мы переправляли в своих конвертах на стройки...

В том детстве я не знала Бога, а сейчас, в мои «двадцать пять», молюсь. За вас — наших детей, внуков, правнуков. Научитесь быть счастливыми, вопреки всему. Как мы...

Ба, дорогая! Утром мы возвращаемся в Ярославль. Я люблю тебя! Хочу стать похожим на ваше поколение. Придет Победа, и заживем с тобой вместе в нашем мирном Донбассе...

Твой внук Саша». □

Александр
Ралот

«В нашем заведении вас обслуживает зять императора!»

(из цикла «Эмигранты первой волны»)

**Вторая половина двадцатых
годов двадцатого века.**

Германия, Бонн.

Кафе «Старая черепаха»

Алексей Зубатов, отвернувшись к окну, пересчитал оставшиеся пфеннинги. «На бутерброд с ветчиной хватит, а вот на чашку кофе уже нет, — пронеслось у него в голове. — И что? Вот так сидеть и жевать его всухомятку? На глазах у всех? Или попросить завернуть и съесть его в подворотне за углом? Некрасиво, но придется...»

— Вам никто не говорил, что вы чем-то похожи на артиста Генриха Вайса? — прервал его размышления седовласый господин, бесцеремонно усаживаясь напротив него.

Зубатов лихорадочно спрятал монеты в карман и уставился на незнамого собеседника:

— Мы с вами знакомы? Не знаю, как здесь, в Германии, но у нас

в России принято для начала представляться, а уже потом начинать беседу.

— Алекс, давайте без церемоний, мы в Европе, а здесь девиз «Время — деньги» ценят превыше всего. Тем более что ваше досье я уже досконально изучил и пришел сюда не пить поганейший кофе, сваренный из цикория, а предложить вам работу.

— Но я ведь должен как-то к вам обращаться? — Алексей непроизвольно улыбнулся — нормально оплачиваемой работы он жаждал больше всего.

— Норман Крюге, помощник режиссера. Для начала этого будет достаточно. А теперь к делу. Наш всеми обожаемый Вайс — трус, каких еще поискать надо. Он боится упасть с лошади, поэтому оператору приходится снимать его дублера исключительно со спины. Опасается пораниться при дуэли на шпагах,

и наконец, он панически боится высоты...

— Но ведь на любой киностудии всегда полным-полно каскадеров, в чем проблема? — перебил его Зубатов.

— В парашюте. С ним никто не хочет прыгать, а это самый эффектный эпизод в будущем киношедевре.

— Но я тоже никогда не... и понятия не имею... — проямлил Алексей, лихорадочно размышляя, какой гонорар можно потребовать за исполнение смертельного трюка.

— Вы служили в этой, как ее... вспомнил, Белой армии, участвовали в боях, награждены орденами и медалями, следовательно, отваги вам не занимать! Короче, вот контракт, здесь все изложено, читайте, подписывайте, и поехали на аэродром. Мотор за окном работает и жрет дорогостоящий бензин, к тому же, повторяюсь, — «время — деньги»...

Тогда же. Шаумбург, поместье сестры императора

Адалинда-Дагмар, дочь императора, скучала, стоя у окна. Зарядивший еще с ночи дождь не позволял совершить традиционную пешую прогулку по огромному парку, разбитому вокруг ее поместья. Женщина провела пальцем по следу, оставленному очередной дождевой каплей, и, сделав глоток вина, предавалась воспоминаниям.

Этот огромный дом и особенно парк привели в восторг ее мужа,

принца Виктора Гамбургского. Он, не торгуясь, выкупил его у прежнего владельца и перевез сюда ее, молодую и красивую. Боже, как давно это было! Двадцать пять счастливых лет пролетели, как один миг. Но все в этом мире имеет свое начало и свой конец. Одиннадцать лет назад ее суженого не стало. Чувствуя близость приближающейся смерти, Виктор завещал ей все эти земли. А она в минуту отчаяния взяла, да и продала Шаумбург брату-императору. Правда, Господь надумил внести в купчую пункт, дающий ей право на пожизненное пребывание в замке.

Женщина кликнула прислугу, чтобы та принесла ей зонтик. Покрутила его в руках, но выйти за порог так и не решилась. Годы давали о себе знать, и очередная простуда была ни к чему.

Она уселась в кресло и велела подать кофе со сливками. Взяла со стола толстенный альбом в дорогом кожаном переплете, взглянула на фотографию и усмехнулась, припомнив, как еще до знакомства с Виктором она чуть было не вышла замуж за болгарского князя Алекса Баттильбергского. Дело шло к свадьбе, но ее престарелый дед заодно с кайзером страны были категорически против! В унисон твердили, что негоже, прежде всего, с политической точки зрения, чистокровной прусской принцессе связывать себя узами Гименея с человеком, рожденным в морганатическом браке.

И оказались правы. Ибо через несколько лет в Софии произошел военный путч. Взбунтовавшиеся офицеры одного из тамошних полков свергли несостоявшегося мужа с престола, вынудили подписать отречение, а затем под конвоем увезли на границу и передали русским властям.

Адалинда хотела перевернуть очередную страницу и продолжить свое занятие, но в комнату вошла служанка и положила перед хозяйкой серебряный поднос с лежащим на нем письмом.

«Государственный синоптический комитет предсказывает нам завтра прекрасную погоду. В связи с этим Национальное Общество воздухоплавания имеет честь пригласить Вас на увлекательное зрелище. На городском стадионе вы будете лицезреть смертельный прыжок с парашютом отчаянного русского эмигранта Алексея Зубатова, который он обязуется исполнить непосредственно с крыла летящего на большой скорости аэроплана.

Данное действие будет запечатлено на кинолентку и войдет отдельным эпизодом в фильм с участием самого непревзойдённого Эриха Вайса!»

Отложив приглашение в сторону, Адалинда поднялась и посмотрела в огромное, до потолка, венецианское зеркало. Увы, прожитые годы не в состоянии была скрыть даже передовая импортная косметика. Шестой десяток лет — это далеко не сорок! Да и второй десяток лет вдов-

ствующего одиночества женской красоты никак не прибавляет.

«Ну что же, — подумала она, — коль не забыли старуху, пойду, погляжу на этого русского самоубийцу. Пообщаюсь с представителями прессы. Пусть видят, что еще не померла. Хожу, дышу, существую. Жаль, что никакое потомство на свет произвести не смогла, сейчас бы меня на этот стадион могли бы сопровождать уже взрослые внуки». Адалинда перешла в соседнюю комнату, представляющую из себя огромный гардероб, и вместе со служанкой принялась выбирать подходящий наряд для предстоящего выхода в свет.

Вечер следующего дня. VIP-ложа местного стадиона

— Герцогиня, как вам наша находка? — Крюге был сама любезность. — Вы себе и представить не можете, сколько сил я потратил на то, чтобы среди тысяч эмигрантов отыскать Алексея и уговорить его на этот прыжок. Зато какой резуль...

— Пригласите его ко мне, сегодня же, — оборвала его на полуслове Адалинда. — Хочу познакомиться с этим смельчаком лично. Он чем-то напоминает мне покойного супруга — такой же был сорвиголова, ничего и никого не боялся.

— А что, это превосходная идея, приедем, если не возражаете, всей съемочной группой, сделаем несколько кадров в вашем прекрасном парке, возможно, включим их в

будущую картину, я поговорю со сценаристом, — затараторил помощник режиссера, боясь, что хозяйка замка опять его перебьет.

— Делайте, что хотите, — отмахнулась она от назойливого киношника, — но Зубатова ко мне доставьте!

Два месяца спустя

Владельцы центральных и городских газет в этот день довольно потирали руки, и было отчего. Заметка на первых полосах, набранная крупным жирным шрифтом, позволила в считанные часы распродать не только утренний тираж, но и все дополнительные допечатки.

«Русский эмигрант Алексей Зубатов вскружил голову сестре нашего бывшего правителя. Ходят слухи, что он выдавал себя за дворянина и офицера разбитой большевиками врангелевской армии. По всей видимости, главенствующую роль в скоротечном романе сыграло его внешнее сходство со знаменитым актером Эрихом Вайсом. Поговаривают, что этот наглец даже иногда раздавал автографы за самого гения кинематографа.

Все члены династии негодуют! Старший брат категорически против предстоящего бракосочетания и уже письменно уведомил сестру, что прекратит с ней всякое общение, если она не вернет назад данное согласие на этот безумный брак!

Главы лютеранских церквей страны срочно огласили с кафедр вердикт, запрещающий пасторам благословлять венчание с пришлым иноверцем!»

Однако влюбленных было уже не остановить. Молодожены не поехали к бывшему императору за благословением, прекрасно понимая, что ни за что его не получат.

Невеста публично отказалась от всех своих титулов и, надев кружевную фату, которую носила еще ее мать, уехала венчаться в греческую православную церковь, находящуюся в городке Висбаден. И уже там прошла обряд крещения по православному обычаю.

Церемонию, несмотря ни на что, не побоялся провести протоиерей Павел Адармалов. Со стороны невесты, принявшей православие, никто из родственников не присутствовал, а у жениха вообще таковых в этой стране не обнаружилось.

Пара сочеталась законным браком в памятный для невесты день. Ровно тридцать семь лет назад она уже сочеталась законным браком со своим первым мужем Виктором.

В церковной книге появилась запись:

«На момент венчания невесте исполнился шестьдесят один год, жениху, по его словам, шел двадцать седьмой».

Узнав о свершившемся факте, глава страны прислал молодоженам свадебный подарок — книгу с чеком: «Стоимость — десять марок».

А бывшая принцесса в знак протеста стала подписываться на всех документах: «Госпожа Адалинда-Дагмар Зубатова». Более того, ради своего возлюбленного она подвергла себя рискованной и малоизученной процедуре омоложения при помощи вытяжки из некоторых желез редко встречающихся пород пресмыкающихся.

Год спустя. Полицейское управление города Бонн

Не представившийся господин в отлично сшитом английском костюме

разложил перед Зубатовым ворох документов.

— Извольте ознакомиться, родственничек нашего монарха. Начнем слева направо. Итак. Никаким «торговым делом» вы после свадьбы не занялись, а лишь под залог не принадлежащего вам замка взяли кредит в банке в полмиллиона марок, который весьма успешно прокутили с невероятной для нас, немцев, скоростью. Далее. За год вы умудрились в различных казино нашей страны спустить многомиллионное состояние госпожи Адалинды-Дагмар Зубатовой. Смотрим далее... — Незнакомец поднес к глазам посетителя очередной документ: — Совсем недавно вы приобрели дорогостоящий мотоцикл, который успешно разбили через несколько дней после покупки, совершив аварию и наезд на ни в чем не повинных бургеров. А затем спрятались в больнице для душевнобольных, но, боясь судебного преследования, из все тех же средств любящей вас супруги погасили все предъявленные вам иски. Будучи в Берлине, вы до потери сознания избили тамошнего телефониста, отказавшегося выполнять ваши указания, а потом оплатили весьма солидный штраф и прочие издержки на лечение пострадавшего.

— Это все происки моих недоброжелателей, — огрызнулся Зубатов, — они специально спровоцировали скандал в переговорном пункте. Хотели дискредитировать и

меня, и, в первую очередь, сестру, сами знаете, кого!

— Неважно. Главное, что им это удалось, и теперь вы, господин эмигрант, — полный банкрот! У вас есть только три выхода. Решайте. — Незнакомец собрал бумаги и аккуратно сложил их в папку.

— К-какие? — заикаясь, промямлил Зубатов.

— Первое. Не дожидаясь ареста, добровольно прийти в суд, куда я передам эту замечательную папочку, и затем отправиться на много лет в долговую тюрьму, в берлинский Моабит. Второе. Быть вскорости убитым людьми из эмигрантской среды, завидующими свалившемуся на вас богатству и нанятыми сильно недовольными родственниками вашей дражайшей супруги. — Незнакомец замолчал, убирая папку в портфель.

— А третье? Вы про него ничего не сказали, — унимая дрожь в руках, еле слышно проговорил Зубатов.

— Как можно скорее, а желательно прямо сейчас, убраться из нашей страны и более никогда не появляться на территории Германии. Иначе выполнение второго пункта становится... — Незнакомец замолчал и протянул Зубатову отпечатанный на фирменном бланке документ.

«Выезд за пределы страны — одобрено! В подобных гражданах власти Германии не нуждаются!»

— Подписывайте и убирайтесь вон! Вот вам деньги на проезд. — Швырнув в лицо эмигранта купюры,

незнакомец кликнул ожидавшего за дверью полицейского.

Полгода спустя. Великое Герцогство Люксембург

После неудачной попытки устроиться хоть кем-нибудь в местный мюзикхолл, Алексей Зубатов с большим трудом нашел место официанта в придорожном ресторане. Причем хозяин заведения принял его на работу с условием, что новый сотрудник не будет возражать против вывески на фасаде здания, гласящей:

«В нашем заведении вас обслуживает зять бывшего императора!»

Несмотря на сложившиеся обстоятельства, никто из супругов и не думал подавать на развод. Если Алексея Зубатова не пускали в Германию, то его жена, хоть и редко (из-за серьезнейших финансовых проблем она была вынуждена продать с аукциона практически все свое имущество и сменить роскошный дворец на съемную комнатку, находившуюся на самом краю города), но все же навещала своего ненаглядного Лёшика.

— Ты же мужчина, значит, обязан придумать, как нам вновь стать богатыми, — после ночных ласк в номере простенького Люксембургского отеля сквозь слезы произнесла Адалинда. — Мне осталось совсем немного, и очень не хочется закончить свои дни в приюте для бездомных, а все идет именно к этому.

— Мы с тобой засядем за мемуары. Уверяю тебя, они будут иметь оглушительный успех. Ты будешь писать о любви ко мне, а я — о... — Зубатов не закончил фразу, так как образовавшийся комок в горле напрочь лишил его дара речи.

Между тем неприятности продолжали сыпаться на русского эмигранта, словно июльский ливень.

Работу в ресторане он вскорости потерял и прятался от полиции, которая разыскивала его, обвиняя в подделке и сбыте «карточек специального содержания».

На одной из конспиративных квартир он обнаружил германскую газету, в которой было услужливо обведено следующее объявление:

«Суд города Бонна уведомляет всех заинтересованных лиц, что госпожа Адалинда-Дагмар Зубатова начинает бракоразводный процесс».

На следующее утро Зубатов, по своему обыкновению, пересчитал мелочь, завалывшуюся в карманах, купил билет до ближайшего французского городка, в котором, недолго думая, завербовался в Иностраный легион.

Однако прослужил он там совсем недолго, так как получил очередную «черную метку».

Не завершив бракоразводного процесса, его супруга заболела воспалением легких, кроме этого, у нее началось заражение крови. Врачи оказались бессильны, и старая жен-

щина скончалась в одном из парижских госпиталей.

Не проститься со своей принцессой эмигрант не мог, самовольно покинув расположение воинской части, он помчался в столицу Франции.

— Господин Зубатов... Я правильно произнес вашу славянскую фамилию? — Жандарм внимательно разглядывал потрепанный нансеновский паспорт.

Тот утвердительно кивнул и протянул руку, чтобы забрать документ.

— Не спешите... — Улыбка на лице служителя закона вдруг исчезла, и страж порядка извлек из-за пояса наручники: — Вы арестованы по запросу целого ряда европейских стран, а также во избежание возможного скандала во время предстоящей церемонии похорон вашей супруги и присутствии на них некоторых августейших особ.

Скорый суд приговорил Алексея Зубатова к восьми... дням тюремного заключения! И к последующей высылке по месту прежнего жительства, то есть, в Люксембург.

Письма своей возлюбленной он все же был вынужден продать ее брату, но вот от его предложения навсегда покинуть Старый Свет за весьма солидное вознаграждение эмигрант категорически отказался. Более того, чтобы побольнее оскорбить бывшего родственника, поведал газетчикам, что тот был замечен в сенсах спиритизма и пытался вызвать дух принцессы Адалинды-Дагмар.

Прошел еще год

Деньги, полученные от августейшей персоны, кончились, и Алексею в очередной раз пришлось заняться поисками работы.

С большим трудом удалось устроиться в передвижной балаган, но выступал он редко, последствия прошлой бурной жизни все чаще давали о себе знать. Пришлось обратиться к врачам, те вынесли приговор — туберкулез!

Клиника для бедных и обездоленных на окраине города

— Доктор, мне все хуже и хуже. Дайте, пожалуйста, таблетку или хотя бы вколите порцию морфия, — еле слышно прохрипел Алексей.

— Я так полагаю, вам сейчас нужен не наркотик, а пастор. Позвать? Собор у нас тут рядышком, через дорогу. — Усталый врач взял руку пациента и с трудом нащупал пульс.

— Я — русский, православный, а нашего бабюшки в вашей стране,

*Герцогиня Адалинда -Дагмар
и Алексей Зубатов*

наверное, и не сыщешь. — Зубатов показал рукой на листок бумаги, лежавший на прикроватной тумбочке: — Возьмите, это мое последнее слово. После того как меня не станет, отправьте его в Бонн, в газеты, пусть опубликуют. Надо, чтобы люди знали...

Германия. Бонн. Неделю спустя

Местная пресса на последней странице мелким шрифтом опубликовала краткий некролог о смерти зятя бывшего императора. Заметка заканчивалась странной фразой:

«Безумной юношеской страсти у меня к ней не было. Но я ее любил, честно и преданно, как это умеем делать только мы, русские!» □

Подымите перчатку, мадам!

Поединки между женщинами в истории человечества бывали не так уж редко. И, что удивительно, дамы предпочитали выяснять отношения при помощи холодного оружия.

Давайте перенесемся лет этак на триста назад — в самую середину не совсем просвещенного семнадцатого века.

Во многих странах старушки Европы дамы запросто вызывали друг дружку на поединок, причем без малейших колебаний. Сия малоприятная традиция пошла от «судебных поединков». Судья, зачастую не зная, как правильно вынести приговор, назначал так называемый «Божий суд»! В этом случае истец и ответчик в поединке должны были доказывать свою правоту, покалечив или вообще лишив жизни соперника. В те стародавние времена считалось, что Господь защитит правого, и он обязательно победит на дуэли.

Спор между мужчиной и женщиной не был исключением... В таких случаях мужчину по пояс опускали в узкую яму, из которой ему категорически было запрещено вылезать, или просто привязывали левую руку к туловищу. А если судились две дамы, возраст соперниц никак не учитывался, и поблажек в таком случае ни одной из них не предоставлялось. Более того, женские сражения были более жестоки и бескомпромиссны. Согласно тогдашней статистике, у мужчин лишь в четырех случаях из десяти констатировали смерть, а у дам печальный исход фиксировали в восьми!

Несколько известных немецких дуэлянтов даже издали книги-фехтбухи, в которых давали советы по решению семейных проблем подобным радикальным способом.

В России все было и проще, и сложнее. Взять, например, судебную грамоту города Пскова от 1397 года. В ней говорилось, что женщины равноправны и также могут биться в поединках. Причем, если противник — мужчина, то он может вместо себя прислать наемника, а женщине в этом отказывали! В качестве оружия наши прародительницы обычно выбирали рогатины или

ослопы (дубина, окованная железом), ну или просто дубасили друг дружку врукопашную. Надо сказать, что наряды дам того времени стесняли движения, кроме того, кусочки одежды могли попасть в рану и привести к дальнейшему заражению крови, поэтому такие поединки старались проводить исключительно в женском обществе. Даже слугам-мужчинам приказывали отойти на солидное расстояние. Дамы же оголялись, насколько это допускали законы приличия.

В 1829 году помещицы Ольга Заварова и Екатерина Полесова сражались на саблях, принадлежащих недавно скончавшимся мужьям. Каждая хотела распорядиться роцей, растущей на границе их владений. Дрались отчаянно и, как следствие, победителей в этой дуэли не было. Погибли обе. Их дочери целых пять лет готовились к тому, чтобы продолжить судьбоносный поединок. На этот раз удача (или мастерство) оказалась на стороне Александры Заваровой, которая нанесла сопернице Анне Полесовой смертельный удар, о чем и оставила запись в своем дневнике, скрываясь от правосудия за границей...

Кофе примиряет

Композиторы Иоаганнес Брамс и Антон Брукнер — полные антитепы, творившие в конце периода романтизма и имевшие при этом абсолютно противоположные взгляды на музыку. Они жили в одном городе, но при этом даже не общались между собой. Как-то раз общие друзья решили свести их вместе за дружеской беседой в одном из ресторанчиков. Оба композитора встретились за одним столиком. Оба долго и напряженно молчали, а в воздухе повисла неловкая пауза. Наконец Брукнер не выдержал и первым воскликнул:

— Черт возьми, официант! Кофе маэстро Брамсу!!! — и вечер прошел в милой, задушевной беседе.

Русская чудо-ягода

Все съедобные ягоды, произрастающие или выращиваемые людьми на планете, полезны для организма человека. По словам специалистов, ягоды стоит употреблять на протяжении всего года, а не только в сезон их произрастания. Этот продукт богат антиоксидантами, предупреждающими окислительные и воспалительные процессы, ведущие к опухолевым образованиям. Плюс, содержащиеся в ягодах разнообразие и обилие витаминов укрепляет иммунитет, улучшает работу внутренних органов. Эксперимент с участием более чем 37 тысяч человек показал, что содержащиеся в составе ягод флавоноиды (растительные пигменты, которым мы обязаны яркой окраской плодов) действительно защищают организм, за счет чего человек живет дольше. Кроме того, флавоноиды участвуют во многих жизненных процессах, протекающих в организме, — оказывают антиоксидантное действие, снижают свертываемость крови, уменьшают ломкость и проницаемость капилляров, улучшают обменные процессы. Как заявили по итогам проведенного исследования ученые, более высокое потребление ягод и флавоноидов напрямую связано с более низким риском смертности среди взрослых.

Но вот именно моченая клюква, как выяснила недавно международная команда исследователей, снижает вероятность наступления преждевременной смерти на 31%! Столь любимая многими клубника, например, снижает аналогичные показатели на 14%, черника — на 21%. Под воздействием прочих ягод риск смерти тоже снижается — примерно на 21%,

Летучая мышь из ада

Прожившая на свете почти целый век и правившая Великобританией целых семь десятилетий королева Елизавета II (1926-2022) прославилась не только как самый долго правящий и старейший монарх в мировой истории. В свое время она довольно лихо водила автомобиль. Как-то раз, еще в годы своей далекой молодости, она прокатила с ветерком по своему шотландскому поместью Балморал наследного принца Саудовской Аравии. Тот был просто

потрясен. И тем, что женщина вообще села за руль, и ее «армейским стилем езды», который будущая правительница Туманного Альбиона усвоила еще в годы Второй мировой войны, когда служила во вспомогательных войсках. А Маргарет, кузина королевы Елизаветы, так и вовсе, ничтоже сумняшеся, говорила, что ее венценосная родственница водит авто «как летучая мышь из ада».

Пластик в бутылке родниковой воды

Всего в одной литровой бутылке такой необычайно вкусной и кристально чистой на вид воды содержится, в среднем, около 240 000 фрагментов пластика, критически опасных для здоровья человека. Да-да, вы не ослышались, и это не опечатка — именно порядка 240 тысяч фрагментов пластика! Авторы этого исследования изобрели новый метод анализа, по результатам которого выяснилось, что в 25 литрах воды содержится от 110 000 до 370 000 частиц, из которых 90% — нанопластик. При этом ученые отметили, что некоторые частицы остались неопознанными, то есть содержание пластика может быть даже еще больше. Нанопластик представляет большую угрозу для здоровья человека, чем микропластик, поскольку его частицы достаточно малы, чтобы проникать в клетки человека, попадать в кровоток и поражать органы. Кроме того, нанопластик может проникать через плаценту в организм еще не родившихся детей. Ученые давно подозревали их присутствие в бутилированной воде, но не имели технологий для идентификации отдельных наночастиц.

Ежегодно в мире производится более 450 миллионов тонн пластика, большая часть которого в конечном итоге оказывается, разумеется, на свалках. Однако подавляющая часть пластиковых отходов не разлагается естественным образом, а со временем лишь распадается на мелкие фракции. Увы, в наши дни пластиковое загрязнение весьма и весьма сильно распространено на планете. И бутилированная вода, которую ежедневно потребляют сотни миллионов людей, представляет особый интерес для ученых из-за возможности попадания вредных частиц в организм человека.

Осиновый крест

Мертвая бабочка, сухим трупиком хранящаяся между давным-давно заклеенных рам, настраивала на печальный лад. Сколько лет пролежала она здесь?

Дом скрипел и, казалось, раскачивался — словно старый парусник, уходящий в последнее плаванье. Но пока еще бодрился и боролся с набегавшими ветрами.

Игорь неторопливо обходил комнату за комнатой, квартиру за квартирой. Открывал очередную покосившуюся дверь, осматривал пустые облезшие стены, поскрипывал почерневшим паркетом.

Все, что можно, уже утащили — ободрали изразцы с давно мертвых печей, отвинтили ручки, выключатели и розетки. Даже обои посрывали в поисках старинных шпалер — дому-то больше двух веков. А вот некоторые окна, как ни странно, уцелели. Даже вот эта бабочка, покорно сложившая сухие крылья. Бабочка-крапивница...

Игорь вздохнул. Он никогда не признавался себе, что жалеет эти старые дома, которым суждено скоро уйти в небытие. Сколько людей родилось, состарилось и умерло в этих дрожащих сейчас на ветру стенах? Сколько смеха и рыданий слышали они? Сколько тайн хранят?

Кстати, о тайнах. В БТИ ему сказали, что у дома большой каменный подвал. Обычно секреты прячут подальше от света и людского ока.

Скрипучая лестница прямо из подъезда уходила вниз. Странно, но амбарный замок на двери уцелел, и Игорь сорвал его маленькой фомкой, с которой никогда не расставался, нося ее в чехле на брючном ремне.

Подвал дохнул сыростью и запахом сперттого пространства. Фонарик мощным лучом рассек темноту, и Игорь медленно пошел вдоль сложенной из крупного бутового камня стены, постукивая по ней фомкой. Его очень волновала заноза, появившаяся внутри в ту минуту, когда он открыл старую подъездную дверь. Своим предчувствиям он привык доверять. А они сегодня почему-то шли вразрез с детектором.

Он еще несколько раз прошелся фонариком по стенам, осматриваясь. В целом, подвал был еще крепким. Тонкая заноза, скорее всего, относилась к засохшей бабочке, но пришлось облазить все — для гарантии. Он вздохнул и повернул к выходу.

Уже взявшись за металлическую скобу, приколоченную к двери, обернулся и в последний раз осмотрел подвал. Глаза, привыкшие уже к сумраку, охватили его весь разом. Подвал не отпускал, и дело именно в бабочке. Игорь не ошибся — скрипнула и снова упрямо затворилась дверь...

Он вернулся. Присел, не решаясь стучать, и долго сидел, прислушиваясь к себе. Две едва заметных впадины в полу, и если бы он не искал, то никогда не заметил бы их. Два прямоугольника — побольше и поменьше.

Наконец, отпустило. Он сделал свою работу. Придут другие и вскроют. Потом Арам расскажет, кто тут лежит. Хотя он и так уже знал — женщина и ребенок. Девочка. Игорь ощущал их полуистлевшие тела под слоем цемента. Как бы он хотел ничего не найти! Не удалось.

Он посмотрел на датчик. Судя по нему, под ногами ничего не было. Стрелки неуверенно плавали у края циферблата. Кто-то, похоронивший здесь этих двух, похоже, знал о датчиках и защитил могилы, в надежде, что осмотром займется не специалист.

Что ж, Араму это наверняка не понравится. И вопросом «зачем» теперь будет задаваться он.

А для Игоря здесь — кончено. Сегодня еще один дом. И завтра — два. В одном из них точно что-то есть. Но это все будет завтра.

Запищал мобильник, Игорь вздрогнул. Выпрямился и, доставая его на ходу из кармана, пошел к двери. Шеф вышел на связь, требовал вернуться на базу.

Услышав выстрелы, прогремевшие в тишине, Женя даже не вздрогнула. Подняла глаза от вязания и равнодушно взглянула на экран. Достали эти триллеры — нагнетают, нагнетают... Она выключила телевизор, надела ошейник на изнывающего у двери Арчи и вылетела в наполненный влажной темнотой двор. Отцепив поводок и позволив собаке бегать там, где ей заблагорассудится, присела на краешек влажной скамейки и уста-

вилась на несущиеся по черному небу черные тучи, между которыми изредка проблескивали робкие звезды.

Она слушала топот быстрых лап Арчи, и вдруг ей захотелось тихонько поплакать. Вот сидит она одна-одинешенька в этой сырости и никакие радости жизни ее не ждут. А когда вернется домой — будет одна-одинешенька лежать с книжкой в постели, пытаюсь уснуть... Арчи подбежал к ней и с разбегу ткнулся мордой в ее колени — пора, мол, домой. И правда, пора...

Пес несся вперед, смешно загребая короткими лапами на поворотах, — знал, что дома ждет ужин. Женя нашарила ключ в кармане ветровки и остановилась у двери. Но тут Арчи повел себя странно — он вдруг поставил торчком черные уши, заскулил и, спотыкаясь от волнения, кинулся вверх по лестнице. А так как жили они на втором этаже двухэтажного старого дома, то выше их площадки лестница вела уже на чердак.

Когда Женя взбежала следом за собакой на узкий помост перед чердачной дверью, то сразу поняла, что скучного вечера ей точно не видать — на грязных досках, скрючившись, лежал человек. Лица его она не видела, но выглядел он отнюдь не бомжом — дорогая кожаная куртка, черные джинсы и ботинки на толстой подошве. Руки лежавшего были в крови, он прижимал их к животу и не шевелился.

— Эй! Вы живы? — окликнула Женя мужчину.

Тот в ответ что-то промычал и открыл глаза.

— Лежите и не двигайтесь, сейчас я вызову «Скорую помощь», — произнесла она, пятась и таща за собой ошалевшего Арчи.

Но раненый приподнялся и попытался схватить ее за руку, хрипло бормоча:

— Не надо никого звать, со мной все нормально — отлежусь и пойду. Прошу вас! — Он умоляюще взглянул на нее черными глазами, и сердце Жени дрогнуло.

Начальник отдела изучения некроматерии Арам Рафаэлович Диланян по прозвищу «Рыбка Моя» в нетерпении метался возле лабораторного джипа. Едва Игорь подъехал, как шеф кинулся к его «фольксу» и буквально выволок из-за руля.

— Что же ты так долго? Менты нас ждать не будут, рыбка моя. Садись, поехали!

Игорь едва успел передать дежурному ключи от машины и просьбу отогнать ее к своему дому. Что-то ему подсказывало, что к офису они сегодня не вернуться. Уж больно взбудоражен шеф. Хорошо бы к полуночи домой попасть.

— Что случилось? — спросил он, усаживаясь в джип.

— И тебе здорово, — буркнул с заднего сиденья Митя Круглов, недавно принятый в их небольшой коллектив лаборант. Они обменялись рукопожатиями.

Прославился Митя сразу, в первый же день работы в «Омеге». До него начальника ЛИН (лаборатория изучения некроматерии) никому даже в голову не приходило назвать дядей Арамом.

Диланян прыгнул за руль — никаких водителей он в принципе не признавал, считая их излишеством, и гонял по столице с умопомрачительной скоростью под аккомпанемент зубовного скрежета гаишников. Арам Рафаэлович, обладатель двух высших образований, двухкомнатной хрущовки и ангельского характера, не любил также «мигалок» и воя сирен, предпочитая совершать свои дорожные выкрутасы тихо и молниеносно. Единственное, на что он вынужден был согласиться — опознавательные надписи на джипе, и то лишь потому, что это было личное распоряжение Малицкого.

— С чего такой аврал? — повторил свой вопрос Игорь, когда они выехали с территории. Следом выкатился джип со спецгруппой «Кобры», и одно это уже выглядело нестандартно.

— Паляничко позвонил, — ответил Арам. — Какая-то чертовщина у него в районе, около кладбища. Семь трупов.

— Огнестрел? — удивился Лагода. — А мы тут причем?

— Я же сказал — чертовщина. Всех семерых загрызли.

— То есть как? — Игорь почесал в затылке. От района Паляничко цирк находился — будь здоров! И зоопарк был далеко в стороне. — Зверь?

— Не знаю. Семеныч говорит, человеческих костей в отвалах — море...

— Ясно... — помрачнел Игорь.

Майор Паляничко в свое время расследовал дело об обнаружении человеческих останков в приделе одной церкви. Тогда они и познакомились — над выложенной из берцовых костей пентаграммой. Пентаграмма оказалась идиотской выходкой местных псевдосатанистов, которых Игорь вместе с майором вычислили влегкую. Диланян же с тех пор получил возможность выезжать на подобные дела с целью контроля за уровнем некрофона в жилых районах.

— А «Кобра» что там забыл? — глянул в зеркало заднего вида Игорь.

— Малицкий откомандировал. Семь трупов — не шутка, там следаков с экспертами уже целая орава собралась. А у тебя что там с домами? — не отвлекаясь от руля, поинтересовался шеф.

— Один посмотреть успел, — ответил Игорь. — Вечером будет рапорт.

Он не хотел обсуждать двойное захоронение в подвале сейчас, надо было подумать хотя бы до завтра. Слишком уж молчаливой была эта мо-

гила. Что же там такое может быть, помимо останков? Почему не сработал детектор? Сейчас подвал вспоминался своей оглушающей тишиной. Вот именно — оглушающей. Это и тревожило Игоря.

— Темнишь ты что-то, — прищурившись, посмотрел на него шеф.

— Темню, — согласился Лагода.

Она считала себя неудачницей. С самого детства. Ну что поделаешь, если росла не в семье, а между родителями, словно соревнующимися после развода — кто заключит больше новых браков. Вот и моталась Женька из одной квартиры в другую, пытаюсь ужиться с новыми отчимами и мачехами. Но как только все вроде бы устаканивалось, тут же начинались пертурбации, и снова приходилось пить полусладкое шампанское на очередной свадьбе и переезжать. В конце концов после окончания школы ее поселили в квартире недавно умершей бабушки, и все окончательно забыли о ней. В институт она не смогла поступить, окончила медучилище, и сейчас, в свои двадцать семь, считала себя старой девой. Неудачницей с грошовой зарплатой и отсутствием абсолютно всего, что обычно относят к жизненным ценностям. Противно чувствовать свою ущербность. Жене казалось, что у нее на лице постоянно написана жалость к самой себе.

Забежав в квартиру, она схватила с полки пару полотенец, одно из них намочила под краном, отжала и бросилась обратно. Раненый, морщась, пытался встать, но не удавалось — ноги в крови скользили, а опираться он мог только на одну руку, вторую прижимал к животу, словно боясь, что вывалятся внутренности.

— Лежать! — скомандовала Женя. — Если не хотите, чтобы я немедленно вызвала «скорую», то дайте хотя бы рану осмотреть. Не бойтесь, я медик, так что смогу оценить, помрете вы немедленно или еще немного помучаетесь.

Мужчина изумленно глянул на нее, но перестал дергаться.

— Вот так, расслабьтесь... — Женя взяла мужчину за плечи и заставила лечь навзничь. Потом отстранила его руки и принялась ловко расстегивать одежду. Раненый застонал и закрыл глаза. Живот был весь в липкой крови. Через пару минут ей удалось осторожно оттереть влажным полотенцем кровь на неповрежденных участках тела, и стали видны границы раны. Вернее, ран, потому что живот был разодран в трех местах. Причем именно разодран — лоскутья мяса и кожи выглядели крайне неприятно, словно мужика рвал когтями огромный хищник. К счастью, брюшная полость цела, повреждения большей частью поверхностные.

— Кто это вас так? — спросила Женя. — Тигр или Фредди Крюгер?

— Неважно, — проскрежетал раненый. — Что там?

— На первый взгляд, ничего страшного. Вроде бы брюшная полость не задета или почти не задета. Но нужно обязательно продезинфицировать и зашить.

— Сами сможете?

— Я-то смогу. Но лучше вызвать бригаду, они заштопают, как надо, и проверят, нет ли более глубоких ран. Если нет, то дня через три выпишут.

— Мне нельзя в больницу, как ты не понимаешь! — Услышав, что его жизни пока ничего не угрожает, мужчина заговорил куда спокойнее и мягче. — Они меня найдут и прикончат. Если можешь меня спрятать и подлатать, я тебе заплачу. Хорошо заплачу.

— Думаете, что я настолько ненормальная, что втащу в собственный дом постороннего типа с разодранным животом? — покачала головой Женя. — Да еще такого, которого ищут, чтобы убить?

То, что ситуация неординарная, Игорь понял, как только они подъехали к месту происшествия. Диланяну пришлось несколько раз просигналить, прежде чем майор их заметил и велел пропустить сквозь оцепление. Переваливаясь на рытвинах, джип подкатился к передвижному вагончику, около которого стояли несколько бело-синих «фордов» и «уазиков». У некоторых все еще тревожно крутились на крышах проблесковые маячки.

— Наука приехала, — коротко отрекомендовал их грузному полковнику полиции Иван Семенович Паляничко. Тот важно кивнул, покосившись на лейбл «ОМЕГА». Лаборатория ИН», наклеенный на лобовое стекло джипа.

Об управлении «Омега», несколько лет назад созданном при МЧС, среди представителей силовых структур ходили туманные легенды. Омеговцы появлялись там, где возникали нестандартные ситуации, справиться с которыми обычными средствами не удавалось. Они справлялись и тут же исчезали. Это если вообще кто-то помнил, что они появлялись. Но на недавнем совещании у Малицкого тот специально устроил разнос любителям стирать память без особых на то оснований — из чистого искусства. Поэтому некоторая информация о делах «Омеги» стала просачиваться и за ее пределы. Нерушимым табу оставались любые контакты со СМИ и прочими любителями сенсаций.

Игорь спрыгнул в утопанную землю и огляделся. Тут явно прокладывали коммуникации — неподалеку от вагончика замерли экскаватор, бульдозер и «КамАЗ», груженный стальными трубами немалого диаметра. Чуть дальше — над глубокой траншеей стоял трубоукладчик.

— Теплотрассу тянут, — хмуро пояснил майор. — Во-он туда, там новые дома уже начали строить. Обычное дело. Позвонила женщина, у нее

тут сожитель трудился, она в обед к нему заехала, а тут... конец света натуральный.

— Показывай, — тоже нахмурился Диланян, поводя носом.

Паляничко молча подвел их к траншее. Шириной она была метра два и тянулась наискосок относительно забора кладбища, перерезая поросший травой невысокий земляной вал. В этом месте глубина была не меньше четырех метров, скорее даже пяти. Часть труб была уже уложена — в два ряда. Но это дальше, а тут...

Вначале Игорь увидел спины. Несколько человек копошилось на дне траншеи, что-то собирали, рассматривали и фотографировали.

— Один тут, и два подальше, — сквозь зубы комментировал майор.

Арам Диланян, щурясь, разглядывал сверху то, что еще несколько часов назад было людьми — разорванные кровавые клочья, куски мяса, вдавленные в свежую землю. Один труп лежал навзничь, со вскрытой грудной и распоротым животом. Лица не было — его словно сорвали, оставив жуткую кровавую маску.

— М-да, — протянул Игорь и оглянулся.

— Двух расчленили, — бубнил майор. — Еще один — в кабине экскаватора, тоже живот вырван. Второй — возле туалета, а еще трое — в кабине трубоукладчика и рядом. Похоже, перекуривали...

— Как будто стоя тигров орудовала. — Диланян еще раз глянул в траншею.

— Ни на что это, ребята, не похоже — ни на тигров, ни на маньяков. — Майор достал платок и вытер пот со лба. — Доставайте свою аппаратуру, чую, что это... это... В общем, из земли оно вылезло, там и дыра есть. — И еще раз покосившись за плечо, майор Паляничко широко и истово перекрестился.

Наверняка коллеги предали бы Женю анафеме за то, что она решилась на это.

Самым сложным было спуститься по чердачной лестнице. Неизвестный норовил упасть и всем своим весом наваливался на отнюдь не атлетические плечи девушки.

Когда они с трудом добрались до двери квартиры, а затем и до разложенной диван-кровати, оба были практически без сил. В четыре руки стащили кожаную куртку и рубашку. Изодранную майку проще было разрезать. Ботинки и джинсы — долой.

— Лежите спокойно, — велела Женя и бросилась к шкафу. Стерилизатор был на месте, бинтов и марли достаточно. С обезболивающим хуже, но не смертельно. Зато есть снотворное.

— Спасибо вам, — прошептал мужчина, когда игла впилась в края обработанной антисептиком и перекисью раны. — Спасибо...

— Будет немножко больно, — раз за разом повторяла Женя, а сама в душе проклинала собственную уступчивость. Надо было вызвать «скорую», надо было везти его в больницу. Все это может плохо кончиться, если начнется заражение — он ведь лежал ничком на грязном полу.

— Противостолбнячную прививку когда делали?

— Ну откуда я помню... Давно.

Женя принесла поилку, оставшуюся еще после долго хворавшей бабушки, приложила ее носик к пересохшим губам.

— Пейте, только немного.

— Спасибо.

Он отпил глоток невкусной кипяченой воды и... отключился.

Женя посмотрела на бледное, покрытое обильной испариной лицо. Интересно, кто он? И почему его хотели убить таким странным способом?

Когда она заканчивала «художественную штопку», как называли это у них в отделении, в тишине комнаты внезапно послышался странный зудящий звук. Женя вздрогнула и прислушалась. Звук доносился из кармана валявшейся в старом кресле куртки. Помедлив и еще раз взглянув на крепко спящего незнакомца, она решила, полезла в карман и вытащила дрожащий и рычащий мобильный телефон и небольшой контейнер из хромированной стали.

Отвечать или нет? Наверняка звонит кто-то из родных или друзей раненого. Она им только скажет, что он в безопасности. Только это.

Когда Женя нажала кнопку приема и тихо произнесла в трубку «Да?» в мобильнике послышался приглушенный баритон:

— Передай... этому — пусть вернет то, что взял. И учти — мы знаем, где он. — Позвоню завтра в десять утра. И не вздумай выключить телефон.

В трубке слышались короткие сигналы, и она осторожно, словно ядовитого паука, положила аппаратик на стол...

Первым в траншею по металлической лестнице спустился Лагода. Два медэксперта покосились, на него, но ничего не сказали.

— Что за орудие? — спросил Игорь, присматриваясь к трупку без лица.

— Больше всего похоже на остро заточенные вилы, — буркнул один из экспертов.

— Пока не забирайте, я тут немного... поколдую. — Лагода глянул на запястье — детектор показал резкое повышение уровня некротатерии.

— Колдуй, — пожал плечами эксперт и двинулся вперед по траншее. — Жуланов, пошли к следующему.

Оставшись один на один с растерзанным телом, Игорь постарался отключить все ненужные органы чувств — в первую очередь обоняние. Потом поводил рукой над трупом. Да уж, чего тут только нет: фон от кладбища, второй фон — кости в срезе, мертвец и... еще что-то.

— Рыбка моя, — раздался голос «Кобры» с вершины траншеи. — Ты место проникновения искать будешь?

Лагода поднял голову.

Вася Коваленко, по кличке «Кобра», стоял на краю траншеи, расставив ноги в высоких ботинках. Крутой рейнджер, гроза нечисти и защитник ботаников из ЛИН.

— Спрыгнуть хочешь? — невольно поморщился Игорь. — Так прыгай.

— Мне и здесь неплохо, — хмыкнул «Кобра». Диланяна, Лагоду и весь отдел некроматерии он слегка презирал, всячески подначивал и ехидничал при каждом удобном случае.

Игорь опустил голову и пошел по траншее дальше. Через пару шагов остановился в недоумении, потряс рукой. Впервые на его памяти детектор завибрировал. Лагода, конечно, знал, что вроде бы есть такая функция — вибросигнал, но сам еще ни разу не чувствовал тревожный зуд на запястье. Шкала детектора багровела прямо на глазах. Он попятился.

— Что там? — рявкнул напрягшийся «Кобра».

— Диланяна позови, — сквозь зубы процедил Игорь. — И Митьку с нейтрализатором. Тащите сюда пушку, быстро!

Герман Петрович Резников поерзал на обитом светлой кожей сиденье и с неудовольствием покосился на мелькающие за окном фасады. От Москвы он уставал примерно за месяц, и уставал сильно. Наваливалась тоска — по катастрофически разболевшейся матери, по дому, в котором она осталась под присмотром сестры, по Тэсси — старой грузной сенбернарихе, которую он не мог забрать в столицу, потому что сердце у псины слабое и перелет могло не выдержать. Но больше всего Резников тосковал по простору — дома все было огромным: суровая широченная река с поросшими кедровником берегами, горы, синюющие на горизонте, небо, так не похожее на прокопченное низкое небо мегаполиса.

И хотя семья жила тут, с ним, этого явно было недостаточно. Жена осваивала мир московского бомонда, сын Виталик пропадал в своем университете, а Анка... Анка, кажется, переживала первую любовь и вообще никого вокруг не замечала.

Герман Петрович вздрогнул от звонка.

«Мамонт»! — Так они звали губернатора. Он и был похож на мамонта — высокий, сутулый, с лохматой головой и крошечными недобрыми глазками. Что-то опять не так?

— Да, Василий Алексеевич, Резников слушает.

— Герман, как идет подготовка... к выставке? — Голос «Мамонта» рокотал в трубке, словно раскаты грозы. — Вы сделали все, что должны были?

— Пока не все, — честно ответил Резников. — Но мы постараемся. Возникли... небольшие проблемы.

А вот тут он слукавил. Проблемы у них возникли отнюдь не маленькие. Если верить тому, что рассказал Мышкин, и что он сам прочитал в протоколе, оперативно добытом тем же Мышкиным. Но ситуация пока не стала критической, и для ее исправления задействовано все, что только можно.

Резников тяжело вздохнул, ожидая разноса. Но губернатор неожиданно спокойно произнес:

— Ну, раз ты, Герман, считаешь, что проблемы небольшие и... решаемые, значит, справитесь. К моему прилету.

— Основная часть работы проделана, Василий Алексеевич, осталось немного. Экспозиция выстроена, — Герман Петрович сделал небольшую паузу, выделяя последнюю фразу. Приходилось изъясняться так, чтобы те, кто мог услышать этот разговор, не уловили смысла. А слушать могли, ох, как могли. И было кому.

— Вот и ладненько, — почти весело ответил «Мамонт». — Экспозиция должна быть на высоте. Да, хочешь посмеяться? Представляешь, какое мне, старому тертому калачу, тут дерьмо готовят? Генпрокуратура с третьей проверкой нагрянула. Хотят нарыть побольше и «самому» на стол выложить. Так что, надеюсь, ты понимаешь, насколько мне важна эта ваша экспозиция! А уж благодарным я быть умею, ты это знаешь.

— Конечно, Василий Алексеевич, — ответил Резников и покосился на затемненное стекло, отделяющее пассажирский салон от водителя. Оно было плотно закрыто.

Место, около которого взбесился детектор, выглядело так, словно из бокового среза траншеи метрах в трех ниже уровня земли вынули изрядной величины камень. Но ничего похожего рядом не было — только комок рыжевато-суглинка, почерневшие ребра, да пара берцовых костей. Кости виднелись повсюду. Игорь несколько раз видел подобное. Но тогда они обычно лежали на одном уровне — на «минус два», вперемешку с остатками сгнивших гробов. А тут только останки — навалом, просто засыпанные грунтом.

— Семеныч от этой дыры в панике. — Диланян поводит своим детектором вдоль среза и досадливо поморщился. Жужжание послышалось от-

четливо, а рука немедленно осветилась багровым. — Как думаешь, Игорь, что тут было?

— Да, кто его знает...

Игорь задумчиво смотрел на полость, прикидывая, какого размера тварь могла в ней поместиться. Что это именно тварь, нежить, сомнений не было. Технику не обманешь. Или почти не обманешь, мысленно поправился Лагода.

— Не только было, да. Мы имеем дело не с остаточным фоном, а с наличием объекта или их группы. — Арам отключил вибросигнал, хищно прищурился и потер руки. — Поохотимся, рыбка моя?

Игорь поднял голову и увидел встревожено заглядывающего в траншею лаборанта.

— Круглов, ну-ка, спускайся сюда скорее! «Кобра», пушку давай, только не урони.

— Знаю, — отмахнулся Коваленко.

Лагода принял из рук Васи нейтрализатор, увесистый параллелепипед, раскрыл опоры, вдавил их в землю. Диланян достал из кобуры некрошокер.

— Инструктаж помнишь? — смерил он Митю суровым взглядом.

— Да, дя.... Арам Рафаэлович.

— Поздравляю с первым боевым вылетом, — торжественно произнес Диланян. — Ты это, сынок, — вручая Мите шокер, добавил Арам. — Если что не так пойдет, забудь про инструкцию, понял? Драпай во все лопатки, и чтобы духу твоего здесь не было!

— А... — растерялся лаборант.

— Я свистну, если что, — успокоил сверху «Кобра». — Арам, может, лучше мне?

— Не положено, — отрезал Диланян, проверяя зарядник. — Твое дело кулаками махать, а тут — специфика. Лучше попроси майора убрать из траншеи посторонних.

«Кобра» справился — спустя несколько минут все поспешно выбрались из траншеи, опасливо поглядывая на трех непонятных субъектов, оснащенных неизвестным оборудованием.

— Поехали! — кивнул Игорь. — Готов!

— За дело, ребята, — выдохнул Арам.

— Поехали, — пискнул Митька, сжимая в ладони рубчатую рукоятку шокера. Было ему всего шестнадцать лет, и в «Омегу» он попал после очередного этапа «Черного Замка». Школу можно и экстерном закончить, а тут — такие люди...

Игорь, взяв в обе руки щупы нейтрализатора, принялся определять направление удара. Получалось, что основная концентрация некротатерии была чуть ниже дыры. Излучатель «пушки» регулировал Диланян. А Митька просто стоял и ждал, округлив глаза. О разорванных трупах в паре десятках метров он уже не думал.

— Есть! — Диланян перекрестьем прицела зафиксировал на мониторе центр пятна. — Приготовиться!

Лагода бросил щупы, снял предохранители, положил пальцы на клавиши. Клавиш активации было две, и выглядели они, словно кнопки запуска торпед на подводной лодке.

— Разряд!

Ничего видимого не произошло — только обнулится индикатор заряда. Обнулится и тут же начал вновь мигать цифрами. Выждав секунд пять, Арам скомандовал:

— Контрольный разряд!

И вновь — ни звука, ни видимого излучения. Только бледнеющие на глазах экраны встроенных детекторов показывали — попали.

— Готово! Все, шеф, только остаточный фон. Митька, отставить шокер. «Кобра», будь другом, кинь в нас парочкой лопат, посмотреть надо, что тут за дрянь такая...

Солнце врывалось в комнату сквозь неплотно задернутые шторы. День обещал быть по-настоящему теплым. Открыв глаза, Павел зажмурился. Так и лежал некоторое время, тщательно вспоминая события вчерашнего вечера и подгоняя эти воспоминания друг к другу, чтобы сложить полную картину. До сих пор не верилось, что все это случилось с ним. Может быть, он вчера просто посмотрел на ночь фильм ужасов, и все это ему лишь приснилось? Но почему тогда болит живот? Болит, ноет...

Он осторожно сунул руку под простыню, которой был укрыт. Пальцы наткнулись на повязку. Значит, не сон.

Застонав, он открыл глаза и заглянул под простыню. М-да...

Внезапно из-за спинки развернутого к окну кресла появилась сонно хлопающая глазами голова вчерашней девушки. И она не приснилась.

Некоторое время они растерянно смотрели друг на друга, потом Павел произнес:

— Доброе утро.

— Доброе, — почему-то сердито ответила девушка. — Отвернитесь, пожалуйста, мне нужно встать. Хотя вам лучше не шевелиться... поэтому просто закройте глаза.

Он закрыл.

И опять из темноты навстречу рванулась черная стремительная тень, рядом кричал, корчась на земле, Лапшин, а те... те трое и Витька Хакимов уже не кричали, разбросанные неподвижными кучами по утопанной земле. И этот запах — запах крови...

Не в силах больше выдержать, он чуть приподнял веки и сквозь ресницы успел заметить ускользающую в дверь фигурку в чем-то белом и коротком. А фигурка ничего, да.

Об этом думать было куда лучше и безопаснее, чем о том, почему он вчера все же остался жив.

Почему эта бешеная тварь не добила его, когда он, прикрывая разорванный ею живот, инстинктивно прижался к стволу ближайшего дерева?

Почему?

— Ночью вам звонили, — услышал он рядом.

Девушка, уже облаченная в бесформенный спортивный костюм, стояла рядом с диваном и протягивала ему мобильный.

— Обещали перезвонить в десять. Сейчас без десяти девять.

— Кто обещал? — спросил он, с изумлением глядя на незнакомый аппарат — дешевый, давно устаревшей модели. — Это не мой мобильник...

— И не мой. Он позвонил ночью, когда вы уже... отключились. Я решила, что это вас ищут.

— И ответили? — холодея, спросил Павел.

— Да. Потом-то я поняла, что не надо было этого делать. Но я растерялась. — Помолчав и видя, что он никак не реагирует, спросила: — Как вы себя чувствуете?

— Нормально.

В голове Павла суетились самые разные мысли. Каким образом к нему мог попасть этот телефон? Только одним — он лежал в том самом футляре, который нужно было отвезти заказчику и получить за него деньги. Да, Лапшин пару раз звонил тем, которые... которых...

«Отдай им это и забери кейс» — приказал Лапшин. Дело было обычным — трое на трое, ребята страховали, так что неожиданностей не должно было произойти. Но когда он увидел автомат в руках того амбала, которому протянул футляр, инстинкт сработал мгновенно — вбок и перекатом под защиту машины. Очередью его могли достать, но выстрелов не было.

Выстрелов не было, потому что их настиг дьявол. Темный, с мутными белыми глазами, он молнией пронесся по площадке за гаражами, где происходила встреча и передача заказа. И спустя несколько мгновений все было кончено. Дьявол добил Лапшина и бросился на него. К тому времени

Павел успел лишь вскочить на ноги и отпрыгнуть к дереву. В этом прыжке его и достали острейшие клыки-лезвия... И спасло какое-то чудо. Или ствол, за который он ухватился?

Дьявол отпрянул и бесшумно исчез, словно его и не было.

А Павел все стоял и стоял, вцепившись в спасительное дерево, не в силах расстаться с ним и чувствуя, как по животу стекает теплое и липкое. Почему он не попытался сесть в машину и уехать? Почему, зажимая руками раны, побрел к ближайшим огням, оказавшимися окнами небольшого двухэтажного дома? И когда успел сунуть в карман проклятый футляр? Если бы он знал!

— Что с вами? Вам плохо?

— Нормально, — опять выдавил он из себя. — Что они хотели?

— Требовали, чтобы вы вернули им что-то... — Девушка запнулась и неожиданно произнесла: — Меня зовут Женя Шутова. А вас?

— А меня — Павел. Павел Ладожский.

Он взял из ее холодных пальцев телефонную трубку и поморщился. Неприятности продолжались. Если, конечно, это можно назвать неприятностями.

Вообще-то у подобных ситуаций куда более жесткие названия.

Лопаты неспешно резали плотно слежавшуюся землю, извлекая из нее то истлевшие башмаки, то ржавые железки. Кости Игорь вынимал сам и аккуратно откладывал в сторону. После берцовых пошли тазовые.

— Смотри-ка, одежда, кажется, — Диланян поддел острием черные расползающиеся клочья. — Юбка, что ли?

— Не юбка, — произнес Игорь. — Ряса. А вот и... Что за черт? Кресты... Смотри-ка, Арам. Впервые такое вижу.

На вынудой из раскопа земле виднелся крест — сильно окислившийся серебряный, с жалкими остатками когда-то довольно толстой цепи. И второй — тоже крест, но из осклизлого гнилого дерева. Видно было, что когда-то он был искусно покрыт резьбой.

— Батюшка-то из наших был, — задумчиво произнес Диланян, разглядывая находки. — Водились и среди православных попов знатные охотники за нечистью. Пакеты есть? Это надо срочно экспертам передать. Пусть попробуют породу древесины определить. В сопроводилке это особо отметить.

— Понял.

Игорь достал из кармана несколько самозаклеивающихся пакетов и осторожно упаковал оба креста. Боясь, что они окончательно рассыплются, положил на панель нейтрализатора.

Дальше копали быстро и молча. Горка человеческих костей росла и увенчалась черепом. Одно пулевое отверстие — в затылочной части. Мир тебе, отче, и светлая память.

Оба они — и Игорь, и Арам — уже примерно представляли, что произошло. В последнем своем падении священнику удалось подмять под себя минимум двух вившихся рядом с расстреливаемыми некрофагов.

А вот, пониже, и один из них, вернее, то, что от него осталось — обугленные, почти испепеленные разрядом кости и какая-то зеленая слизь. Лагода брезгливо отбросил их в сторону лопатой и поднес детектор. Фон в пределах нормы. Теперь не оживет.

— Что это было? — Митька громко сглотнул слюну.

— Нежить, — коротко ответил Арам. — Более точно определим в лаборатории. Классифицируем, туды их в качель. А теперь, ребятки, проверьте на всякий случай все тут. Вдруг этих «кис» было больше.

Игорь молча кивнул. Просканировать участок нетрудно.

Но одну тварь точно упустили. И где она теперь, можно только догадываться.

Подобные дела ему не слишком нравились. Но выбирать не приходилось. Они — команда, и если обрушат «Мамонта», то он потянет за собой всех. Поэтому Резникову, возглавлявшему представительство администрации N-ской области при Правительстве Российской Федерации, пришлось заниматься совершенно несвойственными ему вопросами. И хотя начальник службы безопасности губернатора Джабиев обеспечивал «техническую поддержку», всеми «организационными моментами» ведал лично Герман Петрович. Минимум посвященных — жизненно важное правило в подобных случаях. Поэтому о сути предстоящей операции знали только Резников, Джабиев и «его человек» — Никита Мышкин, бывший фээсбэшник.

Голос водителя из динамика спросил:

— В выставочный центр едем, Герман Петрович? Или сначала завтракать?

— Завтракать, — буркнул Резников.

Когда они получили информацию о том, что Олег Гиганов, депутат Госдумы, собрался «топить» «Мамонта», вначале забеспокоились не слишком — не впервой. Отношения губернатора и Гиганова давно были на грани открытой войны, и демарши предпринимались обеими сторонами. «Мамонту» очень мешал сталелитейный и машиностроительный магнат, обладающий к тому же депутатской неприкосновенностью и связями на самых высоких столичных уровнях. А «Вонючке», как прозвали олигарха

в губернаторской команде, крайне не нравились финансовые потери, которые он нес благодаря пристальному вниманию областных структур к его бизнесу.

Гнойник рос и не мог однажды не лопнуть.

Время настало, и это чувствовали все.

«Мамонт» решил нанести упреждающий удар. Один. Смертельный.

— Так, — сказал Глеб Петрович Малицкий. — Это все, что мы имеем на сегодня?

— Пока — все, — кивнул Диланян.

— Значит, Арам, опять некрофаги объявились?

— К несчастью, да.

— И какие есть соображения? — Малицкий почему-то уставился на Игоря.

Соображений хватало с избытком. Накануне вечером они всем отделом спорили до хрипоты. Вадим Сапунов — гуру аномалий — рекомендовал тотальное сканирование окрестностей. Арам напирал на архивы — городские, кладбищенские и КГБ, а Саня Билаш — старейший эксперт-консультант по некрофагам вообще разошелся и предложил ввести в Москве комендантский час. В целях профилактики. Он был вызван в кабинет шефа прямо со дня рождения приятеля, поэтому мыслил своеобразно.

Свежую струю внес Митя, скромно сидевший подальше от корифеев в сторонке.

— А что такое вообще эти некрофаги? — поинтересовался он.

Билаш немедленно пустился в объяснения, а Игорь, закатив глаза к потолку, прикинул, сколько раз уже это слышал. Получалось прилично. Он вспомнил, как на стажировке тот же Саня Билаш, загибая пальцы, твердил им с кафедры прописные истины. Некрофаги — существа, имеющие физическую сущность и питающиеся энергией, выделяемой умирающими людьми или животными. Это раз, коллеги. Их привлекают «места смерти»: скотобойни, больницы, хосписы. Два, пометьте себе. Ведут тайный, почти исключительно ночной образ жизни, ловко скрываются, практически незаметны и относительно безопасны. Мелкие тварюшки, о существовании которых мало кто подозревает. Но... Безопасны они до поры до времени. Если уровень смертности резко повышается, некрофаги вспоминают о размножении. И тогда питания им требуется все больше и больше. Отдельные особи начинают охоту, становятся агрессивны и крайне опасны. Кроме того, обретают способность на телепатическом уровне чують «запах смерти» и часто заранее появляются там, где гото-

вится убийство. Лучше — массовое. Их туда тянет, как магнитом. Часто наносят опережающие удары, действуя быстро и беспощадно.

Заканчивал свои лекции Саня всегда одинаково и скромно:

— Однако благодаря усилиям вашего покорного слуги и Рыб... то есть Арамчика, в Москве некрофагов не осталось. В пределах МКАД — уж точно. Вот было времечко...

Он мечтательно закатывал глаза. Судя по архивам «Омеги», времечко действительно было — отдел носился над столицей на арендованном у пожарников вертолете и фиксировал всплески. А потом Саня лично «мочил» их из пушки. Но все это были, как помнил Игорь, мелкие экземпляры. Любопытно, подумал Лагода, вспомнив дыру в траншее. А кто-нибудь когда-нибудь встречал некрофага ростом с крупную собаку? Размерами с дога, например?

Эту мысль он озвучил лектору.

Билаш глотнул воды из стакана.

— Я лично никогда не встречал, — признался он. — Но — слышал, от «Лося», а тот — от своего учителя. Была одна популяция в районе Кузьминок. Некрофаги ростом с теленка. Зубы — во! Как у саблезубых тигров. Но их еще до войны истребили. Зачистку проводили настоящие мастера, сейчас таких нет.

— Для охоты на носорогов нужны, прежде всего, сами носороги, — философски заметил Диланян. — Зачем ты так, Сань? — чуть не обиделся Диланян. — Мастеров и сейчас хватает... Вот, Игорь, наш, например...

Наверное, поэтому Глеб Петрович и ждал сейчас ответа от Лагоды.

— Это очень крупный некрофаг, — после паузы ответил Игорь. — В своем роде уникальный. Большие размеры, концентрация некротерии приближается к единице.

— А мощности нейтрализаторов хватит на такого красавца?

— Думаю, да. Даже уверен, что хватит.

— Сколько нам надо людей для отслеживания твари на всей территории города? Скорость передвижения прикидывали?

Малицкий смотрел на него, крутя в руках карандаш.

— Сложно сказать, Глеб Петрович. Судя по картине возле траншеи, перемещается очень быстро. Никто из жертв не успел среагировать. Никто не убежал, не спрятался. Да и вообще, семь человек для такой массы — пустяки. Думаю, есть всего два варианта: либо она отползла на некоторое расстояние и обессилила, не найдя подкормку, либо активно ищет новые жертвы.

— К какой версии склоняетесь больше?

— Ко второй. Не найти пищу в большом городе — это вряд ли.

— Итак, — подытожил Малицкий, — мы имеем крупного голодного некрофага почти в центре города. Замечательно! — Он посмотрел на Диланяна: — Наши действия?

— Ловим и ликвидируем, — хмыкнул Арам. — Хотя, конечно, любопытно было бы поймать такой экземпляр для вивария.

— Не тот случай, — отрицательно покачал головой Малицкий. — Здесь — однозначная ликвидация.

— Как скажете, — с искренним сожалением произнес Диланян. — Тогда я свяжусь с Паляничко. Он кстати, недавно перешел в ГУВД работать, так что полномочий у него прибавилось. Думаю, он и без напоминаний сводки отслеживает, ищет аналогичные убийства. Да и наш отдел контроля, — он посмотрел на скучающего Антона Шуваева, мрачно рисовавшего чертей на бланке заявки, — наверное, не откажется помочь.

— Не откажется, — поднял Шуваев голову.

— Отлично, — облегченно кивнул Арам. — Прикинем по карте, что из источников некроэнергии есть поблизости. Ну и... У меня из головы этот священник не выходит. Он и мертвый удерживал эту нечисть столько лет.

— Да, если бы экскаватор не порушил погребение, — кивнул Малицкий, — тварь не выбралась бы.

— Надо стариков около кладбища порасспрашивать, — неожиданно предложил Игорь.

— Зачем? — удивился Шуваев.

— Кладбищенский социум, — пояснил Лагода, — довольно стабильное явление, как ни странно это звучит. Люди, проходящие туда, регулярно общаются, передают всякие байки о погосте. И если до этого что-то было — точно вспомнят.

— А что? Светлая мысль, — согласился Малицкий. — Арам Рафаэлович, пометь себе. Захоронением этим уже вплотную занимаются: и археологи, и «Мемориал», и даже, по-моему, ФСБ... Должны всплыть если не свидетели, то те, кто в курсе. И последнее. — Он открыл лежавшую на столе папку и выложил на стол вчерашний рапорт Игоря. — Я об этом. Что думаете предпринять?

В рапорте Лагода вкратце изложил историю, приключившуюся с ним в доме. О женщине и девочке, погребенных в подвале и о бездействовавшем детекторе. Арам быстро пробежал написанное глазами, сказал свое обычное: «Хорошо, рыбка моя» и, сунул в стопку бумаг, пожал плечами:

— Отправим группу. Вскроем могилы, будем разбираться.

— Арам, дорогой ты мой, — вздохнул Малицкий. — Ты вообще понимаешь, что это значит? Это значит, что наши детекторы не годятся ни к чер-

ту. Четыре года работы опытного цеха — псу под хвост! И самое главное, что противник об этом знает. Он маскирует захоронения, Арам! Он прячет от нас свои следы! Сколько еще проникновений мы упустили за это время?

— Думаю, это первый случай, — осторожно ответил Диланян.

— Думаешь?! — нахмурился Малицкий. — Вместо того, чтобы срочно разобраться, как такое вообще могло произойти, вы собираетесь искать некрофага практически с голыми руками. Неужели ты не понимаешь, что без нормально работающих приборов наши спецгруппы станут беззащитными?! Мы же не можем Лагоду клонировать, чтобы он за детекторы работал!

— Не можем, — согласился Арам. — К сожалению. Но есть еще пара перспективных пареньков и девушка...

— Это откуда? — удивился Шуваев.

— Э... — замялся Диланян. — С «Приморской» базы, Мартынов мне написал.

— Вот даже как, — сказал Малицкий. — Мартынов, значит, принялся за трудоустройство молодежи. Значит, так, Арам Рафаэлович. Никакой молодежи вы не получите. Более того, Игорь Лагода будет вплотную заниматься подвалом. В поимке некрофага, на которую даю вам ровно, запомните, ровно три дня, он сможет принимать лишь факультативное участие.

Арам беззвучно захлопал губами, словно рыба, выброшенная на берег. Такого поворота дела он явно не ожидал.

— Глеб Петрович, — вмешался Шуваев, — может быть, придадим ЛИН для усиления кого-то из других отделов? Все-таки лучшего сенса забираем...

— Хорошо, — согласился Малицкий и поднял взгляд на Диланяна: — Кого возьмешь, Арам?

Вместо шефа ответил Игорь, совершенно ошарашенный происходящим.

— Дайте нам «Кобру», — глупо брякнул он.

Малицкий покачал головой и с оттенком восхищения произнес:

— Ну, наглецы! Ладно, Игорь, Вася — ваш. Но чтобы с подвалом вы мне разобрались немедленно! Сейчас... — Глеб Петрович глянул на часы, — девять тридцать. По коням!

Женя ушла гулять со своим смешным, похожим на сапожную щетку псом. Павел лежал и смотрел в потолок. Желтые разводы в углу — следы старой протечки, трещина, похожая на диаграмму. Что делать?

Судя по всему, они действительно знают, где именно он прячется. Он сам принес сюда маячок-шпион. Имея некоторое оборудование, отсле-

дить включенный мобильник по его номеру не составляет труда. Он еще раз повертел в руках футляр и металлический контейнер-параллелепипед. Сбоку виднелась плоская утопленная кнопка для его открывания. Внутри в гнездах из поролона лежали шприцы. Десять штук. С виду обычные одноразовые шприцы на пять кубиков, заполненные желтоватого цвета жидкостью. И отдельно — две пластиковые ампулы с такой же водицей.

Что это — наркотик, яд? За этот контейнер им должны были передать кейс с деньгами. И даже если этот кейс, запертый на кодовый замок, заполнен деньгами не полностью, все равно, сумма должна быть немаленькая. Плюс меры предосторожности, предпринятые обеими сторонами. Плюс то, что их совершенно определенно хотели ликвидировать.

На часах было без пяти десять. Разодранный и заштопанный живот болел, хотя и терпимо.

Щелкнул замок входной двери — его спасительница вернулась. Может быть, зря она не оставила его истекать кровью на чердачной лестнице?

Женя вошла, раздумывая от утреннего воздуха, в руках был пакет с булками и минералкой, а в глазах вопрос.

И тут же, словно по заказу, телефон зажужжал и затренькал. Павел специально включил звуковой сигнал, чтобы не пропустить звонок. От него зависело слишком многое.

Сообщение об очередной бойне застало майора Паляничко в тот момент, когда он видел сон. Обычный ментовский сон с непонятным субъектом, убегающим от преследования, с темными подворотнями и мутными фонарями. Иван Семенович ненавидел подобные сны, но другие виделись крайне редко.

Жена сонно заворочалась, когда он буркнул в трубку:

— Высылайте машину. Да, спускаюсь.

Осмотр места происшествия в пять утра — продолжение ментовского сна. На этот раз «земля» была не его. Коллега, тоже майор Вася Булкин, позвонил Семеновичу больше из эгоистических соображений — слух о трупах около Завьяловского кладбища прошумел накануне по всему ГУВД. Вот и хорошо бы сбегать эту гадкую историю — пусть ею занимается специальная группа, которую обычно создают для поимки серийников. А он, Вася, уж лучше обычной поножовщиной займется.

С пятью разорванными и изуродованными трупами провозились почти до десяти часов. Паляничко пытался несколько раз дозвониться до Диланяна или Лагоды, но телефоны не отвечали. Наконец, Арам отозвался.

— Приезжай, — крикнул Иван Семенович и продиктовал адрес. — И поторопись, тут скоро уборкой займутся.

Лагода как раз закончил упаковывать оборудование, когда Диланян приведением возник за спиной.

— Семеныч сообщил — объявился наш монстр, — бодро произнес Арам. — Ты, рыбка моя, никак, по своим подвалам собираешься?

— А куда мне деваться? — буркнул Игорь.

— Ай-я-яй! Надумал бросить старика, да? И на кого? На «Кобру» с его понтами? На Митьку, новичка бестолкового? Как не стыдно, товарищ Лагода!

— А Малицкий? — попробовал отмахнуться Игорь.

— Потом Малицкий, — скороговоркой произнес Арам. — Потом подвалы. Все — потом. А сейчас быстро в машину!

Он выдернул мобильник откуда-то из-под полы пиджака и распорядился:

— Митька, срочно сгоняй в аккумуляторную! Понимаю, что ты занят, все понимаю, дорогой. Бросай все и — туда! Сними аккумуляторы и вместе с ними — в машину! Аллюр три креста, рыбка моя!

— Что, опять? — вылетел им навстречу по коридору Билаш. В его руке был зажат надкушенный бутерброд с сырокопченой колбасой.

— Опять, — прищурился Арам, — а ты думал!

— Сколько на этот раз?

— Пятеро.

— Я с вами, — неожиданно предложил Билаш. — Хочу там принюхать-ся. Авось пригожусь.

— Тогда быстрее давай, там уже дело к финишу идет!

Саня махнул рукой на недопитый кофе и, давась хлебом с колбасой, вместе с Игорем помчался к лабораторному джипу — впереди самого Диланяна, пытавшегося дозвониться до «Кобры» и узнать, где того черти носят.

Герман Петрович вернулся в представительство в половине двенадцатого, по дороге заехав в павильон. Хотя «по дороге» — крюк в пол-Москвы. Но ему надо было вновь и вновь убеждаться, что приготовления идут нормально, что ничего неожиданного не случится. Джабиев позвонил ему трижды, заверил, что место, где находится антидот, определено со сто-процентной гарантией. После этого стало полегче. Ведь ночью он звонил по контактному телефону практически наобум. Но — повезло, глупец не догадался его отключить.

Резников слушал уверенный голос Марата и испытывал гигантское облегчение оттого, что происшествие при передаче контейнера — всего лишь нелепое стечение обстоятельств, а не козни «Вонючки». Именно этого он и боялся больше всего — Гиганов обладал звериным чутьем и мог

узнать, догадаться. Мог завести в их команде свою «крысу», в конце концов. Но нет — курьеров и ликвидаторов угробил какой-то «левый» маньяк. А что такое маньяк, когда на карту поставлено фактически все? Датьфу! Главное — антидот не попал в руки полиции, его унес какой-то уцелевший балбес, того уже отследили, дом блокировали, и скоро контейнер будет у них.

Резников еще раз напомнил — никто ничего не должен знать. Ни одна живая душа. Джабиев в ответ хмыкнул. Пусть хмыкает — вина за то, что произошло, целиком на нем. Они с Мышкиным облажались по полной программе. Вот пусть и исправляют.

Идея ликвидации «Вонючки» исходила от самого «Мамонта». Двум зверям в одной берлоге стало окончательно тесно. И если он не сделает этого сегодня, то его самого уберут завтра. Это было понятно всем. Вопрос заключался только в том — как? Как физически устранить крайне осторожного и хитрого соперника и при этом остаться вне подозрений? Первое было решаемо, второе представлялось невыполнимым. Потому что вне подозрений в случае гибели олигарха Гиганова его самый главный враг остаться не мог. Ни при каких обстоятельствах.

Но задача была поставлена, и ее нужно было решить.

Они и решили. Благодаря прежним связям Мышкина, как подозревал Герман Петрович, вышли на «Химика». О нем не должен знать никто — это было одним из условий его согласия на сотрудничество. Да, собственно, и сам Герман Петрович был крайне заинтересован в том, чтобы его контакты не светились. Так что правила игры он принял. «Химик» — существо абстрактное, нематериальное и не имеющее лица и адреса. Нет человека, нет следов. При этом настоящий профи-одиночка.

Газовый заряд в выставочном павильоне был установлен лично «Химиком». И он же активировал взрыватель с часовым механизмом. Ночью, когда Джабиев снял всю охрану.

Деньги за работу должны были перечислить банковским переводом в Канаду, на подставное лицо. После получения антидота. Но контейнер оказался в чужих случайных руках. «Химик» ушел с линии связи, и найти его было невозможно, во всяком случае, в оставшееся время. А выставка открывалась послезавтра.

Ровно в полдень «Мамонт» и «Вонючка» будут стоять перед объективами телекамер в сверкании фотоблицев и пожимать друг другу руки. Ровно в двенадцать-двадцать во время брифинга сработает заряд, и смертельный газ заполнит павильон, украшенный нарядными стендами, макетами цехов нового завода, аэропорта и гирляндами воздушных шаров. Ровно в двенадцать-тридцать пять в павильон войдут спасатели в противогазах.

Но депутат Гиганов к этому времени будет мертв. А «Мамонт» — госпитализирован с отравлением. Но жив. Если, конечно, они сумеют вернуть антидот.

О том, будет ли жив он сам, и Джабиев, и еще один человек свиты, Герман Петрович старался не думать.

Будут.

Марат сказал, что они обнаружили контейнер.

На всякий случай он набрал номер телефона, по которому оставлял сообщения для «Химика». Телефон был заблокирован, что неудивительно. Наверняка и симка уничтожена.

Резников опустился в кресло. И оно, эргономическое и тщательно подогнанное под его фигуру, вдруг показалось ему жестким, как скамья подсудимых.

Ситуация на вытоптанной площадке за двумя рядами бетонных гаражей очень напоминала вчерашнюю. Правда, траншеи с костями не было, а вместо трубоукладчика и экскаватора, уставившись друг на друга слепыми глазами фар, торчали две машины — потрепанный «опель-кадет» и пятидверная «Нива». Между ними темнели останки тех, кто еще накануне были вполне благополучными и крепкими молодыми парнями.

— С оружием приехали. Два «Узи», — тоскливо сообщил Паляничко. Булкин посматривал со стороны на приехавшую «лабораторию», но встречать не решался. Вопрос о передаче дела в ведение ГУВД был практически решен.

— И что? — с любопытством спросил Билаш. — Успели пустить в ход?

— Нет. Магазины полные, следов огнестрела эксперты не нашли. Но ребята непростые. Документов при них — ноль. Машина, — он кивнул на «Ниву», — зарегистрирована на пенсионера — «божьего одуванчика» с признаками маразма. Дедуля знать ничего не знает, ведать не ведает. Единственный родственник — внук, да и тот — отбывает...

— Понятно, — буркнул Саня, поглядывая на передвигающихся с детекторами от трупа к трупу Диланяна и Лагоду. Судя по выражению их лиц, они обнаружили именно то, что ожидали обнаружить. — А другие? — кивнул он на «опель».

— Эти с документами и без автоматов. У одного — пистолет системы ТТ, разрешение имеется. Тоже не стрелял, даже достать не успел. Сотрудники фирмы «Олимп». Наши оперативники сейчас как раз там, трясут директора. Пока известно, что выполняли рядовой заказ. Некто поручил отвезти какую-то ценность и получить за нее бабки. Нормальная работа, заказ оформлен, квитанция выписана.

— На кого? — спросил подошедший Диланян.

— А вот это уже в лоб... — Паляничко закатил глаза и вздохнул. — На Иванова Иннокентия Гавриловича. Привет с того света, так сказать. Помер этот Иванов два года назад. Но своих, видишь, не забывает, посылочки шлет. Хитрюга — сам не поехал. Наверное, понимал, что шибко рискует. Второй раз помирать неохота.

— Угу, — кивнул Билаш. — Похоже на то. Посылку-то нашли?

— Нет. Нашли кейс, набитый чистойшей ксероксной бумагой. Без отпечатков пальцев внутри. Отсюда делаем вывод, что платить собирались пулями в голову. Но не успели. И посылка — тю-тю... Похоже, унес ее третий из команды «Олимпа», некто Павел Игоревич Ладожский. Его пока не нашли...

— А вот это уже интересно, — встрепенулся начальник отдела исследования некротерии. — Уцелевший свидетель, видевший тварь.

— Или тот, кто все это учинил, — пожал плечами майор. — Пока это основная версия. Если сюда приехали шестеро, а выжил один...

— А если семеро? — подал реплику Билаш.

— Шестеро, шестеро. Трое на трое, установлено по следам около «Нивы» и по записи диспетчера «Олимпа». Заказчик — покойный гражданин Иванов — настаивал именно на трех курьерах, хотя обычно ездят двое.

— А квитанция?..

— Осталась у диспетчера. Клиент оплатил заказ через банк.

— Слишком уж навороченная система конспирации, — вмешался молчавший до этого Лагода. — Просто Джеймс Бонд какой-то.

— Скорее, человек-невидимка, — задумчиво ответил майор. — Даже два невидимки. По отпечаткам пальцев ребят с «Нивы» ни одного установить не удалось. Ну а у вас что? То же, что около кладбищенского вала?

— Да, — мрачно ответил Арам. — Оно вылезло там, подкрепилось и отправилось дальше — искать сытный ужин.

— Кто знает, в скольких местах оно успело еще подкормиться — на все убийства и несчастные случаи не наездишься, — тяжело вздохнул Игорь. — Но если будет что подходящее... — Он посмотрел на наливающееся жаркой погодой небо и спросил: — Мне-то куда теперь, Рафаэлыч? На кладбище? Или в подвал?

— Подвалом займись. А на кладбище мы вместе с Саней двинем, — подумав, решил Диланян. — Хотелось бы узнать, что за поп был такой могучий. Ребята из экспертизы подтвердили — крест у него осиновый был. А это, согласитесь, неординарно.

— Осиновый... — медленно протянул Паляничко и перевел взгляд на дерево, росшее поодаль от осиротевшего «опеля». Серебристо-серый ствол, тонкие чуткие листья.

— И тут осина. И на стволе — следы крови.

— Вот, значит, как этот Ладожский спасся, — констатировал Билаш. — Иудино дерево уберегло.

Глаза его загорелись. Срочно, срочно найти химика-ботаника, провести анализ на молекулярном уровне, выделить из осины вещество, губительно воздействующее на некрофагов. Это будет настоящее открытие! Жаль, что, как всегда, с грифом «ДСП»...

Когда Павел нажал кнопку и ответил «Да, слушаю», Женя вышла. Понесла на кухню купленные булки. Это воспитание такое — выходить из комнаты, если кто-то собирался позвонить или ответить на звонок. Впрочем, она хотела, чтобы он попробовал решить свои проблемы сам, но уже понимала, что часть проблем достанется и ей — хочет она того или нет. Потому что, когда они с Арчи ходили в расположенный неподалеку торговый павильон, она вначале почувствовала, а затем и убедилась, что за ними следят.

Поначалу сама эта мысль показалась дикой, но ощущение чужого пристального взгляда не исчезало. А затем, отвязывая поводок от стойки для велосипедов (в павильон вход с собаками был запрещен), она заметила неподалеку мужчину с серым, скучным лицом. Он делал вид, что читает объявления, но сам не сводил с нее глаз.

Она погладила Арчи и подумала о том, что влипла в весьма дурную историю. Пока шли к дому, Женя старалась не дергаться и ни разу не оглянулась, а потом, поворачивая за угол, бросила взгляд назад — человек с серым лицом шел следом...

— Женя, — послышалось из комнаты. — Вы где?

Можно было возвращаться.

По лицу Павла было заметно, что разговор вымотал его. Под глазами залегли серые тени, а в самих глазах плескалось беспокойство.

— Поможете мне встать? Пожалуйста...

— Нет, — отрезала она. — Я вас не для того зашивала, чтобы вся работа насмарку пошла.

— Мне нужно идти.

— Вы не можете никуда идти, так как разойдутся швы и начнется кровотечение. Вы вчера и так много крови потеряли. Хотите свалиться где-нибудь посреди улицы?

Этого Павел не хотел. Но и оставаться тут означало подставлять под удар девушку, которая согласилась помочь ему. Женя не заслужила такого. Он — мужчина, и просто обязан уберечь ее от опасности.

— Дадите мне какие-нибудь старые спортивные штаны? — буркнул Ладожский. — Джинсы на мне все равно из-за повязки не застегнутся.

— Хотите кофе? — помолчав, внезапно спросила Женя.

— А... можно?

— Почему нет? У вас с желудком все нормально. Сейчас сварю кофе, — а вы тем временем подумайте — может быть, стоит посвятить меня хотя бы в часть ситуации, чтобы я попробовала помочь вам из нее выпутаться. Или хотя бы совет дала.

Она помолчала, потом пошла к двери и на пороге обернулась:

— Кстати, за мной вели наблюдение. Не знаете — кто и зачем?

Завьяловское кладбище ничем не отличалось от других старых московских погостов: много зелени, разросшиеся кусты сирени и разнообразие могил — от помпезных гранитно-бронзовых памятников до заброшенных и почти сровнявшихся с землей холмиков, украшенных, в лучшем случае, железной пирамидкой или давно некрашеным крестом. Только праздно разгуливающих по аллеям людей меньше, чем на Ваганьковском или Новодевичьем. А посему и просящих у входа подаяние было всего трое.

Арам с сомнением присмотрелся к испитому лицу одного попрошайки, явно сшибавшему на очередную бутылку, и прошел мимо — к инвалиду на костылях и старушке в черном шерстяном платке. Подумав, выбрал старушку. Но когда он начал ее расспрашивать, подтянулись и остальные двое — в надежде получить свою лепту.

На вопрос, что говорят о раскопанных под валом костях и не знает ли, кто из местных старожилов о захоронении, бабулька испуганно замотала головой, перекрестилась и сказала:

— В церкву зайдите, батюшка там должен быть. Крестил он сегодня.

— А церковь — это мысль, — согласился с ним Саня. — Пошли, командир, пообщаемся со служителями.

Одноглавый храм был обнесен невысоким кирпичным заборчиком, в котором виделись еще два строения. В самой церкви, кроме двух женщин, старательно протиравших утварь, никого не было. Горели лампы, томильно пахло ладаном. Им сказали, что отец Григорий в крестильне.

Диланян и Билаш вышли на крыльцо. Прямо перед ним росла огромная старая осина. Мощеная дорожка старательно огибала дерево.

— Странное место для такого дерева, — задумчиво произнес Саня. — Оно же вроде как не совсем чистым у христиан считается.

Арам ничего не ответил, разглядывая массивный ствол и ветви — дереву если и было лет шестьдесят, то не более.

— Здравствуйте, — услышался мягкий ровный голос. От одноэтажного домика к ним шел священник в простой рясе, на которой сверкал серебряный крест. Был он еще не стар, невысок и крепок, словно гриб-боровик.

Каштановая вьющаяся борода лишь слегка подернулась сединой. — Вы не меня ищете?

— К вам, батюшка, по поводу найденного захоронения, — сразу взял быка за рога Билаш. — Пытаемся понять, кто и когда был там погребен.

— Царствие им небесное, мученикам... Погребены были не по-христиански, — настороженно ответил священник. — Тайно. Если бы мы знали, что рядом такое, разве бы молчали... Страшное то время было. Людей умерщвляли без суда, невинных.

— Во времена репрессий?

— Смотря что репрессиями называть, — так же осторожно проговорил отец Григорий. — Но не в конце тридцатых, нет. Раньше. Осьмнадцатый год. По вещам определили, по документам найденным.

Он так и сказал «осьмнадцатый».

— А вы давно тут... настоятелем служите? — перехватил инициативу Арам. — Я имею в виду этот храм.

— Тринадцать лет уже. Приход небольшой, рядом еще два храма. Но люди хорошие, светлые. А вы, собственно, в связи с чем интересуетесь? Не с тем ли смертоубийством? Так ко мне уже из полиции наведывались, расспрашивали.

— Нет. Вернее, не совсем в связи с этим. Нас интересует история этого захоронения. Дело в том, что там обнаружены останки священника...

— Отца Лаврентия, царствие ему небесное, — неожиданно просветлел лицом батюшка. — Он это, сомнений нет никаких.

— Так быстро успели установить, что это он? — удивился Саня.

— Ну, я думаю, официально еще долго будут решать, а у меня и Светланы Николаевны сомнений нет. Требник там был, удивительно, что сохранился. А на нем — имя. И еще... ботинок ортопедический. У отца Лаврентия одна нога была короче другой, так что обувь приметная. А мы уж и не чаяли, что сможем помочь его душе покой обрести. Особенно Светлана Николаевна печалилась, говорила, что такой человек бесследно сгинуть не мог. И вот сам Господь помог. Священник перекрестился на церковный крест и указал куда-то в сторону: — Здесь его и погребем, панихиду отслужим, поминальную службу по убиенному. Он тут богу и людям служил, тут ему и упокоиться.

Только сейчас Диланян заметил около церковной стены четыре свежеструганных и вбитых в землю колышка. Неподалеку виднелись могилы с церковной вязью на крестах.

— Значит, отец Лаврентий был когда-то настоятелем этого храма? — чувствуя себя законченным занудой, продолжал допытываться Билаш.

Отец Григорий кивнул.

— А Светлана Николаевна — его родственница?

— Внучка. Она одна из всех и осталась, остальные еще до войны и во время нее погибли. А Марина Ивановна, старшая дочь отца Лаврентия, и Светлана молитвами господними уцелели. Марина Ивановна десять лет как упокоилась, до девяноста восьми лет дожила в ясном уме.

— Знаете, где Светлана Николаевна живет?

— Неподалеку тут. Трамвайный переулочек, дом шестнадцать. Только номер квартиры не помню. Но вы там спросите, ее во дворе все знают.

— Спасибо, отец Григорий, — от всей души поблагодарил Биляш. — И последний вопрос. Если хотите, можете не отвечать. Это дерево... почему оно напротив входа посажено? И почему именно осина?

— Хороший вопрос, — усмехнулся отец Григорий. — Мне об этом дереве Марина Ивановна рассказывала. Тут раньше другая осина росла, кривая. А потом в нее молния ударила. На храме-то молниеотвод установлен, а дерево беззащитно перед природной стихией. Было это за несколько лет до войны. Вот Марина вместе с тогдашним настоятелем отцом Серафимом на место погибшего дерева новую осинку посадили. Вроде бы завет такой существовал, ее батюшкой оставленный. Вот и растет, никому, вроде, не мешает.

Священник подошел и ласковым жестом огладил серебристую кору.

Стараясь не вслушиваться в себя, Игорь прошел мимо старого дома. Тот пустыми глазницами окон, кое-где заколоченных досками, смотрел на своих более молодых соседей. Похоже, подвалом еще не занялись, во всяком случае, никаких спецмашин неподалеку он не заметил, а отбойные молотки в руках не принесешь. Что-то Малицкий тянет. Или уже вскрыли?

Терять время на то, чтобы проверить, он не стал.

Итак, две пятиэтажки — не убогие панельные детища послевоенной поры, а недавно капитально отремонтированные так называемые «доходные», выстроенные еще в конце позапрошлого века. Эти придется оставить напоследок, начинать лучше с третьей — она пока дожидалась своего часа и выглядела довольно убого. Похоже, жильцов уже начали отселять. Район престижный, центр близко — будут из коммуналок делать нормальное жилье, встраивать лифты...

Бросившийся было к нему пятнистый щенок испуганно замер и попятился. Игорь улыбнулся ему и его хозяйке — голенастой девчонке лет тринадцати.

Не любят его собаки, что поделать. Впрочем, и Арама не любят. Возможно, чувствуют, чем они занимаются каждый божий день. Не любят собачки мертвечину.

Он обошел дом. Времени на то, чтобы идти в официальные конторы и получать доступ в подвал, не было. Две подходящих лазейки — оцинкованная и давно не открывавшаяся, судя по нетронутому мусору, дверь с простейшим замком и приямок в торце. Приямок он оставил напоследок — рамы там уж больно хлипкие, разлетятся вместе с грязными до полной непрозрачности стеклами.

Оглядевшись по сторонам и не обнаружив поблизости никого, кроме дремлющей на скамейке пожилой няни с детской коляской, Лагода с деловым видом сбежал по источенным временем бетонным панелям к двери. Связка отмычек — необходимый инструмент, такой же, как ломик. Вторая подошла — замок щелкнул, заскрежетали ржавые петли, ногой Игорь отодвинул мусор и протиснулся внутрь. Этот подвал был совершенно другой: низкий потолок — тянущиеся повсюду трубы, сырость и звуки капающей воды. И запах... отвратительный запах гнили и тлена.

Притворив за собой дверь и включив фонарик, он двинулся вперед. Пройдя подвал насквозь, уперся в стену с тем самым приячком. Тусклый свет сочился сквозь оконце, где-то наверху лаяла собака. Кажется, все чисто.

Обратно Лагода шел быстро, нагибаясь в проемах, постукивая по трубам и даже насвистывая. Странно, что тут не видно следов бомжей, обычно в таких подвалах они и гнездятся. Или слишком сыро?

Когда он вышел, плотно прикрыв за собой дверь, няня даже не глянула в его сторону.

Спустя три часа Лагода готов был завершить первую прикидку. Из пяти подвалов в трех были дохлые крысы, а в одном — в фундамент замурован какой-то тип. Такие нечасто встречаются, но ничего необычного — дом ремонтировали в начале девяностых, тогда трупы научились скрывать не хуже итальянской мафии.

Нужно сделать хотя бы перерыв, а потом перейти в соседний квартал — за ближайшим домом гудела улица.

Игорь устроился прямо на траве в зарослях черемухи неподалеку от трансформаторной подстанции. Хотелось пить, но тащиться за газировкой или квасом было лень. Ничего, и просто так посидеть — уже хорошо.

Он всей грудью вдохнул хоть и загазованный, но все же пахнувший майской зеленью воздух. Основные рабочие уровни отключились, оставался только контрольный. А ведь когда-то и его хватало, чтобы доводить Игоря почти до безумия.

Это началось в детстве... Сколько ему было? Лет семь. У соседа Антона умер котенок. Зверек с рождения был не жилец, лапки его тряслись, ел мало и более активные братишки и сестренки в играх опрокидывали его

на спину, заставляя тихо плакать. Игорь знал, что котенок умрет — откуда? Просто знал, как по запаху знал, что мама надушилась духами из голубого пузырька или папа выпил после работы пива. Поэтому не удивлялся — считал, что другие тоже знают. Когда зареванный Антон приволок коробку с мертвым котенком, они решили похоронить беднягу за домом, у гаражей.

А ночью Игорь проснулся и увидел скорченное в присыпанной землей коробке тощее тельце.

Это стало наваждением. Каждую ночь он видел происходящие с котенком трансформации — покрытое тусклой свалявшейся шерстью мертвое животное истлевало и разлагалось. Но страшно было не это. Спустя пару дней Игорь увидел, что неподалеку от котенка в земле лежит скелет собаки. А еще дальше...

Мать прибежала на его крики, успокаивала, клала на лоб холодное полотенце, поила валерьянкой. Но кошмар не исчезал. Пришлось идти к психиатру. Тот выслушивал Игорька снисходительно и явно не верил.

Когда они с матерью, сжимавшей в руке ворох рецептов, вернулись домой, отец глянул мрачно, потом взял лопату и буркнул Игорьку: «Покажи, где ты это видишь».

Оно было там — за третьим от края гаражом, под грудой железных ящиков, на небольшой глубине. Вернувшись после объяснений с милицией, отец разорвал рецепты и велел матери больше сына по идиотам-врачам не водить.

Самое удивительное, что женщину, убившую своего новорожденного ребенка и закопавшего его за гаражами, нашли быстро — соседка опознала кусок пледа, в который он был завернут...

— Мне сказали, что за нами обоими наблюдают, и дом блокирован, — медленно произнес Павел.

— Блокирован? — побледнела Женя. — Что это значит?

— То, что, если мы попытаемся скрыться, они не позволят. И никого к нам не пропустят. Выходит, помощь позвать не сможем. Им нужна вот эта металлическая штука. Говорят, что больше ничего.

— И... почему вы хотели уйти? Ведь если они хотят получить это, то проще всего будет им это отдать.

— Дело в том, что я им не верю. Да, им очень надо получить контейнер с его содержимым. Но в то, что после этого они не захотят убрать ненужных свидетелей, я совершенно не верю.

— Свидетелей чего?

Павел осторожно вернул поблескивающий хромированными боками параллелепипед в футляр, а футляр положил на стол.

— Честно говоря, я и сам толком не понял, что произошло. Поэтому могу рассказать только то, что видел. Но не исключено, что у этой истории есть некая изнанка, о которой я не знаю ничего. Даже наверняка есть. И они вполне могут считать, что мне известно нечто... Или просто подстраховаться.

Женя вернулась в комнату и уселась в кресло, предварительно убрав с него диванную подушку и плед.

— Рассказывайте, — не терпящим возражений тоном заявила она. — Если опасность грозит нам обоим, то я хотела бы понять, что вообще происходит.

И Ладожский все ей рассказал.

В «Олимпе» он проработал всего два месяца, считая охранно-курьерскую службу всего лишь промежуточной ступенью. Позвал его туда Леняка Лапшин, бывший одноклассник, сказал — работка непыльная, а платят вполне достойно. Павел как раз покинул предыдущую контору, развалившуюся из-за дурости ее владельца, и находился в поиске новой. А пока подвернется нужное, почему бы не подзаработать? Тем более что разъезжать придется много — авось и наклюнется что-нибудь интересное.

Поручения случались разные, но большей частью — доставить что-то ценное или сопроводить кого-то, везущего это ценное. Подстраховать и исключить неожиданности.

Вчерашний заказ был рядовым. Мила-диспетчер назвала номер и шифр ячейки автоматической камеры хранения и адрес, по которому надо было отвезти то, что там лежит. Инструкции простые — отдать и взять за это деньги.

И происходило все вполне обычно — приехали на пустырек за гаражами, там уже ждали, сидя в «Ниве». Когда из нее вышли, Лапшин велел отдать футляр и забрать кейс.

А дальше...

Женя слушала и не верила собственным ушам.

Сочиняет? А какой в этом смысл? Если бы хотел соврать, то придумал бы что-нибудь более правдоподобное, без дьявольщины и нереальной жутки. Да и раны она сама видела и обрабатывала. Кто это мог быть — черная пантера, бешеный маньяк?..

— Ты точно видел это... существо?

— Да, совсем близко. Это не человек, скорее — животное. Только я не знаю, какой зверь может нападать так молниеносно и беспощадно? Оно было похлеще любого монстра из фильма ужасов. И пузо мне располо-

вало буквально за секунду, если бы не дерево... Эта тварь отступила, как только я прижался к стволу. Иначе я бы не спасся.

Женя вздохнула и решила все же сварить кофе. Ей надо было осмыслить услышанное. Остальное, в принципе, она знала и так — раненый Павел, гонимый инстинктом самосохранения, каким-то образом сумел добраться до ближайшего дома и спрятался на чердаке. А тут и они с Арчи подоспели.

Она принесла кофе и бутерброды из сайки с творожной пастой.

Ладожский лежал все такой же бледный и угрюмый.

— Из дома тебе выходить нельзя, потому что сейчас с тобой одним мизинцем справиться можно, — сказала Женя таким тоном, словно узурпировала право принимать решения. — А у меня сегодня отгул. И если надо, я буду сидеть безвылазно тут хоть неделю — мне Ленка бюллетень нарисует.

— Неделю не потребуется. Мне дали время до семи часов вечера, — хмуро проговорил Павел.

— До семи? — Женя на секунду задумалась. — Я вот чего не понимаю — если они так сильны, почему не могут просто вломиться сюда и отобрать это? — кивнула она на футляр.

— Потому что им нужно то, что там лежит, целым и невредимым. Они понимают, и я им это подтвердил, что в случае чего просто уничтожу это.

— Кстати, а что там?

— Можешь сама посмотреть — шприцы и ампулы с какой-то желтой дрянью.

Она быстро допила кофе и полезла в футляр.

— Похоже на раствор фурациллина. Но готова поспорить, что предположение неверное. Ну и почему я не могу вынести эту гадость и отдать хотя бы тому типу, который за мной следил, чтобы они отвязались?

— Потому что они тебя прикончат! — заорал Ладожский и, охнув от боли, схватился за живот. — А потом и меня, — добавил он только для того, чтобы ее готовность пойти на риск выглядела совсем уж бессмысленной.

— А если все-таки позвонить в полицию? Вчера ты не хотел, потому что тебя могли найти. Сегодня тебя уже нашли. Так не пора ли?

— Не пора, — отрезал Павел. — Потому что, если на пустырь приезжают шестеро, а остается в живых один, это означает, что остальных «замочил» именно он. Праздник жизни для ментов. Так что полицию оставим на самый крайний случай.

— Хорошо, — неожиданно легко согласилась Женя. А сейчас — перевязка.

Ладожский наблюдал, как она убирает со стола, потом достает медикаменты, бинты, шприцы, и так засмотрелся, что не уловил легкое сомнение во взгляде Жени, когда она отбирала ампулы для инъекций...

Чай был крепок и душист, с добавлением черносмородинового и вишневого листа. Он исходил паром в чашках из тончайшего фарфора, и было похоже, что все трое: и Диланян, и Билаш, и профессор Вознесенская сидят перед жертвенными курильницами.

Профессор Вознесенская и была внучкой отца Лаврентия.

Открыла она им сразу, как только услышала, зачем они пришли. Открыла, впустила в квартиру, в которой самым естественным образом смешались эпохи: новенький японский телевизор стоял на комодике позапрошлого века, а рядом с жидкокристаллическим монитором высился письменный прибор из родонита.

И вот они второй час пьют чай с баранками и вареньем, и Светлана Николаевна рассказывает им о деде.

— Мариночке тогда двадцать лет было, взрослая уже барышня. Остальные сестры мал-мала-меньше. А она уже многое понимала и замечала. Батюшка ее был настоящим праведником. Добрейшей души человек, но в некоторых вещах становился очень жестким. Например, когда о смерти шутили. Говорил, что о смерти, особенно, чужой, даже думать надо уважительно. А потом Марина заметила одну странность — отец всегда знал, если кто-то рядом умер. Бывало, занимается чем-то, читает или молится и вдруг замрет и перекрестится: «Царствие небесное». Были еще странные случаи — около их дома, а жили они тогда неподалеку от кладбища в двухэтажном отдельном строении, обитал старый пес Бобка. И когда Бобка пропал, а дети стали его искать, отец Лаврентий сказал службе, чтобы между сараями посмотрел. Мертвый пес там и лежал, только снаружи его видно не было.

— Слухач... — задумчиво пробормотал Саня, вонзая зубы в баранку.

— Что, извините?

— Есть такое свойство у очень редких людей — чувствовать смерть. Один подобный уникам у нас работает. Это что-то вроде атавизма. Звери обладают этим свойством довольно часто — знаете, как собаки по умершему где-то рядом воют? Чуют.

— Да, похоже, — кивнула Светлана Николаевна.

Арам все порывался спросить, профессором каких наук она является, потому что по книгам, в изобилии заполнявшим квартиру, понять это было невозможно. Тут было все на свете — и исторические труды, и философские, и тома по психологии.

— А потом, — продолжала хозяйка, — он сделал себе крест. Из осины, которую сам же и посадил около церкви лет пятнадцать назад. Спилел самую толстую ветку и вырезал. Прятал он этот крест, но носил постоянно под рясой.

— Мы нашли этот крест, — кивнул Диланян. — Он лежал с ним там, в кладбищенском валу. И именно поэтому пришли к вам.

— Я уже догадалась... Чудовища вырвались на свободу?

— Да, одно мы уничтожили, но второе натворило бед.

— Я слышала. Дед с ними целую войну вел. Считал их порождениями ада, забирающими души у умирающих людей. Несколько уничтожил, но их становилось все больше, они росли в размерах. И если раньше он мог справиться один, то потом — уже нет... Тогда, сами знаете, какое время было — за ним в любой момент могли прийти. Вот он и рассказал Марине... И дал ей второй крест. Их два было. Велел постоянно его носить.

Светлана Николаевна встала, открыла секретер и достала из него жестяную коробку. На крышке была картинка — девочка с розовыми щечками держит на руках пушистого белого котенка — и надпись «Лакричная карамель Пустовалова». Из этой коробки профессор Вознесенская и достала второй осиновый крест на простом шнурке.

— Мариночки уже нет, — просто сказала она. — А я уже стара... Да-да, не спорьте, молодые люди, стара. Вот, передайте это тому... слухачу, о котором выговорили. Ему нужнее. Думаю, что дед понял бы и одобрил.

Герман Петрович бродил по представительству.

Подчиненные в такие моменты старались не попадаться на его пути и тихо, как мыши, сидели в кабинетах.

Два часа дня. Они дали этому герою время до семи. И баста! В конце концов Джабиев должен уметь организовать такие дела, не мальчик. И ему, Резникову, плевать на то, что группу уничтожили. Есть еще Мышкин, вот пусть вдвоем и справляются.

Завтра прилетает «Мамонт», завтра открывается выставка, и без антидота все это может закончиться скверно. А угрозы этого сопляка, что он уничтожит контейнер — блеф. Не посмеет, ему четко объяснили, что тогда ему не жить.

Герман Петрович остановился и обнаружил себя в дальнем конце коридора, застеленного поверх паркета светлой ковровой дорожкой. В окно заглядывали ветки цветущей липы. Черт, а он живет, как в тумане — ничего не видит, ничего не замечает. Для него вопрос жизни и смерти в том, сумеют ли они до завтрашнего утра получить антидот или нет. Он быстрым

шагом вернулся в свой кабинет и поднял трубку телефона. Этот аппарат не прослушивался..

— Марат, осталось четыре часа. На всякий случай готовьтесь к операции.

— Готовимся, — слышался в трубке глухой голос. — Не хочется рисковать, Герман Петрович.

— Не хочется. Но если этот дурак решит поиграть в кошки-мышки, придется.

— Вы ему предлагали деньги?

— Естественно. Двадцать тысяч. Наличными.

— А с «Химиком» как будем расплачиваться? — встревожился Джабиев.

— Как, как... как договаривались. Получим контейнер, сделаем банковский перевод.

Что-то в его голосе Марату не понравилось. Врет ведь, старый лис. Ничего они переводить не будут, считают себя неуязвимыми и крутыми. И не хотят понять, что с людьми, подобными «Химику», так шутить нельзя. Слишком опасно. Даже не опасно, это просто подписание себе смертельного приговора. Но убеждать в этом бесполезно, ему будут говорить, что все в порядке, и перевод сделан, а на самом деле...

На самом деле он узнает это только позже.

Если все будет тихо, значит, не соврали. А если не тихо, то поздно будет дергаться — у «Химики» такой арсенал средств, что отправить на тот свет всю их теплую компанию он сможет одним мизинцем.

Еще раз ругнувшись про себя, Марат Джабиев положил трубку. Впервые за всю свою жизнь он ощущал такую беспомощность. И ведь сам во всем виноват. Но теперь поздно сожалеть. Из четверых его людей троих уже нет. Остался только Никита Мышкин и охранники. Поддержка, которую он запросил еще утром, не смогла вылететь вовремя и прибудет лишь завтра — тем же рейсом, что и «Мамонт». Поэтому, если других вариантов не останется, действовать придется им с Никитой.

Он достал мобильный телефон и позвонил. Мышкин наблюдал за домом, где прятался этот, как его... Ладожский. Курьер недоделанный.

Там было все тихо. Полиция вблизи пока не появлялась, от дома до гаражей метров триста, если не больше, а след они успели отсечь. Кажется, Ладожский серьезно ранен. Но с ним какая-то девица, что может быть им на руку. Не дурак же законченный этот курьер, чтобы в такой ситуации пальцы гнуть. А уж страх или жадность одержат верх — неважно.

До семи оставалось ровно три с половиной часа.

Лаборант Митя Круглов, юный адепт борьбы с некросушностями, не знал, куда ему податься. Начальник вместе с впавшим в неожиданный

альтруизм Билашом отбыли на лабораторном джипе, Лагода укатил на соватанной майором Паляничко полицейской машине, а «Кобра», сорвавшись по своим делам, о Мите банально забыл.

К полудню отбыли все — предпоследним уехал мрачный и недовольный следователь. А последним ушел пешком майор со смешной фамилией Булкин. На прощание Булкин зачем-то пожаловался Мите на то, что служебно-розыскная собака потеряла след главного подозреваемого. И потеряла довольно странно — похоже было на то, что след попросту посыпали молотым перцем или какой-то другой гадостью. Или же в этом месте подозреваемый поймал машину. Но почему тогда пес так расчихался? Вежливый Круглов посочувствовал Булкину и спросил, где именно это случилось. Майор махнул рукой в сторону группы невысоких старых домов и ушел.

Митя еще немного побродил по пустырю, прислушиваясь к внутренним ощущениям. Ему было ужасно интересно, как происходит то, что Игорь Лагода называл импульсом. Но ничего такого не было. Митя был довольно слабеньким, еще необученным природным магом, настроенным больше «на передачу», а не «на прием». Это означало, что со временем из него мог получиться вполне приличный маг-боевик. Но не слухач...

Нет, никаких импульсов не появлялось, в организме лаборант ощущал лишь зверский голод, ничего более. Размышляя о том, вернуться ли на базу или еще немного послоняться по зеленым, пахнущим цветущей флорой дворам, он двинулся к тем самым домам, на которые указал Булкин.

Шел, шел, и внезапно почувствовал себя крайне неудобно. Станным было то, что ни одного человека вблизи не наблюдалось, даже кошек — двор словно вымер. И, тем не менее, Митя явственно ощущал на себе пристальный нехороший взгляд. Мистика или латентные способности к телепатии? Хорошо бы второе.

Круглов шмыгнул в кусты и огляделся. Никого!

Прячась за сиренью, он дошел почти до самого дома, и тут буквально нос к носу столкнулся с неким субъектом. Выглядел он совершенно обыденно — джинсы, рубашка, серовато-бесцветные волосы и такие же серые тусклые глаза.

— Ты здесь живешь? — кивнул на дверь дома незнакомец.

— Нет, — растерянно ответил Митя.

— Вот и вали отсюда, чтобы я больше тебя тут не видел, — безо всяких интонаций произнес мужчина и, видя, что изумленный лаборант не двигается, добавил: — Вали, сказал, я повторять не люблю!

В другой раз Круглов возмутился бы и начал качать права. В конце концов, он даже не собирался входить в этот дурацкий подъезд. И вооб-

ще, что за наезды на ровном месте? Но вместо этого парень промолчал, повернулся и послушно ушел. Холодный взгляд неизвестного буравил его спину все время, пока он удалялся в сторону улицы.

И только оказавшись на тротуаре около магазина бытовой техники, Митя перевел дыхание. В виске пульсировало чувство опасности, которой удалось избежать.

Он достал из кармана мобильный телефон.

— Арам Рафаэлович, не знаю, может, это и ерунда, но тут такое дело...

Выслушав его, Диланян велел своему лаборанту никуда не уходить и ждать у магазина группу «Кобры».

Они еще не успели проститься со Светланой Николаевной, а все уже закрутилось. И приходилось решать одновременно сразу несколько проблем, даже Малицкий без вопросов согласился откомандировать вместе с «Коброй» кого-нибудь из телепатов.

— Лагоду подтягивай поближе к себе, но пусть вперед не суется, — распорядился он.

— Он в поиске связь вырубает, — вздохнул Арам. — Еще час прочесывать будет. Да к тому же и без машины, на своих двоих.

— Хорошо. Тогда через час снимайте его с поиска.

— Понял.

Профессор, седая женщина со светлым взглядом, вслушивалась в разговор и разглаживала тонкими сухими пальцами скатерть на столе.

— Извините, нам пора, — неловко поднялся Билаш.

— Я понимаю.

— Мы еще обязательно заедем к вам, — пообещал Арам. — Рассказать, как оно было. Непременно заедем.

Они спешили, но неудобно было вот так срываться с места в карьер. И Светлана Николаевна подтолкнула их словами:

— Я буду ждать. Благослови вас господь.

Второй звонок настиг Диланяна, когда они уже мчались в джипе. Паляничко сообщал, что в Кузьминках очередной инцидент. Правда, там была драка подростков — кавказцев и скинхедов, но пострадавшие выглядят так, что вызвали именно его.

Арам записал координаты и обещал подъехать, как только сможет. Или Лагоду направить.

— Вон там должен ждать твой мальчишка, — кивнул Саня. — Хороший парень растет, хваткий. Если, конечно, не раздул из мухи слона. С «Коброй» кто едет из теликов?

— Ласиков, кажется. Сейчас просканируем этого мужика, и в Кузьминки рванем, глянем, что там. Не нравится мне вся эта каша, даже подумать не успеваем толком, только носимся туда-сюда.

— А если Митька прав, и там что-то... нечисто?

— Чисто, нечисто — мне ясная картинка с этой тварью нужна. То ли некрофаг мутирует, то ли...

— Хочешь сказать, что агрессивен и алчен не в меру? Похоже. Кстати, система их размножения тоже никому до сих пор неизвестна. Я лично считаю, что они ближе в этом плане к млекопитающим, а Вайненберг, напротив, двигает теорию деления по принципу простейших организмов. Как думаешь, удастся нам этот вопрос на этот раз прояснить?

— Тебе все шуточки, Санька! — разозлился Диланян. — Теоретик хренов! Вот почему ты к нам репьем прилип, а я-то думал — от чистого сердца.

Билаш только хмыкнул, явно не собираясь вступать в дискуссию. А Арам, сделав паузу и останавливая джип около разомлевшего от обилия солнца и девчонок в мини Круглова, добавил:

— И не дай бог, подтвердится теория твоего Вайненберга, рыбка моя... Если эта тварь озверела в связи с тем, что ей делиться приспичило, спокойной жизни у нас в ближайшее время не будет. Митька, давай сюда, хватит на барышень глазеть!

Лаборант вздрогнул и кинулся к джипу.

Вторая машина — с группой «Кобры» на борту — уже выворачивала из-за угла.

— Ну, показывай, орел, где тот непонятный персонаж окопался, — велел Диланян.

Митя глубоко вдохнул и ткнул пальцем в просвет между домами. Ему было жутковато от мысли, что бесцветный мужик окажется банальным дворовым скандалистом. Тогда ему устроят разнос похлеще, чем за «дядю Арама».

Но опасения оказались напрасными. Через десяток минут Ласиков вернулся к машинам с мрачным и задумчивым видом.

— Короче... — сообщил он, — я почти ничего не понял. Там какая-то каша происходит. Диспозиция такова: в доме двое — девушка и раненный парень, курьер. Твой, Мить, мужик со стволом сидит, злой, как черт. Караулит этих двоих. С ним еще один, напарник.

— Что за курьер? — не выдержал «Кобра».

— Не понял, но явно не наркота. Этого парня — курьера я вообще не смог уловить. То ли спит, то ли сбежал, то ли помер уже. Но сбежать вряд ли мог, второй этаж все-таки, а он ранен. Еще собака там, вроде бы, не слишком большая.

— Диспозиция понятна, — протянул «Кобра». — Теперь давай подробнее — что им надо от тех, кто в доме?

— Так... — Телепат потер переносицу и закатил глаза. — Выглядит это как железная коробочка, внутри — что-то желтое и колючее. Коробочка — в футляре. Что это за фигня, никто из них, по-моему, не знает. Девушка трясется из-за раненого, а мужик со стволом ждет команду, чтобы «замочить» их обоих. Арам Рафаэлович, вы уверены, что это имеет отношение к «Омеге»? Больше похоже на банальную разборку...

— Курьер — это Ладожский! — Диланян обвел всех взглядом. — Выжившая жертва твари. По уму надо бы Паляничко звонить, но он сейчас занят. Серега, ты разъяснил, кто за этими двумя боевичками стоит?

— В том-то и дело, что не разъяснил, — поморщился Ласиков. — Похоже, парень обучен блоки ставить — прямо-таки на стену натыкаюсь. Абстрактное мышление, чтоб его.

— А девушка кто такая? — спросил Арам.

— Понятия не имею, но она смертельно напугана. Из-за этого страха ничего и не понять толком. Что будем делать?

— Повяжем хлопцев и разберемся, — меланхолично предложил «Кобра». Его ребята в машине подобрались, ожидая приказа.

— Отставить! — приказал Диланян. — Останетесь тут, вмешиваться только в крайнем случае. А то я вас знаю, костоломов. Сережа, ты будешь за главного. А я пока в Кузьминки слетаю... Саня, ты останешься или со мной?

«Кобра» хищно наморщил нос, но промолчал.

Резников еще раз взглянул на молчащий телефон. Надо было, чтобы с самого начала всем занимался Марат, а он, дурак, взял на себя... Или Джабиев его к такой мысли подвел. Тогда это показалось резонным — начальник службы безопасности все же большую часть времени должен «при теле» проводить, а не мотаться каждые два дня из N-ска в Москву. Нужен был координатор на месте, и он, ближайшее доверенное лицо «Мамонта» в столице, проверенное и посвященное в самые щекотливые тайны «двора», подходил как нельзя лучше.

Но теперь, если что случится — спрос с него, с Резникова. Хотя если что случится, то, скорее всего, спрашивать будет не с кого. И некому.

Телефон молчал. Часы показывали шесть с четвертью. Упрямый осел, этот парень, больше ничего. Или не понимает, что его могут в мгновение ока порвать в лоскуты? Да вряд ли... Должен понимать. Тогда в чем дело?

Герман Петрович велел приготовить деньги. На это раз он решил, что больше не будет следовать принципу «Мамонта» — «если можно не пла-

тить, значит платить не нужно». Этот щенок — темная лошадка, а больше рисковать антидотом нельзя. Хватит, дорисковались.

Он велел секретарше принести кофе и таблетку аспирина — голова начинала побаливать. Так бывало при приближении грозы.

Пришел встревоженный бухгалтер, принес пакет с деньгами, но спросить, как оформлять, не посмел. Это потом.

И тут же, словно по заказу, трубка издала негромкую трель. Созрел!

Но в телефоне неожиданно прозвучал женский голос. Герман Петрович узнал ту, с которой говорил ночью — Марат называл имя...

— Здравствуйте, Евгения Аркадьевна, — холодно произнес он.

Она растерялась, тем не менее, когда заговорила, голос звучал достаточно твердо:

— Я готова передать вам то, что вам нужно. В обмен на то, что вы навсегда отстанете от нас.

— А сам господин Ладожский что же, не может со мной поговорить?

— Не может. Он тяжело ранен, и сейчас спит. Поэтому или вы забираете это у меня, или я обращусь в полицию. Нам терять нечего.

Блефует, подумал Герман Петрович. Она могла бы вызвать полицию уже давно, но у парня хватило ума уговорить ее не делать этого. А еще он, кажется, ничего не сказал ей о деньгах. Или сказал?

— Мы готовы, — заверил Резников Женю. — Мои люди могут зайти к вам?

— Нет. Я вынесу это сама. Передам только в людном месте. Если попробуете напасть на меня во дворе, я... уничтожу это.

Не успеешь, подумал Резников. Ну да ладно, главное — получить антидот, а свидетелей Марат и Никита могут убрать и позже.

— Ровно через час вас будут ждать около метро, — поразмыслив, сказал он. — Подойдет мужчина с букетом роз, отдаст вам его, а вы отдадите ему это. Договорились?

— Договорились.

Она отключилась почти сразу, а Герман Петрович еще некоторое время стоял и слушал пиканье трубки. Потом набрал номер на внутреннем телефоне и передал Джабиеву, что тому нужно сделать. На секунду показалось, что Марат хочет ему что-то сообщить, но спрашивать он не стал — не до того сейчас.

— Ты там... пока ничего не предпринимай, — вместо этого произнес он. — И езжай сам, Никиту держи в стороне, для страховки. Не нужны нам больше осложнения.

— Знаю, — помолчав, ответил Джабиев. — Деньги передавать?

— Передавай, черт с ними. Не о деньгах сейчас речь, сам понимаешь.

Марат забрал в приемной Резникова толстенький белый конверт и небрежно сунул его в карман. В кабинет заходить не стал — незачем, все и так ясно. Потом вышел на предвечернюю улицу, из всех представительских машин выбрал неприметный серый «Форд» и сам сел за руль. По пути остановился и в цветочном павильоне купил букет. Выбирая между изысканным — белым и вульгарным — желтым, мстительно купил желтый, в совершенно неподходящей фиолетовой жатой бумаге с бантом.

В салоне сразу же распространился удушающий аромат роз. Конверт с деньгами лежал рядом на сиденье, и Марат, подумав, засунул его между цветами. Даже не укололся — розы оказались без шипов.

Около метро было как всегда людно: кто-то кого-то ждал, гомонила группа тинейджеров, на гранитном парапете грелась парочка бомжей. Около киоска, торговавшего журналами, спорили двое потрепанных мужиков. Джабиев окинул все это быстрым взглядом, оценивая обстановку. Нужной девицы, не видно. Но ее ведет Мышкин.

— Где вы? — спросил он в трубку мобильного.

— На подходе, — отозвался Никита. — Ее ведет Линь. Девка в джинсах, в руках пакет — серый с белой надписью «Карамелька». Не нравится мне все это, надо было в квартире брать или на выходе перехватить.

— Не надо, — отрезал Марат. — А курьер с кем остался?

— С Пироговым.

Джабиев поморщился. Пирогов был рядовым охранником-будочником и для таких дел совершенно не годился. Но людей почти не осталось, приходилось использовать кого только можно. Он не спеша закурил и тут увидел девушку. Худенькая, в джинсах и какой-то дешевой кофтенке, она шла напряженно, и даже на расстоянии было видно, как обшаривает ее взгляд и площадку перед входом в метро, и стоянку, и киоск. Линь двигался позади с делано-безразличным видом.

Остановившись, девчонка нервно заправила волосы за ухо и еще раз огляделась.

Пора!

Марат подхватил букет, стараясь держать его ровно, чтобы не вывалился конверт, и, выбравшись из машины, с широкой улыбкой направился к ней. Она заметила, прежде всего, цветы — броскую желтизну в фиолете, и в глазах ее плеснул страх.

Их разделяло всего несколько метров, когда откуда-то сбоку появился бритый парень и обогнал его, гулко топая ботинками с высокой шнуровкой. В руках парень сжимал три огромные розы с вульгарно растопыренными листьями. Его широкие плечи как-то сразу закрыли Джабиева от Жени, и пока Марат пытался сообразить, что это — нелепая случайность

или операция пошла прахом, одновременно раздались выстрелы и пронзительный женский крик.

Стрелял Мышкин — по колесам уносящегося прочь джипа, в который какие-то парни успели втолкнуть перепуганную девушку. Во все стороны бежали люди, кто-то упал на асфальт, накрыв голову руками, бомжи залегли за парапетом. Линь метнулся наперерез мужику с розами, но тот ловким приемом уложил его на асфальт и кинулся к Марату. Но Джабиеву этих мгновений хватило — он уже был за рулем предусмотрительно оставленной открытой машины. Он еще видел, как отступает за павильон метро Никита, а сам уже выворачивал на левую полосу.

Несколько секунд, и все участники происходящего словно растворились в воздухе, и только «Кобра» с невинным видом подбирал с асфальта искусственные цветы...

Когда Серега Ласиков неожиданно сообщил, что девица в доме собирается передать ту самую железную штуку кому-то, кто будет ждать ее с букетом роз у метро, действовать пришлось молниеносно. И не его вина, что до живых роз он добежать не успел, пришлось хватать, что подвернулось — отвратительные тряпичные муляжи.

Поморщившись, Коваленко запихал мерзкие цветы в урну и с индифферентным видом достал мобильник. Надо было узнать, куда ускакала его бравая команда.

Внезапно он заметил вылезавшего из-за парапета бомжа. Проследив за целью его перемещений, «Кобра» заметил валявшийся на тротуаре белый конверт и успел ухватить его раньше.

Единственный трофей на поле боя...

Ситуация начала драки была ясна, как стеклышко — бритоголовые пацаны отследили компанию, в которой было несколько пацанов смуглых и темноволосых. И по сему поводу, вооружившись велосипедными цепями и кастетами, молодцы решили размяться.

Диланян с ужасом и состраданием смотрел на результаты этой «разминки». Большую часть пострадавших уже развезли по больницам, кто-то, с небольшими и неопасными травмами, еще оставался, сидел на траве в окружении ошарашенных полицейских, а в нескольких десятках метров от них под деревьями лежали три накрытых черной пленкой тела. Сами пацаны были в шоковом состоянии.

Билаш подошел к одному из скинхедов. Мальчишка лет шестнадцати, ровесник Митьки. Черные джинсы, рубашка и ботинки с железным кантом, какие-то цепи с побрякушками на правой руке, которую парень то и дело подносил к лицу и впивался зубами в запястье. На покрытых полу-

детской щетиной скулах перекатывались желваки. Бритая макушка была небрежно смазана зеленкой и заклеена пластырем.

— Говорю же, не знаю я! — внезапно заорал парень. — Не знаю, что это было — собака, зверь бешеный, метнулось, как молния, и у Кузи сразу кишки наружу! Не я это!

Диланян, словно заведенный, бегал по поляне. Детектор вел себя адекватно — показывал остаточный фон около парней, зашкаливал около трюпов и в зарослях шиповника. Тут она и пряталась, эта тварь, ждала. Но откуда узнала?

— Эй, ребята, вы сюда только драться шли? — спросил Арам у двух парней, сидевших, свесив руки между колен. Лица их были бледные, грязные и поцарапанные. — Или разговор был что-то вроде «Мочить их!»?

— Да иди ты... — мрачно ответил один, с татуировкой на предплечье, а второй криво усмехнулся разбитыми губами.

Арам сумел, наконец, оттащить майора от какого-то высокого чина, который терзал Паляничко вопросами, не объявилась ли в Москве банда каннибалов.

— Смотреть будешь? — зло спросил Иван Семенович. — Трех эта зверюга успела задрать, пока...

— Что пока?

— Пока один бритый не очухался от столбняка и травматiku не достал. Говорит, три пули всадил, но только отпугнул. Второй, вон тот, чернявый, ее палкой бил, так вдвоем и справились. После этого она и отступила.

— Палкой, говоришь?

— Да, палкой. К вещдокам приобщили, он этой палкой вначале от скинов отбивался.

— Ладно, все и так понятно, — Арам посмотрел в сторону ближайших деревьев и кустов. Осинник.

— Как ребята описывают то, что на них напало?

— Да черт их поймет, говорят, размером с хорошего теленка, и то ли лохматая, то ли... в общем, размытая, размазанная, словно кусок тумана. Черного. И глаза — будто бельмами закрыты. Зубы... самое страшное у этой твари зубы — сверху и снизу длинные острые клыки торчат из пасти, вернее из того, что вроде бы пасть. Одного «героя» к психиатру повезли, у него от ужаса настоящий припадок случился.

В кармане затренькал мобильник. «Кобра».

Выслушав его, Диланян крикнул. Хотел выругаться, но, глянув на побитых пацанов, не стал.

— Что там? — подошел Билаш.

— «Кобре» пришлось вмешаться, — буркнул Арам. — Стрельба была, правда, не с нашей стороны. Сейчас разделились — часть возвращается

к дому, а часть двигает на базу — к химикам. Что-то они там такое нашли... Нехорошее.

В ближайшем полицейском «форде» заквакала рация. Майор с ненавистью обернулся — за последние сутки его вызывали исключительно по поводу распотрошенных тел, и это начинало напрягать даже выдавшего виды «убойщика».

— Зуев, — ответь! — крикнул он.

Зуев ответил. Вызывали ППСовцы — неподалеку произошла авария маршрутки, и там тоже видели какую-то здоровенную черную зверюгу. Не нападала, но панику посеяла.

— Жертвы есть? — мгновенно отреагировал Билаш.

— Есть, внутри микроавтобуса двое.

Арам и Саня переглянулись.

— Едем?

— А что нам остается — пушка-то в джипе...

Но они опять не успели — тварь исчезла. Пока Паляничко добивался, чтобы лабораторную машину пропустили к месту аварии, пока Диланян пытался с помощью детектора определить направление движения некрофага, фон опять нормализовался. Зато подъехал Игорь Лагода — Малицкий выслал за ним дежурную машину. В «Омеге» объявили тревогу номер один. Химлаборатория начала экспресс-анализ содержимого контейнера, который Женя должна была передать неизвестным. Больше всего досталось «Кобре», правда, заочно — за то, что упустил мужика с желтыми цветами и троих, прикрывавших его.

Митька тоже отзвонился шефу, сообщил, что он с группой Коваленко остался в квартире Жени Шутовой. Ждут, не проявят ли себя те, кто раньше ее блокировал. По мобильнику установить нахождение жаждавшего получить контейнер не удалось — ни по номеру, ни по аппарату.

— Во что еще мы вляпались? — задумчиво произнес Игорь, выслушав эту информацию.

— Пока не знаю, — отрезал Диланян, глядя, как спасатели специальным резакom вскрывают изувеченную и заблокированную маршрутку. Оставшихся в живых пассажиров и водителя уже вытащили через разбитые окна, теперь доставали зажатые в салоне тела. «Москвич-каблuchок», с которым столкнулся микроавтобус, стоял двумя правыми колесами на тротуаре. Передняя его часть тоже была разнесена всмятку. — Едем к Малицкому, там экстренный сбор назначен. Кстати, это тебе передать просили. — Он полез во внутренний карман ветровки и достал деревянный крест.

— Кто? — удивился Лагода.

— Внучка того самого священника, останки которого мы вчера нашли. Он сделал два, второй оставил дочери, но той уже нет на свете. Так что ты теперь, считай, настоящий экзорцист.

Игорь невесело усмехнулся и спрятал крест в карман.

— Может, я пока при Семеныче подежурю, раз он у нас сейчас что-то вроде пеленгатора? — спросил он.

— Отставить, будем свой пеленгатор разворачивать. Хватит к шапочному разбору приезжать, надо работать на упреждение, — продолжал сердиться Диланян. — Станцию слежения будем стационарно разворачивать.

— Ты выяснил, кто это был? — безнадежно спросил Резников, выслушав Марата. Выглядел шеф безопасности словно побитый щенок. По всем прикидкам, именно такой нелепицы случиться было не должно. Но — случилось.

— Если бы я стал это выяснять, то сейчас был бы совершенно в другом месте, — пожал плечами Джабиев. — Думаешь, я не отличу действия дилетантов от работы спецподразделения? И мне совершенно неинтересно было оказаться в руках парней Гиганова. Хотя...

— Что? — не выдержал паузу Резников.

— Вот чувствует мое сердце, что это люди не «Вонючки», у того обычные дуболомы в охране, а тут — высший пилотаж.

— А кого?! — заорал Герман Петрович. — Чьи это спецы были? И почему твои люди действовали так, словно им на «хвост» сесть невозможно?! Вчерашняя ночь ничему не научила?!

— Не кричи, — поморщился Марат. — Откуда мне знать? Мои люди — те, кто остался — сделали, что смогли. Линь на асфальт мордой лег, чтобы меня прикрыть, еле успели его оттуда подхватить. Мышкин целую обойму по шинам высадил. Заговоренные у них покрышки, что ли...

Джабиев и сам не подозревал, насколько он был близок к истине. Над неуязвимостью машин спецгрупп потрудились лучшие кадры «Омеги».

— Ладожского перехватить пытались?

— Пытались... Я сразу же связался с Пироговым, но тот сообщил, что в квартиру вошли четыре человека. Так что соваться туда пока бессмысленно, антидот все равно уже у них. Дождемся ночи, тогда и...

Воцарилась тишина. За окном густели сумерки, дневной чад и смог постепенно оседали на затихающий город.

— Ну что же, придется снимать заряд, — наконец произнес Резников.

— Не получится, — покачал головой Марат. — Я сегодня утром наведался в павильон, когда там еще никого не было. В известность не ставил, вначале проверить хотел.

— И что? — чувствуя, как холодеют кончики пальцев, спросил Герман Петрович.

— Я же предупреждал, что «Химик» — человек серьезный. В общем, основной заряд перекрыт еще одним. При попытке снять, сработают оба. Плюс я там нашел еще и это. Предупреждение. — Марат достал из кармана смятую бумажку, на которой с помощью лазерного принтера было напечатано «Есть и третий». Рядом красовался издевательский смайлик.

— Нашли третий? — рассмотрев бумажку, спросил Резников.

— Пока нет. Да и вряд ли найдем. Это может быть что угодно, вплоть до дверной ручки или части стены. Мы имеем дело с виртуозом. А такие люди очень не любят, когда их собираются кинуть.

— Никто его кидать не собирался. Получив антидот, мы бы сразу перевели деньги. А теперь, видимо, нет смысла. Нам нужно предотвратить срабатывание газового заряда. И твоя, Марат, задача сделать это. Если не можешь предотвратить взрыв, надевай противогаз, и пусть эта холера рванет ночью, когда в павильоне не будет людей.

— Я не уверен, что второй и третий заряды тоже газовые. Вернее, уверен, что они не газовые, — горько усмехнулся Джабиев. — И я не могу дать гарантии, что третий установлен именно в павильоне, а не где-нибудь тут. — Он обвел взглядом кабинет Резникова и добавил: — На случай, если мы все-таки захотим его с гонораром кинуть. Понятно?

Герман Петрович хрустнул костяшками пальцев.

— Тогда нужно перевести деньги сейчас, а завтра не пустить «Мамонта» на открытие выставки, пусть все произойдет без него. Отложим его прибытие на пару часов, и все дела. Это, пожалуй, единственный выход.

— Не единственный, но оптимальный, — усмехнулся Марат, — другие хуже. Особенно если учитывать, что одним отсутствием «Мамонта» ограничиться нельзя. Инцидент немедленно навесят на него. Тогда все на нары приплывем.

— Значит так, сейчас я сделаю перевод всей суммы, а ты позвони в наш аэропорт, пусть под любым предлогом задержат завтрашний рейс на Москву. И предупреди патрона. С телевидением будем связываться в последний момент, когда опоздание станет очевидным. Павильон с утра не открывать.

— Хорошо, — вздохнул Джабиев. — А пока буду зачищать следы. Больше никому.

Глеб Петрович Малицкий пребывал в глубокой задумчивости. Только что были получены предварительные результаты от Тиунова и его химлаборатории.

— На что это похоже? — в который раз спрашивал он Максима.

— Это реагент, — нервно отвечал Тиунов. — И реагент очень нестойкий. Пока среди известных соединений ничего похожего не обнаружено. Сейчас мои ребята пытаются вывести формулу.

— Что значит, нестойкий?

— Это значит, что спустя некоторое время его свойства изменятся, и мы получим нечто совершенно иное, Глеб Петрович. Минуточку... — Тиунов выхватил мобильный телефон и прижал трубку к уху. Спустя пару минут переспросил: — Ты уверен, Степан? Точно?

— Это антидот, — нажав на кнопку отбоя, сообщил Тиунов. — Нейтрализует действие ядов типа азотистого иприта и фосгена. Но, похоже, был создан как противоядие для какого-то неизвестного или редкого вещества.

— И что это значит? — напрягся Лагода.

— Это значит, что где-то может готовиться теракт по типу того, который в свое время был в токийском метро. Там ведь именно зарин был? — отозвался Арам.

— С обычным зарином данное вещество взаимодействует слабо. Но дело даже не в этом, — поморщился Тиунов. — Лосев сказал, что через 36 часов, максимум — два дня, эта штука станет бесполезной.

— Это либо очень плохой антидот, — прищурился Малицкий, — либо...

— Либо так и было задумано. Для одноразового использования точно в срок. Возможно, исполнитель сомневался в заказчике и таким образом подстраховался, — предположил Тиунов.

— Варианты могут быть разные. Но сомневался он не зря — три парня с УЗИ и набитым бумагой кейсом, это вам не фунт изюма. — Арам в задумчивости сжимал и разжимал пальцы.

— Ясно пока одно — антидот собирались применить в ближайшие сутки, — произнес Малицкий. — Причем, очень хотели, судя по тому, что мне тут вкратце сообщили о событиях вокруг курьера. Кто и где — вот главный вопрос. Вы девчонку и этого парня как следует расспросили?

— Да, Глеб Петрович, — появился на пороге вездесущий «Кобра», — расспросили. Глубокое ментальное сканирование. Она ничего не знает. Да и Ладожский — тоже играл роль обычного курьера. Мы, кстати, решили их от греха спрятать — парню совсем хреново. Сейчас отвезут обоих в клинику к Шацу, там Ласиков может с ними поработать, только вряд ли еще что-то вытянет. Единственная связующая нить была — мобильник. И те люди, которых мы видели.

— Видели, но взять не успели!

Коваленко только пожал плечами. Профи на профи — счет по нулям. Не могли же они на самом деле устраивать перестрелку на людной улице.

— Готовится что-то крупное, — сказал Шуваев. — Сколько, говоришь, денег хотели передать курьеру за этот антидот?

— Двадцать тысяч «зеленых», — ухмыльнулся Вася. — И это только курьеру. Исполнителю, скорее всего, заплатили каким-нибудь иным способом.

— Та-ак... — Малицкий похлопал ладонью по столу. — Дедуцировать нужно, это полезное. Но учтите, время уходит. Какие будут предложения?

— Токийское метро, говорите... — неожиданно произнес Арам. — Много жертв планируется, говорите? Что ж, тогда у нас есть наводчик.

— Думаешь тварь использовать? — мгновенно отреагировал Игорь.

— Думаю, стоит хотя бы попробовать. На поле такого уровня она не может не отреагировать, если уж за балбесами-скинами потянулась. Что там с большим детектором? Хотя бы приблизительный охват проверили?

— Сейчас проверяют, Арам Рафаэлович, — отозвался молчавший до этого Рысаков, шеф компьютерного отдела. — Думаю, территорию внутри МКАД охватим полностью.

— С этим ладно, — раздался голос Малицкого, — вот что с главным? Как там проверка детекторов? Что с подвалом?

— Проверил соседние дома, Глеб Петрович, — отозвался Лагода. — Детекторы работают, точно. Моя сенсорика и показания совпали. Все материалы передал «Лосю», в его отдел. От них пока ничего.

— Колдуны там что-то интересное нашли, теперь разбираются, что именно, — Шуваев с хрустом потянулся. — Пару часов назад извлекли твои трупы, Игорь, доставили сюда, анализируют.

«Мои трупы» — подумал Лагода. — Это ж надо! Совсем до ручки дошел.

— Ладно, математики, давайте по коням! — Глеб Петрович швырнул сломанную скрепку в урну и обвел взглядом свою команду. — Если мы допустим второе Токио или «Норд-Ост», грош нам всем цена. Я буду тут, если что... знаете, что делать.

Они знали.

Женя так и не поняла, что это было — больница или санаторий. Но разбираться не хотелось, хотелось забиться под одеяло, прижать к себе Арчи и спать. Скотч вырывался — под одеялом ему было жарко, а одной ей все еще было страшно. Страх, который она ощутила, когда увидела незнакомца с желтыми розами, а затем, когда ее рванули за руку, и почему-то она вдруг взлетала в воздух и оказалась в машине с кем-то чужим, зажавшим ей рот, все еще не прошел.

Тогда она решила, что это конец.

И укусила не дававшую ей закричать ладонь.

И лягнула того, кто впрыгнул в уже тронувшуюся машину.

Ее держали сразу несколько рук и уговаривали наперебой, пытаясь успокоить. Обладатель укушенной конечности ворчал и ругался.

— Да ничего мы тебе не сделаем! — потеряв терпение, заорал кто-то. — Прекрати пинаться!

Но Женя утихла только тогда, когда сил бороться с похитителями совсем не осталось. А когда сил не осталось, ее сразу потащили из машины, и она увидела свой собственный дом. Можно было позвать на помощь, только кого? Обычно из соседей в это время в наличии разве что старые бабки да алкоголик Петька из третьей квартиры. Но может быть, кто-то услышит и хотя бы в полицию позвонит?

— А смысл? Полицию мы и сами позвать можем, — возразил один из тех, кто ждал около входа. Женя растерянно прикрыла ладонью рот. Она что, произнесла это вслух?

— Нет. Ты только не ори, пожалуйста, — попросил парень. — Мы и так тут все нервные. Кстати, чем ты Ладожского накачала, никак разбудить не могу.

— Ну что, жива? — неожиданно появился перед нею улыбающийся отрок с наивными васильковыми глазами.

— Жива, — неожиданно для себя хлюпнула носом Женя. — А... вы кто?

— Мы — Чип и Дейл, которые спешат на помощь, да, Стас? — ухмыльнулся паренек. — А теперь пошли к тебе, поговорим. И прекрати трястись, уже сто раз сказали — все хорошо.

И она впустила их в квартиру.

— М-да... — протянул тот, которого называли Стасом, увидев осунувшееся лицо бесчувственного Ладожского. Потом он принялся кому-то звонить и вполголоса отчитываться и ругаться. Примчался еще один — похоже, предводитель, потому что именно он решил, что Жене и Павлу оставаться тут не стоит.

— Значит так... — поразмыслив, скомандовал он. — Вызываем прикрытие и эвакуируем обоих. А тут оставим засаду. На случай, если эти шустрые ребята решат наведаться.

— Как?! — пришла в ужас Женя. — Куда эвакуировать, какая засада?!

— Вывезем вас за город. Да не бойся, там врачи хорошие. Парню-то надо бы интенсивную терапию, а тебе оставаться одной опасно. Собирайся, ключи ребятам оставишь, они потом отдадут.

Ничего не оставалось, как подчиниться. Женя быстро сунула в рюкзак свитер и миску Арчи. Оставлять пса тут она не собиралась.

— «Кобра», четвертый не уходит, наблюдает за домом, — вполголоса сообщил тот, который сумел прочесть ее мысли.

— Отлично, устроим рокировку, — отозвался тот. — Только бы он не слинял раньше времени, иначе зря извращаемся.

«Прикрытие» прибыло через полчаса — с носилками для Ладожского.

— Пойдешь первой, — велел «Кобра» Жене. — От подъезда к машине двигайся четко по прямой, собаку лучше взять на руки.

— Почему на руки?

— Так надо.

Ну, надо, так надо. Обремененная рюкзаком и негодующим из-за невозможности посетить любимые кустики Арчи, девушка вышла из дома. И почему она слушается этих совершенно посторонних и неизвестных ей людей?

«Так надо. Все будет хорошо» — шепнул ей кто-то. Она оглянулась — рядом никого не было.

Пока она шла к припаркованному поодаль микроавтобусу, все вокруг казалось слегка размытым, словно она смотрела сквозь тусклые линзы.

— Влезай! — распахнул дверцу кудрявый рыжий парень.

— А Павел?

— Садись, твой Павел сейчас тут будет.

Она хотела огрызнуться: «Какой он мой?», но промолчала. А в следующий момент уже и забыла об этом, потому что задняя дверца микроавтобуса открылась, и в нее вдвинулись носилки. Но самое странное было то, что эти носилки появились вроде бы прямо из пустоты, и те, кто влез следом, — тоже. Женья испуганно пискнула, но рыжий успокаивающе подмигнул:

— Все в порядке.

Потом обернулся и спросил:

— Все загрузились?

— Угу, — отозвался один из парней. — Наш канал можно сворачивать. Сейчас ребята симитируют уход, и можно трогать.

Из подъезда появились «Кобра» и остальные члены его группы. Не торопясь, загрузились в джип, и тот, виляя между ямами в асфальте, уехал.

— А... как же засада?

— Они сейчас вернутся, только этого никто не заметит, — хохотнул водитель, и микроавтобус двинулся вслед за джипом.

Женья не поняла, что означает «никто не заметит», но сейчас ее больше всего волновало состояние Ладожского, тот иногда приходил в себя и стонал. Она попросила остановить машину и пересела к нему. Лоб Павла был горячим и, кажется, он не понимал, где находится и что с ним. Девушка испугалась не на шутку.

— Там действительно есть хорошие врачи? — спрашивала она без конца. — Похоже на угрозу сепсиса. Ему срочно нужно антибиотики колоть.

— Да, недалеко осталось, минут через двадцать доберемся.

Когда Ладожского, наконец, увезли на каталке и вокруг него засуетились люди в зеленых халатах, Женя была вне себя от беспокойства. Через два часа ей сказали, что все в порядке, раны Павла обработали, сделали ему переливание крови, и сейчас он спит под капельницей. Только после этого она прекратила нервно бегать по коридору и заметила, что усталый и обиженный Арчи дремлет под креслом.

Наступал вечер, и надо было запастись провизией — ночь предстояла хлопотная и тяжелая. Митька, категорически отказавшийся ехать домой, был послан в ближайший магазин за хлебом и колбасой.

Диланян и Игорь Лагода, оттеснив в сторону ребят из компьютерного отдела, прилипли к монитору. Большой детектор, дитя лучших умов «Омеги», получал сигналы от каких-то мудреных спутниковых систем. Космическое сканирование заданной территории проводилось и до этого, но никогда эта территория не была столь велика.

Сам начальник ЛИН засел за отработку обнаруженных пятен. Постепенно с экрана исчезали размытые контуры кладбищ и четко видимые на векторной карте прямоугольники моргов. В первую очередь Арам отрабатывал район, где в последний раз была замечена тварь — Кузьминки. Он то и дело сверялся с базой данных и помечал объекты, не значащиеся в ней и вызывающие сомнения. Специальная программа координировала их, и в случае изменения расположения должна была выдавать сигнал о перемещении. Но пока все было тихо — некроматерия, как ей и положено, сохраняла неподвижность.

— Ну как? — подошел Билаш с очередным бутербродом в руках. — Колдуете, некрофилы?

— Игорь, давай ты. — Диланян оторвался от таблиц и курсора и зевнул. — Полпервого уже, а у нас пока — сплошная иллюминация. Пойду-ка я кофе варить.

Лагода уселся в кресло и сделал масштаб помельче.

— Да уж... Работенки тут минимум на пару часов. И это только первое приближение.

Часы лениво отсчитывали минуты, руки и глаза сами выполняли нужные действия. Он зачистил центр города и сместился к юго-западу. Митька кемарил в неудобном офисном кресле, подложив под голову папки с годовым отчетом лаборатории.

Неожиданно взгляд зацепился за знакомую планировку. Больница, где лежала мама. Он тогда учился на втором курсе. Или на третьем? И ездил сюда через день — по четным — отец, по нечетным — он. Стискивал зубы, сжимал кулаки так, что ногти впивались в ладони, и шел. Мимо онкологии, мимо морга, мимо хирургии и реанимации — в кардиологию. Именно тогда обычное видение сменилось тем самым внутренним ощущением, выворачивающим наизнанку нервную систему, которое в «Омеге» называют даром. Он начал воспринимать чужую смерть как собственную боль, как стылый ужас, от которого хотелось выть. Перед посещением больницы сбегал с лекций и слонялся по улицам, готовясь к тому, что неизбежно обрушится на него за больничным забором.

Если бы мама пролежала подольше, он точно сошел бы с ума. Но ее, к счастью, выписали. Тогда Лагода бросил институт, устроился на завод, собирался уехать куда-нибудь, где поменьше людей и смертей.. Где их почти нет. И именно тогда он встретил Арама — случайно или нет, можно только догадываться. Почти наверняка — не случайно. Но на все вопросы шеф либо отмалчивается, либо отшучивается. Именно Диланян научил Игоря справляться с тем, что он слышит и чувствует, превращать себя в уникальный инструмент. Арам рассказал, для чего нужен этот инструмент — «обнаружение и нейтрализация потенциально опасных волновых излучений некроматерии», вот как называется то, что Лагода умеет лучше всех. Единственное, чего он так и не понял, — откуда в нем этот дар. Или это проклятие?..

Звуковой сигнал датчика комариным писком внезапно нарушил тишину. Игорь вначале даже не осознал, что это такое.

Начальник, устроившийся с чашкой на подоконнике, подскочил, едва не расплескав кофе.

— Где?!

Лагода сменил масштаб и запустил автопеленг. Потом лихорадочно зашелкал мышкой, увеличивая масштаб.

— Проспект Мира. Направления — от центра.

— Может быть, труповозка? Смотри, движется вдоль магистрали. Погоди-ка, отследить надо.

— Да, вряд ли некрофаг будет свободно по улицам передвигаться. Не собачка, чай.

— Пометь его особым маячком, если к моргу приткнется, значит, не наш клиент. Или на вылет из Москвы пойдет — могут кого-то увозить хоронить вне города.

И снова наступила тишина, изредка нарушаемая бдительным датчиком. Через час объект замер в неопределенном месте. Игорь добил север — Бабушкино и Медведково — теперь можно было перевести дух и передать

бразды Диланяну. Выявились еще несколько точек со слабыми смещениями — в пределах одного района.

— Ну что? — продрал глаза лаборант. Шея у Митьки затекла, и он принялся ее растирать.

— Пока ничего.

И тут, словно в опровержение его слов, зазвонил телефон — обычный, городской.

«Кобра» сообщал, что спецгруппой, оставленной в квартире Жени Шутовой, произведена попытка задержать неизвестных. И попытка неудачная.

— Что значит, неудачная? — не понял Арам.

Трубка в ответ разразилась длинной тирадой, закончившейся, судя по звукам, весьма эмоциональными выражениями.

— Стрельба была, — коротко сообщил Диланян. — Два трупа и один из «кобровских» ребят легко ранен. Сейчас отходят на базу. Документов при убитых никаких.

— С ума они сошли?! — подскочил Игорь. — Их задача была — взять, а не стрелять на поражение.

— Они и не стреляли, — меланхолично отозвался Арам. — Не повезло парням — рикошетом от защитного поля — обоих наповал. Ласиков там с ними остался, и когда увидел, что дело может плохо кончиться, инстинктивно силовым куполом всех накрыл. Вот он и отразил — гости из автоматов стреляли.

— Бли-ин... — протянул Лагода. — Маг недоделанный! Не мог оглушить ментально?!

— Это ты у него спросишь. «Кобра» сам в полном опупении, рычит и клянется больше никого ниже магистров в команду не брать.

— Серега успел что-нибудь считать с убитых?

По лицу Диланяна стало понятно — не успел.

— Ладно, — помолчав, вздохнул начальник ЛИН. — Я Малицкому сообщу, а то сам «Кобра» побаивается.

— Они место хоть зачистили? — Игорь тер виски, пытаюсь представить, чем им грозит изменение ситуации.

— Да, заглушили всех в пределах слышимости выстрелов. Ну и трупы забрали. Нашим экспертам на углубленное обследование. Пытаются хоть какую-то зацепку найти... То-то «Лосю» подарочек.

— Зацепка нам бы не помешала... — Вдруг Игорь замер, вглядываясь в экран монитора. Тот самый, подвижный объект теперь двигался перпендикулярно проспекту Мира. — Ни черта не понимаю... Или я сплю, или на труповозке пьяный водила, или это тварь все же по улицам бегает.

Диланян махнул рукой и выскочил из кабинета.

Герман Петрович провел бессонную ночь.

Когда Джабиев сообщил, что по данным наружного наблюдения курьер и девица остались в квартире одни, он только рукой махнул:

— Ну, если считаешь, что момент удобный, действуй. Все равно с ними разбираться придется.

Потом он проклинал себя за то, что не учел, чем это может обернуться. А ведь Руслан предупреждал — против них работают профи.

Они ушли с «чистыми» мобильниками — только для связи между собой, и исчезли, словно растворились в ночном воздухе. Утром, когда Резников поставил на уши остаток охраны и заставил наведаться к дому — там все было тихо. Никакой внешней суеты, которая должна была быть в любом случае. Никто ничего не слышал и не видел. В квартиру входить не рискнули, а с дерева она выглядела пустой.

Джабиев и Мышкин просто испарились.

Еще некоторое время Герман Петрович размышлял, могли ли они сбежать — от риска и ответственности. Нет, не могли. Незачем, да и бессмысленно. И продаться тоже не могли. Это стало понятно позже, когда люди Гиганова появились в павильоне и тщательно проверили помещение, о чем ему тут же доложила охрана. А больше никто услуги людей «Мамонта» покупать не стал бы.

В то утро он узнал, что такое дрожащие руки. Ощущение было гадостным и каким-то лакейским.

Вылет самолета из N-ска, как и было велено, отложили. Но задержка в два часа ничего не дала. Этим рейсом летели оба — губернатор и олигарх. Со свитами. Гиганова встречал в аэропорту вертолет, который должен был доставить его прямо на выставку. Любил «Вонючка» дешевый шик. А теперь еще этот вертолет становился единственным способом прибыть вовремя.

— Я вылетаю с ним, — коротко сообщил «Мамонт» в трубку. — Сам понимаешь, не могу отказаться.

Резников слушал его, и телефон прыгал в руках.

— Джабиева нет, Василий Алексеевич, — только и смог он выдавить.

— И где он? — Голос губернатора звучал почти спокойно, и это было хуже всего.

— Не знаю. Он вчера провалил операцию.

Герман Петрович решил идти ва-банк и валить вину на Марата. Терять ему было уже нечего. Что-то говорило ему, что Джабиева он больше не увидит. Да и Мышкина — вряд ли. Или они его не увидят, что равноценно.

— Ну что же... Сердечный приступ инсценировать я не могу, а лететь тут меньше двадцати минут. Ты сам где?

«Проверяет, — подумал Резников. — Хочет знать, брошу ли и я его...»
— Я подъезжаю к выставочному центру, Василий Алексеевич.
На часах было одиннадцать двадцать пять.

Утро в лаборатории изучения некроматерии наступило внезапно. Наверное, потому, что никто не смотрел на окна — взгляды всех были прикованы к монитору. Уже не было сомнений — пятно, которое они засекли, и есть некрофаг. Приведенный в готовность дезинтегратор вместе с запасными батареями ждал в джипе, но пока ясности, куда нужно ехать, чтобы пересечься с тварью, не было — слишком уж хаотично двигался объект. Хаотично, бессистемно и меняя скорость. Последнее особенно озадачивало.

— Смотри, когда траектория совпадает с направлениями улиц, скорость замедляется, а вот тут и тут — была просто бешеная, — тыкал пальцем в трассировки Арам. — Ничего не понимаю. И как будем перехватывать?

— Арам, нам надо определить основное направление. Смещение. — Лагода всматривался в пятно. За последние два часа оно стало более ярким и четким. Означать это могло только одно — некрофаг набирал силу.

— Ну, что тут у вас? — появился зевающий Билаш. — Ох, ни фиги ж себе... Хотите сказать, что эта зверюга столько за ночь наколесила?

— Цыц, Санька! — осадил его Диланян. — Лучше скажи, что может означать изменение скорости вот тут и тут? Сравни-ка.

Билаш надолго задумался, потом отобрал мышку у Игоря и принялся шарить по отрезкам векторов. Скорости действительно отличались — кое-где на целый порядок.

— Может, ее тормозит что-то? — подал из угла голос Митька.

— Свари-ка лучше кофе, юная поросль, — велел начальник. — Хотя...

— Тормозит, блин! — взвился Билаш. — Точно! Смотрите, вот тут она пересекала промзону — перла по диагонали со скоростью сто сорок, даже сто пятьдесят кэмэ в час. А тут — вдоль проспекта Вернадского — только тридцать, а кое-где и пятнадцать.

— Коммуникации... — прошептал Игорь. — Господи...

— Что со мной? — в глазах Павла, еще затуманенных действием снотворного, плеснулась растерянность.

Женя отвела взгляд.

— Хорошо, тогда скажи, где мы?

— Вчера нас перевезли сюда. Это частная клиника. Тебе стало хуже, поднялась температура... А врачи тут просто отличные.

— И кто нас перевез? — прищурился Ладожский.

Она не знала, что ответить. Нет, ей объяснили вкратце, что такое «Омега», но Женя Шутова всю жизнь была реалисткой и заставить себя поверить так и не смогла. Но никакой иной информации не было. Поэтому она просто пожала плечами:

— Ты не волнуйся, они не связаны с полицией. И с ФСБ тоже, — чуть менее уверенно добавила она. — Это вроде бы подразделение МЧС. Сказали, что те, кто угрожал, больше не опасны.

Ладожский помолчал, а потом спросил в лоб:

— Так ты, значит, накачала меня снотворным и отправилась в одиночку совершать подвиг?

— Ничего подобного, — запротестовала Женя. — Никакого подвига...

— Брось! И как у тебя рука поднялась вколоть мне эту гадость? — не унимался Павел. От обиды и злости его бледные щеки слегка порозовели. Да и взгляд уже был вполне осмысленным.

— Как видишь, поднялась.

Она сказала это таким тоном, что Ладожский осекся. Только сейчас он заметил, как Женя осунулась. Она сидела на стуле ссутулившись и зажав ладони между колен — эдакий печальный воробышек.

— Извини, я не хотел.

— Не стоит об этом. Мне пора... Поправляйся и... В общем, удачи тебе.

— Куда ты? А как же я?

— Тебя подлечат и отвезут домой. Они так сказали, и я им верю. А мне действительно пора — у меня ночное дежурство сегодня.

— И ты вот так просто оставишь меня тут и даже ни разу не наве­стишь?

— Я буду звонить здешним врачам и узнавать, как ты.

— Всего лишь?

Она хотела честно сказать ему, что да — это будет именно так. И этого достаточно. Потому что... потому что она уже просто боится привязываться к тому, кому, оказывается, потом не нужна. Но опять промолчала. Ей нужно домой — приехавший поутру Стас сказал, что уже можно, но при этом отводил глаза и что-то бормотал насчет того, что они у нее в квартире немного набезобразничали. Женя подозревала, что совсем не немного, но ей было как-то все равно. А потом — на работу, а потом она заживет обычной жизнью, в которую уже поздно кого-то впускать.

— Если ты надеешься вот так просто исчезнуть, у тебя все равно не получится.

Она подняла глаза и увидела его лицо. И осознала, что впервые видит, как он улыбается — устало и одновременно безмятежно. На обметенной щетиной правой щеке — ямочка, а на левой — нет.

— Я выберусь отсюда, и тогда мы поговорим, — продолжая улыбаться, пообещал Павел.

Женя поспешно кивнула и встала. В то, что он станет ее искать, не верилось совершенно, просто хотелось унести с собой эту ассиметричную улыбку и блеск его глаз.

Вот и закончилось это приключение. Дальше все пойдет, как прежде.

Большой выставочный павильон, арендованный для проведения Дня N-ской области в Москве, снаружи выглядел достаточно буднично — только сменный транспарант, флаги и некоторое количество гирлянд из воздушных шаров. Видали тут и большую помпу — с дирижаблями, танцующими африканками и прочими выкрутасами.

Исчезнувший Джабиев не мог выполнить вчерашнее распоряжение Резникова, и огромные стеклянные двери были распахнуты настежь. Герман Петрович скрипнул зубами. Все это напоминало сюжет дешевого триллера — прекрасно разработанный план рушится из-за непонятной ерунды, а главный герой обречен стать главной жертвой.

Ерунда! У него в запасе есть последняя возможность. Очень простая и доступная, прибереженная напоследок. Нужно просто инсценировать сообщение о готовящемся взрыве и очистить павильон от людей.

Он шагал к посадочной площадке. Надо же, «Вонючка» и тут все предусмотрел — хочет выглядеть красивей всех. Вертолет уже опускался в центр желтого круга, траву на газоне пригладило вихрем от его лопастей.

Первым из кабины вывалился секретарь Гиганова — крепкий широкоплечий тип по фамилии Курай. Хотя какой он секретарь — с таким цепким, мгновенно обшарившим все вокруг взглядом. Ну вот — огляделся... Следом за ним неловко, боком, выбрался «Мамонт» — грузный, с взлохмаченными волосами. Явление же «Вонючки» напоминало визит президента дружественной страны — широкая улыбка, уверенные жесты.

Заметив Резникова, губернатор кивнул ему. Герман Петрович подошел, указал на павильон. Выставка «Мамонта» интересовала менее всего, но Гиганов был слишком близко, чтобы разговаривать в открытую. Все, что он мог себе позволить, это вопросительно поднятая бровь.

— Добро пожаловать, Василий Алексеевич, — выдавил из себя Резников, демонстративно не замечая Гиганова. — Вас ждут.

— Дай ты мне хоть воздухом подышать после этой болтанки, — отыграл губернатор. — Сколько у нас в запасе, минут двадцать?

— Около того.

Герману Петровичу надо было, чтобы зазвонил его мобильный телефон. Но как назло, трубка, обычно музицировавшая почти непрерывно, на этот раз молчала.

Гиганов иронично глянул на них, пожал плечами, и в сопровождении Курая и еще троих возникших словно из-под земли молодцов двинулся к павильону. Там было уже довольно многолюдно. Завидев депутата, многие оживились, приглашенные журналисты нацелили на него фото- и телекамеры, потянулись с микрофонами.

Резников смотрел на эту суету отрешенно — он сам старательно создавал шумиху вокруг, в общем-то, не слишком презентабельного и помпезного мероприятия. И главной приманкой служил именно тандем «Мамонт» — «Вонючка». Запах скандала витал в воздухе, а иначе в гробу бы эту выставку журналюги видели — таких штатных мероприятий в столице ежедневно десятки проходят. И публика тоже была — привлеченная рекламными листовками с обещанием раздачи сувениров — футболок с гербом N-ска и шоколадок N-ской кондитерской фабрики. Постарались, черт бы всех подрал.

Мобильник продолжал молчать...

— Так, теперь налево, — командовал Лагода, держа у уха трубку радиации. — Идем параллельно, скорость примерно двадцать километров в час. По коллектору движется.

— Скажешь, когда поворачивать, — сквозь зубы процедил Арам, лавируя в тронувшейся лавине машин.

— Пока прямо. Скорость та же. Группа «Кобры» подтягивается, скоро будут в кильватере.

— Билаш по карте хотя бы примерно цель определил?

— Направление — Выставочный центр, вроде бы, — сообщил Лагода.

— Хреново... — выдохнул Диланян. — Там же народищу... Митька, держись крепче, на обгон иду!

— Арам, сейчас давай в тот переулок, она действительно к павильонам дует. «Кобра» застрял в пробке, пытается проскочить огородами.

Впереди взвивались в небо несколько оторвавшихся от дружной гирлянды шаров.

— Стоп!!! — заорал Игорь. — Тормози!

Джип, вильнув, замер. Лагода еще некоторое время что-то уточнял у Сани, продолжавшего отслеживать перемещения твари.

— Давай на паркинг, некрофаг остановился примерно в ста двадцати метрах отсюда. Северо-восток-восток. — Он покосился на наручный де-

тектор, к которому сбоку был приделан крошечный компас. — Так. Интересно, что тут за мероприятие?

Арам посмотрел и вздохнул. Большой павильон, облицованный голубым металлом и стеклом, окружала толпа. Человек двести или триста. Не так много, но и не мало. Чуть дальше виднелся замерший вертолет. И, естественно, все проезды перекрыты.

— Бери пушку, рыбка моя, — скомандовал он. — Митька — запасные батареи и зарядник. Ну, дети мои, с богом!

Сгибаясь под тяжестью дезинтегратора, Игорь бегом бросился к павильону. В центральный вход соваться было бесполезно, а вот сбоку — служебный, и рядом — разгрузочная рампа. То, что нужно.

Почему-то их никто не остановил — в длинном коридоре было пустынно.

— Сюда, — кивнул Диланян, который топал впереди, заглядывая во все двери подряд.

Комната была забита какими-то столами. На один из них Игорь установил пушку. Детектор пульсировал багровым.

— Тварь где-то рядом, — почему-то шепотом сообщил он Араму.

— Знаю, — взмахнул обеими руками сразу Арам. — Заряжай! Для начала попробуем достать через пол. Блин, где «Кобру» носит?!

— Его ориентирует Билаш, сейчас будут.

Митька вставлял в пушку батареи, тарасил глаза и озирался. Насмотревшись на результаты охоты голодного некрофага, он чувствовал, как мелко трясутся поджилки. А он-то всегда думал, что это фигуральное выражение...

Лагода ответил на вызов базы и ошарашенно сообщил:

— Саньке удалось взять линейные размеры твари. Два на три...

— Ну, ни фиги себе зверюга, — присвистнул Арам. — Долго шашлык из нее жарить придется. Где она, Билаш уточнил?

— Пытается совместить контур павильона с картой. Большая погрешность. Сейчас засек нас....

Рация закурлыкала.

— Говорит, что от нас метров двадцать на юго-запад. Та-ак.... отсюда через пол не получится. Пошли дальше! Митька, помогай. Шеф, давай впереди для решения вопросов с персоналом. Если решат применить силу — бей в торец, потом отбросимся.

Попавшемуся на пути юноше с бэйджиком на лацкане Диланян ткнул под нос удостоверение «Омеги» — юноша обалдело шарханулся в сторону. Но двое других были из породы секьюрити и пытались не дать пройти. Игорю было уже на все плевать: до цели оставалось всего ничего. Поэтому он просто навел на бойцов раструб излучателя и гаркнул:

— С дороги, идиоты, операция «Антитеррор»!

Хорошо, что парни оказались без стволов и с зачатками интеллекта. Вначале решили доложить начальству.

Но не успели.

Мобильник молчал, как проклятый.

Резников отошел в сторону и попытался незаметно включить будильник. В технике он разбирался отвратительно, поэтому ничего не получалось, потом вместо будильника он случайно наткнулся на выбор мелодий. Трубка издала какой-то звонкий пассаж, и он быстро поднес ее к уху. Дешевая игра — вот что это было.

Через минуту Герман Петрович уже отдавал распоряжения — получен сигнал о заложенной бомбе, нужно всех срочно вывести из павильона. Всех, кто уже туда вошел...

Сунув телефон в карман, он оглянулся — ни «Мамонта», ни Гиганова рядом не было. Именно сейчас отсутствие Джабиева взбесило настоящего. Он все время забывал, что теперь должен делать то, что раньше делал Марат.

Резников бросился к павильону, и в этот момент из него повалили первые, услышавшие о заложенной бомбе. Судя по лицам, в реальность угрозы никто не верил, но, на всякий случай, памятуя о прошлых терактах, люди решили убраться от греха подальше. Германа Петровича оттесняли от дверей, а он, расталкивая выходящих, рвался внутрь. Из павильона слышались возбужденные голоса — похоже, «Вонючка» решил, что это подстава, и ему не дадут возможность покрасоваться перед камерами.

Правильно решил. Насчет камер.

Отчаянным усилием Резников оттолкнул паренька с банкой пива, следом кого-то еще, потом его отшвырнуло назад, и тут внутри павильона раздался грохот и отчаянные вопли. Из подъехавшего джипа повыскакивали какие-то люди, стали ввинчиваться в испуганную толпу, что-то кричали, веля отойти как можно дальше. Герман Петрович кинулся за ними, стараясь через головы разглядеть губернатора, но это было бесполезно. И вообще — паника уже захлестнула и его, он не понимал, что происходит — ведь как минимум десять минут резерва еще оставалось. А если это взорвался тот самый, другой заряд, о котором говорил Джабиев? Нет, не может быть — взрыва не было, в павильоне что-то рушилось. Вот опять... Неужели стенды?!

Он был уже рядом с входом, инстинктивно стремясь оказаться сейчас рядом с хозяином. И тут прямо на него из дверей вывалилась фигура. Он сразу узнал Гиганова — характерная фигура, дорогой костюм с матовым

отливом. Вот только лица у него не было. Пошатываясь, Гиганов двигался, словно зомби — окровавленная маска вместо лица, неуверенные движения. Закричала женщина, кто-то кинулся к олигарху, кто-то рванул прочь, наконец-то осознав, что пора спасать собственную шкуру. Вид крови спровоцировал уже настоящую панику.

Германа Петровича опрокинуло назад, и тут же в его живот впечаталась чья-то нога, другая... Оглушенный ударом об асфальт, он не слышал криков и только чувствовал — прямо по его телу бегут люди.

Резников попытался откатиться в сторону, но там тоже были чьи-то ноги. И каждый их шаг колющим эхом отзывался где-то под ребрами...

За последним поворотом оказался зал — с яркими стендами, макетами каких-то цехов и огромной пятнистой коровой, парящей под потолком в окружении бело-голубых облачков из шариков.

Неожиданно...

Лагода едва не сшиб стол с разложенными на нем пышными караваемы и нервно огляделся. Люди, довольно много людей. Камеры, нацеленные на площадку в центре павильона, озаренную яркими лампами. Там кто-то уже говорил в микрофон — громко, пафосно.

Рассматривать времени не было — детектор на запястье рыкнул и завибрировал.

— Все в сторону! — кричал Арам, двигаясь причудливыми зигзагами, чтобы определить точку для опережающего удара. — Все в сторону — очистить помещение!

Говорящий в микрофон нервно вздрогнул, обернулся и завопил, что это провокация, и он не позволит. Его охрана бежала к ним, доставая стволы. Но не добежала — другие люди уже сообщали по громкой связи, что павильон заминирован, и его нужно срочно покинуть — всем. Телохранители поспешно метнулись обратно — прикрывать уход босса.

В поднявшейся суматохе Игорь увидел — Диланян указал на металлический люк — сбоку у стены.

Нужно было только успеть установить пушку, только успеть.

— «Кобра» тут! — крикнул ему Митька и кинулся оттаскивать в сторону стулья, мешавшие подойти к люку.

А дальше Лагода видел все так, словно закрутили безумное кино.

Взлетела железная крышка, грохнувшись обратно на мозаичную плитку, которая тут же вздыбилась и принялась разваливаться вместе с кусками бетона. А из огромного разлома полезла тварь.

Что это именно она, Игорь осознал только потому, что ждал чего-то подобного. Но не такого. Некрофаг действительно был похож на чудовищ-

ный сгусток тьмы, силуэт, окруженный лохмами и напоминающий не то дикого вепря, не то медведя. Из пасти торчали вверх и вниз загнутые крюками зубы.

Но почему-то самым жутким было то, что вокруг чудовища кружился вихрь воздушных шариков из разлетающихся облачков.

— Митька, в сторону! — закричал Игорь, стараясь перекрыть грохот.

Лаборант, прикрываясь пластиковым стулом, как щитом, отскочил и бросился к Диланяну.

Тварь замерла лишь на секунду, упершись лапами в края разлома, и почти без подготовки сделала первый бросок. Он пришелся на пустующую освещенную площадку, и это спасло многих. Разлетелась аппаратура, полыхнуло сухим электрическим пламенем, в павильоне погас свет. Крики тех, до кого дотянулись жуткие клыки, вывели присутствующих из оцепенения, и они бросились к двери.

Лагода судорожно пытался поймать мечущегося некрофага в перекрестье прицела монитора, но это было бесполезно — поймать было можно, но не зацепить при ударе людей — нет.

— Митька, «Кобра», гоните всех отсюда! — рявкнул Арам, выхватывая некрошокер.

Бестолково мечущиеся люди усилиями команды подоспевшего спецотряда «Омеги», наконец-то были оттеснены, кто-то из парней в нервах разрядил в некрофага целый автоматный рожок, чтобы прикрыть последних. Раненых утаскивали волоком. Наперерез кинувшейся за ними твари бросился Диланян и, словно тореадор, крутнувшись на месте, ударил ее шокером. Острые кинжалы-когти просвистели у живота, но Арам уже отпрыгивал в сторону.

— Ну что же, рыбка моя, пофехтуем!

— Шеф, держись правее! — Игорь положил пальцы на пусковую кнопку. — Все — в сторону!

Разряд был настолько мощный, что вместе с тварью смел и искорежил металлическую конструкцию, с установленными на ней софитами. Падая, один из них зацепил и сшиб с ног Диланяна.

— Арам, осторожней! — крикнул «Кобра» и полоснул из УЗИ по живучему некрофагу. Слово терминатор, тот выкарабкался из-под обломков почти мгновенно. Пули его не брали, разве что на мгновение отвлекали от жертв.

Диланян оглянулся — оскаленная пасть и белые, словно залитые молоком глаза были совсем рядом. Неловко перекатившись за куски конструкций, Арам вскочил на ноги.

Раненому некрофагу явно было не по себе — но сдаваться он не соби­рался. Не зря его вел сюда мощный инстинкт. Хотя движения твари теперь явно замедлились.

Вновь полыхнула пушка, обдав волной озона. Вот так... почти накрыло. Тварь корчилась на полу посреди обломков того, что еще недавно было нарядной экспозицией. Где-то за стенами павильона выли сирены.

Под потолком лопнула надувная корова и бело-рыжей кляксой шлепну­лась в центре зала.

— Давай еще раз, и отходим! — приказал Диланян Игорю, поспешно ме­няющему батарее пушки. Митька напряженно следил за упорно ползущей к ним тварью. Часть ее тела превратилась в рыже-зеленую слизь и тянулась следом.

— Кобра, держи своих ребят подальше! — Голос Диланян потонул в грохоте — обрушилась еще часть конструкции. — Мы с ней справимся. Уходите!!!

— Отходим, — нехотя приказал Коваленко. — Быстро!

— Давай! — махнул рукой Арам, пригибаясь. — С богом!

То, что произошло дальше, не укладывалось в сознании. Казалось бы уже подышающая и полуразложившаяся тварь в момент нового разряда взвилась вверх и, теряя куски распадающейся плоти, бросилась на Лаго­ду. Митька, попытавшийся по примеру Диланяна использовать шокер, от­летел в сторону и, врезавшись в стену, сполз по ней. А Игорь, оттолкнув уже бесполезную пушку, выхватил что-то из кармана и коротким движе­нием швырнул в летящего на него некрофага.

Впервые они услышали голос твари — жуткий утробный вой на уровне инфразвука. Корчась и загребая лапами, некрофаг дергался на полу в па­ре метров от них. Потом замер и стал опадать, съеживаясь, будто медуза под солнцем.

— Митьку уноси! — крикнул Араму Лагода. — Все...

Тот кивнул и подхватил на руки еще не пришедшего в себя лаборанта. Так они и отходили — впереди Игорь с пушкой, следом — начальник с Митькой. Длинные ноги Круглова норовили зацепиться за все, что только можно, и мешали идти. Они уже сворачивали за угол, когда позади, в опу­стевшем зале раздался негромкий хлопок, и в спину ударило медленное легкое пламя. Последнее, что видел Лагода — белый, затягивающий раз­рушенное помещение туман. И услышал стон Арама:

— Твою мать!

— «Кобре» объявляю благодарность, — с хрустом потянулся в кресле Малицкий, — за то, что догадался вернуться за антидотом.

Коваленко картинно оскалился и потер ладони. Теперь лаборатория исследования некроматерии по гроб жизни ему должна. А как же — самому Диланяну вкатал в ягодицу укол. И Лагоде — тоже, не говоря уже о лаборанте.

Тут одним пивом не обойдутся!

То, что в павильоне был заложен газовый заряд, оказалось для «Кобры» не такой уж неожиданностью — на готовящийся теракт ориентировались сразу, и когда рвануло, не растерялись. Молились, конечно, полуночным богам, чтобы дозировка не подкачала, но — обошлось. Сейчас ЛИНовцы отходят после случившегося — Малицкий велел их для профилактики в лазарет запихнуть. Игорь, когда его уносили, все еще бредил своим осиновым крестом. Спас-де их этот крест в последний момент. Но это вряд ли. Спас их он, непобедимый и мудрый «Кобра».

Билаш подмигнул воспаленным после бессонной ночи глазом и тоже ухмыльнулся. Завалили они некрофага, вчистую завалили. И даже практически без жертв. А то, что у кого-то из свиты губернатора N-ской области сердце слабым оказалось — не их проблемы. Сам-то губернатор легким испугом отделался. Правда, какому-то депутату морду здорово ободрали, но пластические хирурги новую ему сошьют.

— Саня, ты чего веселишься? — вывел его из размышлений голос Малицкого.

— А он все еще тому, что некрофаг размножиться не успел, радуется, — фыркнул кто-то от дверей. — А то гонялись бы за его детишками по всей Москве до морковкиного заговения...

— Да ну вас, — обиделся Билаш. — Я, можно сказать, был на пороге великого открытия и посрамления Вайненберга, и тут такой облом...

— Кстати, насчет открытий... — Малицкий оглядел всех присутствующих по очереди. — Захоронение в подвале было мастерским. Поэтому и детектор на него не отреагировал.

— Что значит — мастерским? — не понял «Кобра».

— Рунное заклятие, — пояснил Малицкий. — Какая-то сволочь постаралась — закрыла им могилы. Останки-то старые, лет сто, так что искать, кто это сделал, смысла уже нет. Просто учтите — раньше маги и такое умели... чтоб им на том свете икалось. И хорошо, что на их мастерство есть наше.

Все помолчали, переваривая информацию.

— Я скажу ребятам, пусть над детекторами поколдуют, рунный декодер поставят, — улыбнулся Шуваев и поднялся: — Ну что, орлы, по коням?

Женя тащила к дому упирающегося всеми четырьмя лапами Арчи. Скотч явно жаждал продолжить прогулку, но после суточного дежур-

ства девушка была больше не в состоянии шастать за ним по кустам и закоулкам.

— Завтра утром побегаешь, — уговаривала она собаку, — ну, будь человеком!

Подъезд встретил их привычными запахами и звуками. Где-то бормотал телевизор, плакал младенец, скрипели под ногами ступени.

В последний момент, вместо того чтобы войти в распахнутую дверь, Арчи вдруг коротко взвизгнул, рванул в сторону и бросился к лестнице, волоча поводок. Женя кинулась за ним, а скотч уже карабкался наверх, к чердаку...

— Ты?! — Она замерла, увидев ноги, обутые в знакомые ботинки на толстой рубчатой подошве. Все остальное тонуло в темноте.

— Я, — коротко ответил знакомый голос. А потом добавил: — Ну и сколько я должен тут сидеть? Я же обещал, что тебе не удастся вот так просто исчезнуть из моей жизни.

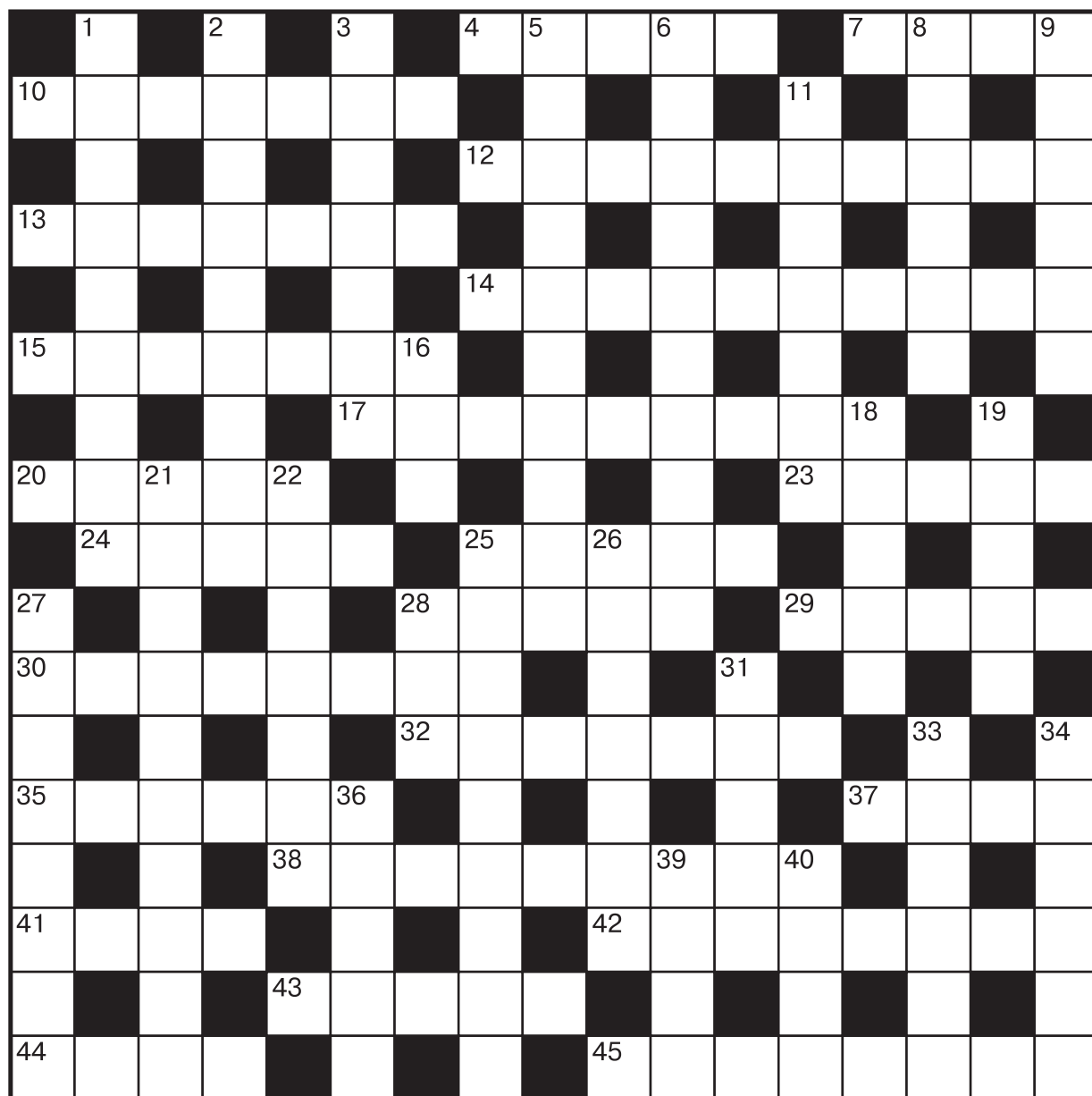
— Вот так оно все и было, Светлана Николаевна, — закончил рассказ Диланян. — А то в наших сетях такого наплели, что не знаешь, плакать или смеяться. Да еще какая-то «левая» исламская группировка примазалась — дескать, наших рук дело. Но наши аналитики уверены, что это местечковые игрища N-ских политиков. Не зря губернатор этой самой области в отставку быстренько подался.

— Да бог с ним! — Профессор Преображенская, улыбаясь, смотрела на Диланяна и Лагodu. Историю с осиновым крестом, добившим тварь, они изложили ей первым делом. — Главное, вы целы остались.

— Мы в норме, — улыбнулся Игорь. — Нас привлекли зачищать кладбищенский вал. Надо прощупать его и территорию вокруг. Чтобы не повторилось...

Он машинально глянул на запястье. Детектор ровно светился белым, показывая, что все в порядке. Можно спокойно пить чай и вспоминать то, что уже осталось в прошлом... □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** На съемках какого комедийного боевика разбили более 50 автомобилей? **7.** Акт змеиной агрессии. **10.** Какую монету возродили англичане после победы над Наполеоном при Ватерлоо? **12.** Цирковой номер «с манией величия». **13.** Чем скрепки «выстрелива-

ют»? **14.** Двурушник по части писания. **15.** Где воспитывалась Джейн Эйр? **17.** Отец Федор, гонявшийся за бриллиантовым стулом мадам Петуховой. **20.** Богоугодная смола. **23.** Кто из легендарных разведчиков скрывался за псевдонимом Рамзай? **24.** Стихотворение «а-ля Шекспир».

25. Почетный гражданин Калмыкии среди звезд Голливуда. **28.** Кода дня. **29.** Уральский городок, где чугунное литье довели до уровня настоящего искусства. **30.** Свиной деликатес. **32.** Что заключают с сотрудником? **35.** Растение, чьим корнем архангел Михаил излечил чуму. **37.** Какие рулады спящий выводит? **38.** Культовая трилогия «... колец» англичанина Джона Толкиена. **41.** Компьютерный манипулятор. **42.** В какую погоду хороший хозяин «собаку из дома не выпустит»? **43.** Кто летает «на повышенных скоростях»? **44.** Начинка тюбика. **45.** За что русского поэта Николая Гумилева удостоили первого Георгиевского креста?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** На чем впервые полетела Таня Гроттер? **2.** Римский император, чья скупость стала поводом для насмешек даже у дворцовых шутов. **3.** Великий русский ученый, которого едва не отдали под суд за

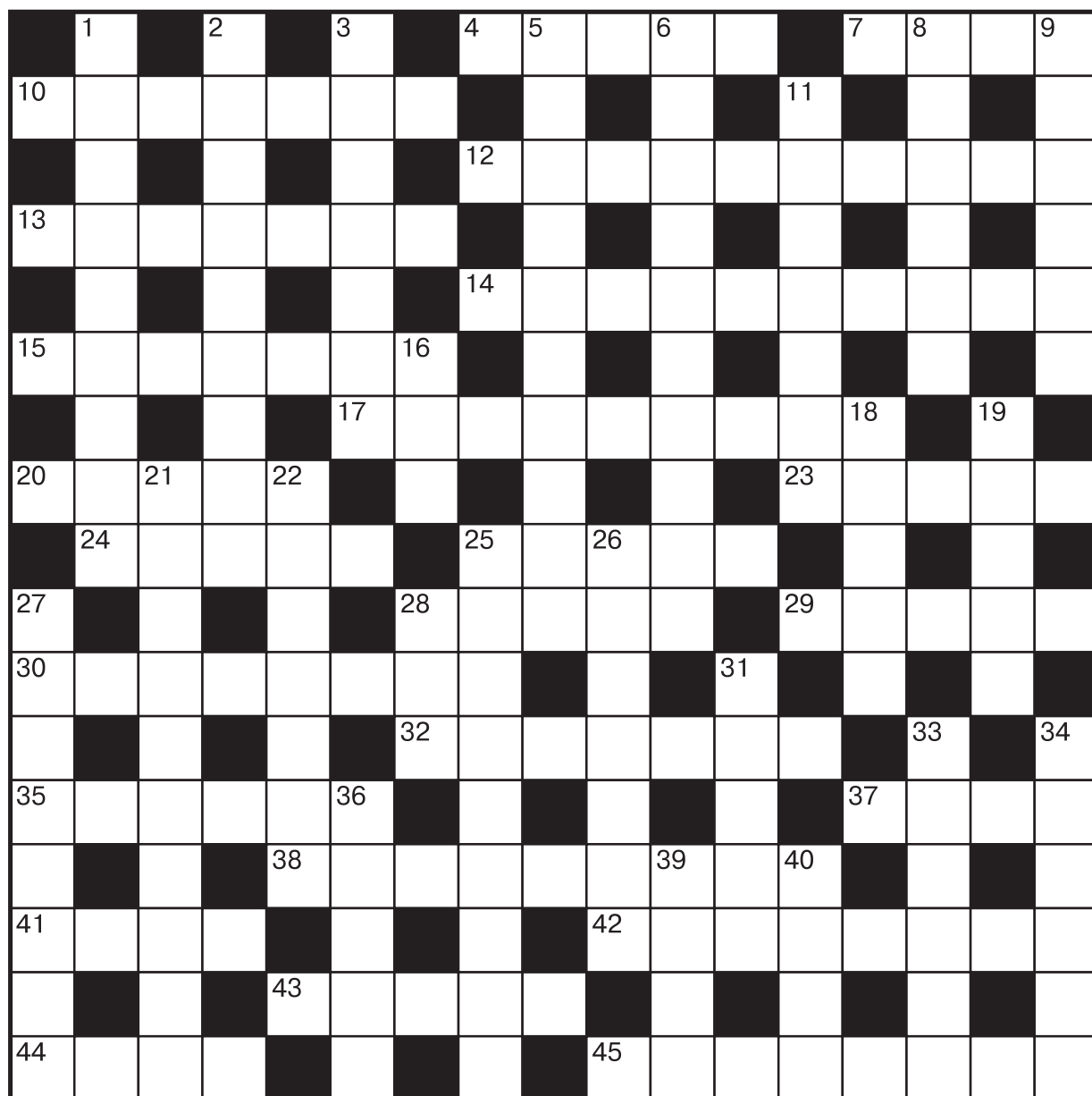
книгу «Рефлексы головного мозга». **5.** Кто расходует боеприпасы в порядке общей очереди? **6.** «Качественный» документ. **8.** «Прищепки» на ушах. **9.** Кого из литературных героев Фазиль Искандер представил в книге своим дядюшкой? **11.** Ржавчина памяти. **16.** Кто проклял библейского Хама? **18.** Искусство художественного напряжения голосовых связок. **19.** Хлеб северного оленя. **21.** Что отличает героя мультфильма «Хортон»? **22.** Финт продавца пива. **25.** Великий актер, друживший с драматургом Александром Островским. **26.** «Рождающий соль». **27.** Маршал в мире науки. **28.** «Мы плетемся наугад, нам фортуна кажет ...». **31.** Французский наследник престола. **33.** Создатель первого термоэлемента. **34.** Где именно раздобыла себе мышьяку госпожа Бовари? **36.** Сумочка для косметички. **39.** По какой реке проходит «львиная доля» «северного завоза»? **40.** Простейшее мнение о нашем мире.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Цветы. **9.** Кулинар. **11.** Хурма. **12.** Рислинг. **14.** Пурга. **15.** Красота. **16.** Мугам. **18.** Бекас. **20.** Мирмекс. **23.** Фурор. **25.** Село. **28.** Каперсы. **29.** Наклон. **30.** Керн. **32.** Милан. **33.** Дания. **34.** Зверобой. **36.** Должность. **38.** Демагог. **39.** Гонец. **40.** Полифем. **41.** Пилот. **42.** «Ермак». **43.** Радость. **44.** Штраф.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Будущее. **2.** Биограф. **3.** Бар. **5.** Валаам. **6.** Танк. **7.** Суссекс. **8.** Смотр. **10.** Рисунки. **13.** Гримаса. **17.** Минералог. **19.** Суворовец. **21.** Селен. **22.** Ровня. **24.** Радий. **26.** Князь. **27.** Эклер. **30.** Католикос. **31.** Ристретто. **32.** Моралист. **35.** Ажиотаж. **36.** Дорога. **37.** Кобра. **38.** Дедал.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Чей мускулистый язык высовывается на 45 сантиметров и, скручиваясь, захватывает ветки? **7.** Какое блюдо вдохновило смешную короткометражку от Федора Бондарчука? **10.** Звезда из Овна. **12.** Чем застрявший патрон вытаскивают? **13.** Зарок на хо-

лостую жизнь. **14.** Создание ритмических рисунков голосом в хип-хопе. **15.** Штаны испанских тореадоров XIX века. **17.** Классик, ставший директором первого профессионального театра в России. **20.** Выпивка из артишока у итальянцев. **23.** Головной убор с узкой прорезью для глаз.

24. Морской старец, обещавший морякам Эллады счастливое плавание. **25.** Силена Оливейра из «Бумажного дома». **28.** Сибирский лютик. **29.** Углубление для судовой мачты. **30.** Ответ взгляду на вопрос о пути. **32.** Какой город проклинает Сергей Есенин в своей «Инонии»? **35.** Чья туша спасла Люка Скайуокера от замерзания? **37.** Тесто без яиц. **38.** Принцип управления на основе приоритета человеческого разума. **41.** Японский базилик. **42.** Итальянский город на полотнах русского художника Сильвестра Щедрина. **43.** Английская упряжная лошадь. **44.** Синоним познания в исламе. **45.** Брюки в обтяжку.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Русский баталист, чью выставку запретил посещать военным немецкий генерал-фельдмаршал Хельмут Мольтке, чтобы не расхолаживались. **2.** Какой античный полководец называл своих детей «львятами, выращенными на погибель Риму»? **3.** Мексиканский пудинг из кукурузы. **5.** Прибор для

измерения магнитногоклонения. **6.** «Противник жизни», зачастую спасающий ее же. **8.** Финский танец. **9.** Банановая выпивка из Уганды. **11.** Кого в «Илиаде» задушили морские гады? **16.** Восточный базар из «Автобиографии» Агаты Кристи. **18.** Лента, которая обвивала голову древней римлянки. **19.** Игольчатое ружье. **21.** Что символизирует маргаритка на языке цветов? **22.** Остров, ставший заморским департаментом Франции. **25.** Аргентинский бомбардир, забивший 11 голов на Олимпийских играх. **26.** Ламон из романа «Дафнис и Хлоя» Лонга. **27.** Русский перепляс. **28.** Что высасывает из своих жертв монстр пиштако из перуанских мифов? **31.** Иранский солончак. **33.** Какой мадам мир моды обязан косым кроем? **34.** Индейский народ, «сторожевые Скалистых гор». **36.** Барселонский кофе, упомянутый в романе «Происхождение». **39.** Коровья антилопа. **40.** Отложения, скопившиеся в течение одного геологического века.

Ответы на эрудит, опубликованный в №4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Уотто. **9.** Бакунин. **11.** Нотий. **12.** Кондеза. **14.** Бишоу. **15.** Иксуль. **16.** Панир. **18.** Хирот. **20.** Чаморро. **23.** Синид. **25.** Трео. **28.** Святкин. **29.** Наксос. **30.** Паво. **32.** Брифы. **33.** Танах. **34.** Гарболог. **36.** Аргирокоп. **38.** Укеаюми. **39.** Глима. **40.** Горовец. **41.** Торий. **42.** Джимы. **43.** Пикката. **44.** Колюр.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Ватилин. **2.** Духосос. **3.** Тик. **5.** Олдрич. **6.** Тази. **7.** Локкарт. **8.** Миллс. **10.** Новалис. **13.** Акроним. **17.** Растафари. **19.** Тихоходка. **21.** «Орлан». **22.** Молох. **24.** Дверг. **26.** Шняга. **27.** Якорь. **30.** Папоротка. **31.** Вапоретто. **32.** «Ботафого». **35.** Викодин. **36.** Амбигю. **37.** Блажь. **38.** Умами.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2024 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 237 рублей 60 копеек	За 1 номер — 269 рублей 50 копеек
За полугодие — 1425 рублей 60 копеек	За полугодие — 1617 рублей 00 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2024 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

! ВНИМАНИЕ! Анонс на №6-2024

ISSN 0131-6656

СМЕНА

«Никиту Сергеевича Михалкова многие любят и ценят за ставшие отечественной киноклассикой фильмы и почти бессознательно воспринимают заложенные в них идеологические взгляды патриота-государственника, приверженного православию и гордящегося своим дворянским происхождением. Кому-то подобные идейные принципы кажутся достаточно реакционными, но Михалкова нападки противников нисколько не смущают, он стоит на своем и даже безвозмездно ведет на ТВ полемическую авторскую программу «Бесогон». А еще утверждает своим творчеством неувядающие человеческие ценности, такие, как честь, достоинство, верность долгу. Против них возразить нечего!

Георгий Кричевский «**Никита Михалков. "Свой среди своих"**»

«Достаточно произнести слово «Гусар» — и в памяти сразу оживает образ Дениса Давыдова — не только бравого гусара, полководца и теоретика военного искусства, который представил Кутузову и Барклаю де Толли свой план партизанской войны, но и признанного поэта русского литературного Золотого века. Во время Отечественной войны 1812 года он со своим отрядом появлялся в самых опасных местах, а о его «эскадроне гусар летучих», его храбрости и удачливости в народе ходили легенды...

Светлана Марлинская «**Вознесенный судьбой**»

«В самом центре бывшего уездного купеческого города Александрова Владимирской области высится особняк, который неизменно притягивает взоры любого, впервые оказавшегося в этих краях. Бывший некогда усадьбой купца, благотворителя и мецената Алексея Михайловича Первушина, вот уже более четырех десятков лет он является Александровским художественно-краеведческим музеем. Местные жители называют его просто — Дом Первушина.

Дмитрий Зелов «**Аромат былой эпохи**»

«Его песни знают и поют все — от мала до велика. В 1989 году Сосо Павлиашвили получил Гран-при Всесоюзного конкурса молодых исполнителей эстрадной песни в Юрмале. После этого и началась его карьера, которая стремительно набирает обороты — ведь певец никогда не останавливается на достигнутом. В нашем интервью он говорит о музыке и искусстве в целом, о своей семье, о непростых путях для музыканта, которые, как и Господни, неисповедимы...

Интервью журналистки Дарьи Парчинской с певцом **Сосо Павлиашвили**

Детектив Ларисы Королевой и Алексея Лапина «**Все и ничего**»

№5 май 2024